

КРАСНОЯРСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ
II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Красноярск, 19 ноября 2024 г.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

КРАСНОЯРСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

Красноярск, 19 ноября 2024 г.

Красноярск
СФУ
2025

УДК 94:355(571.51)
ББК 63.3(0)-68(2Рос-4Крн)
К782

Ответственный редактор Е. Н. Гарин

К782 Красноярские военно-исторические чтения : материалы II Всероссийской науч.-практ. конференции. Красноярск, 19 ноября 2024 г. / отв. ред. Е. Н. Гарин. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-7638-5087-1

Приведены материалы, посвященные актуальным вопросам истории русской армии, подвигам воинов-сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Проанализирован процесс строительства современных Вооруженных сил России. Показана роль военно-исторического наследия России в государственно-патриотическом воспитании молодежи.

Адресованы специалистам-историкам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам гуманитарных специальностей, а также всем, кто интересуется военной историей нашей Родины.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Электронный вариант издания
см.: <http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94:355(571.51)
ББК 63.3(0)-68(2Рос-4Крн)

ISBN 978-5-7638-5087-1

© Сибирский федеральный
университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ.....	6
<i>Баяндин В. И.</i> Августейшие шефы воинских частей Императорской армии России в XIX – начале XX века.....	6
<i>Борисова А. П.</i> Никто не забыт. К 110-летию Первой мировой войны.....	15
<i>Григорьев Н. С.</i> Подготовка офицерских кадров в Сибири в период Первой мировой (1914–1917)...	18
<i>Ковалев А. С.</i> Инвалидная команда как институт социальной помощи увечным и пожилым военнослужащим в XIX веке (на материалах Сибири).....	22
<i>Некрашевич Ф. А.</i> Причины проведения рекрутских наборов в Российской империи (по материалам Высочайших манифестов 1815–1874 годов).....	30
<i>Тейхреб Н. Я.</i> Лошадь в Русской армии в годы Первой мировой войны.....	34
<i>Усков С. Ю</i> Военная присяга: от ротыбы до ритуала.....	39
ЧАСТЬ 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	44
<i>Воног Е. А.</i> Установление имен и воинских званий американских военных кинофотооператоров, служивших на востоке России в годы Гражданской войны и интервенции.....	44
<i>Леонов Д. А.</i> Белое движение в Сибири: проблемы и перспективы.....	52
<i>Ростов Н. Д.</i> Сибирский военный округ накануне Великой Отечественной войны.....	56
<i>Шекшеев А. П.</i> «Нам все равно, какая бы власть ни была... ». Отношение енисейского крестьянства к «красным» и «белым» во время Гражданской войны.....	64
ЧАСТЬ 3. СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	76
<i>Батурин А. С.</i> Развитие автомобильного транспорта Кузбасса в годы Великой Отечественной войны.....	76

<i>Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.</i> Особенности организации плановой работы на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	80
<i>Карелин А. С.</i> Деятельность спортивного общества «Динамо» в Кемеровской области в послевоенный период.....	88
<i>Корнев Д. В., Иванов В. С.</i> Советские вооруженные силы в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.....	96
<i>Павлюкевич Р. В.</i> Образ врага в советских анекдотах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	99
<i>Перетяцько Н. Н.</i> Участие 374-й стрелковой дивизии в блокировании Курляндской группировки немецких войск (январь – март 1945 года).....	103
<i>Перетяцько Н. Н.</i> Участие 374-й стрелковой дивизии в окончательном разгроме Курляндской группировки немецких войск (март – май 1945 года).....	107
<i>Прямыцын В. Н., Жильчук И. А.</i> Роль партизанского движения в гидрометеорологическом обеспечении Красной армии в годы Великой Отечественной войны.....	111
<i>Романов А. А.</i> Краткий обзор боевого пути 62-й стрелковой Борисовской Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Трудового Красного Знамени дивизии (третьего формирования) в годы Великой Отечественной войны.....	119
ЧАСТЬ 4. СОВЕТСКИЙ ТЫЛ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	124
<i>Дворецкая А. П.</i> Диксон. Историческое наследие времен Великой Отечественной войны на территории Красноярского края.....	124
<i>Горчатова Д. Д., Толмачева А. В.</i> Организация социальной защиты инвалидов Первой мировой и Великой Отечественной войн: сравнительный анализ.....	129
<i>Калинин О. Н.</i> Роль оборонно-спортивных комплексов в формировании у населения СССР военно-прикладных навыков накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945)	133
<i>Очирова Б. Б.</i> Промышленные переселения в Красноярский край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	140

<i>Черноусов А. В.</i> Военно-промышленный комплекс Красноярского края в годы Великой Отечественной войны.....	143
ЧАСТЬ 5. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ И ЕГО РОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ.....	148
<i>Батищев Р. Ю.</i> Образы войн прошлого в региональной политике памяти субъектов Российской Федерации.....	148
<i>Белгородская Л. В.</i> Участники войны в составе советского исторического сообщества в контексте реалий позднесталинской эпохи.....	154
<i>Дядькина Т. В.</i> Страницы битвы на Волге: алюминиевый тюбик.....	162
<i>Москалев Л. Л.</i> Военно-историческое наследие региона как инструмент сохранения памяти о значимых событиях истории.....	166
<i>Романова Е. А.</i> Газета «Красноярский рабочий» как источник изучения фашизма после завершения Великой Отечественной войны (вторая половина 1945 года).....	178
<i>Савченков И. А., Шерстнёв А. П.</i> Роль военно-политической подготовки в гражданской жизни курсанта.....	187
<i>Хайремдинов Л. М.</i> Публикации о боевом опыте и применении артиллерии в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Красная звезда» как средство обучения курсантов артиллерийских училищ на территории Сибирского военного округа.....	191

ЧАСТЬ 1. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

УДК 94(571.51), 355.092(571)"19/20"

В. И. Баяндин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

АВГУСТЕЙШИЕ ШЕФЫ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о появлении в российской армии почетных шефов воинских частей. Показано, какие права и обязанности имели эти лица на протяжении XIX – начала XX в. Изучен вопрос о том, кем могло быть присвоено это почетное звание и при каких обстоятельствах воинские части могли быть лишены своих почетных шефов. Приведены примеры назначения шефами представителей королевских и императорских дворов Европы. Представленные иллюстрации, рисунки и фотографии дают возможность увидеть, как выглядели военные мундиры почетных шефов европейских армий в XIX и начале XX в.

Ключевые слова: *августейшие лица, почетные шефы, воинские части, военная форма российских императоров и императриц*

Abstract. The article deals with the issue of appearance of honorary chiefs of military units in the Russian army.

Russian army honorary chiefs of military units. It is shown what rights and duties these persons had during the XIX – early XX centuries. The question of by whom this honorary title could be awarded and under what circumstances military units could be deprived of their honorary chiefs. Examples of appointment of representatives of royal and imperial courts representatives of the royal and imperial courts of Europe. The presented illustrations, drawings and photographs give an opportunity to see how the military uniforms of honorary chiefs of European armies looked like in the nineteenth and early twentieth centuries.

Keywords: *august persons, honorary chiefs, military units, military uniforms of Russian emperors and empresses*

Как отмечает известный исследователь российской армии А. А. Керсновский, еще до создания регулярной армии в России полки именовались по фамилиям своих командиров. Например, жилой стрелецкий полк Старицкого в Казани или жилой стрелецкий полк стольника Кривцова в Холмогорах. При смене руководителя менялось частично и название полка.

Накануне начала XIX в., при императоре Павле I, была затеяна очередная реформа в армии, были отменены прежние названия полков, все

они стали именоваться по фамилиям шефов и командиров, при этом перемена тех и других создавала известную путаницу названий. В монографии О. Леонова, И. Ульянова приводится такой пример: «Муромский полк 31 октября 1798 года был наименован мушкетерским генерал-майора Шиллинга 2-го, 17 ноября генерал-майора Титова 2-го, 18 ноября генерала от инфантерии де Ласси, 27 ноября генерал-майора Маркова... 24 октября 1799 года полк был назван мушкетерским генерал-майора Алексеева, 26 октября генерал-майора Повало-Швейковского 2-го, а в 1800 году генерал-майора Петровского...» [1, с. 196]. «Военный энциклопедический лексикон», издаваемый в России в середине XIX в., в статье «Шефы» отмечал: «В России до конца первого десятилетия царствования императора Александра Павловича (Александра I) каждый полк, независимо от командира полка, которому было вверено фронтовое образование офицеров и нижних чинов, имел своего полкового шефа в генеральском чине, заведовавшего хозяйством и внутренним управлением полка и имевшим общий надзор за его образованием. В настоящее время шефами полков назначаются особы императорской фамилии, иностранные монархи и принцы, и заслуженные генералы, русские и иностранные. Но теперь это лишь почетный титул, потому что полковой командир сосредоточивает в себе всю хозяйственную и строевую власть над полком» [2, с. 262].

Российские императрицы и императоры, Екатерина II, Павел I, Александр I, то отменяли звания почетных шефов в воинских частях, то вновь возвращали их. Решение о назначении почетных шефов воинских частей принималось главой государства и в редких случаях лицами, исполняющими такие обязанности. После этого Военным ведомством издавался соответствующий приказ. Российские императоры и императрицы обычно назначали себя шефами гвардейских частей, а иногда становились шефами нескольких гвардейских одновременно.

В экспозиции, выставленной в Александровском дворце (г. Пушкин), обычное место пребывания последнего российского императора, имеется около десятка военных мундиров разных воинских частей, почетным шефом которых являлся Николай II. Кроме военных мундиров российских частей, также представлены принадлежащие царю военные мундиры других европейских стран: Англии, Бельгии, Германии.

Шефы / почетные командиры Преображенского полка в XVIII – начале XX в. приведены в табл. 1 [3, с. 129–132].

Таблица 1

Глава Российского государства	Время пребывания в качестве шефа полка
Петр I, царь, а позднее император	6 августа 1706 г – 28 января 1725 г.
Екатерина I, императрица	28 января 1725 г. – 6 мая 1727 г.
Петр II, император	6 мая 1727 г. – 18 января 1730 г.
Анна Иоанновна, императрица	12 февраля 1730 г. – 17 октября 1740 г.
Иоанн VI, император	10 ноября 1740 г. – 25 ноября 1741 г.
Елизавета Петровна, императрица	25 ноября 1741 г. – 25 декабря 1761 г.
Петр III, император	25 декабря 1761 г. – 28 июня 1762 г.

Глава Российского государства	Время пребывания в качестве шефа полка
Екатерина II, императрица	28 июня 1762 г. – 6 ноября 1796 г.
Павел I, император	7 ноября 1796 г. – 11 марта 1801 г.
Александр I, император	12 марта 1801 г. – 19 ноября 1825 г.
Николай I, император	14 декабря 1825 г. – 19 февраля 1855 г.
Александр II, император	19 февраля 1855 г. – 1 марта 1881 г.
Александр III, император	2 марта 1881 г. – 21 октября 1894 г.
Николай II, император	2 ноября 1894 г. – 2 марта 1917 г.

За сухими датами и цифрами этой таблицы скрывается немало различных событий, связанных с наследованием российского престола. Большинство императоров и императриц объявляли себя шефами Преображенского полка сразу после кончины своего предшественника, а некоторые даже день в день. Так было с Елизаветой Петровной, Петром III, Екатериной II, Александром II. Некоторым для этого потребовалось несколько дней, а то и недель. К примеру, Анне Иоанновне, которой предстояло дожидаться объявления о решении Верховного тайного совета, Николаю I в связи с задержкой официального отказа от престола его старшего брата Константина. А Иоанну VI пришлось ждать назначения почетным шефом более трех недель, по вполне очевидной причине – в момент объявления его императором, возраст его был ... два месяца и этот вопрос, конечно, решал не он, а другие лица. В справочных изданиях сообщается такой интересный факт, что будущий император Александр III был назначен вторым шефом Преображенского полка осенью 1866 г., когда на престоле еще находился его отец – император Александр II. И поэтому наследник престола, а позднее и император был почетным шефом гвардейского Преображенского полка почти 28 лет, хотя российским императором он являлся лишь 13 лет.

Рис. 1. Николай II в форме Лейб-гвардии Преображенского Его Величества полка

XVIII в. исследователи называют веком правления императриц, на российском троне они восседали около 66 лет, за что они должны благодарить Петра I и его знаменитый указ о новом порядке наследования

престола, объявленный в феврале 1722 г. И теперь уже женщины, сидящие на российском троне, отныне будут именовать себя шефами гвардейского Преображенского полка.

30 декабря 1741 г. императрица Елизавета Петровна своим указом объявила о выделении из Лейб-гвардии Преображенского полка гренадерской роты и преобразовании ее в лейб-компанию. Содействовавшие вступлению дочери Петра Великого на престол в ночь на 25 ноября 1741 г. гвардейцы были щедро вознаграждены. Офицеры и унтер-офицеры повышались в чинах, звание рядового приравнялось к чину армейского поручика. Все строевые чины, не имевшие дворянского достоинства, были возведены в потомственное дворянство и наделены деревнями с крестьянами. Капитаном лейб-компании стала сама Елизавета Петровна. Обязанностью лейб-компанцев стало несение караулов при особе императрицы, сопровождение ее во время поездок. При вручении наград и на многих государственных торжествах перед своими подданными императрица Елизавета Петровна часто появлялась в военном мундире.

Супруга императора Петра III, великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II, отправилась брать власть в свои руки в военной форме – в офицерском мундире лейб-гвардии Семеновского полка (рис. 2). И Екатерина II хорошо помнила, кому она обязана престолом. Поэтому сразу после коронации объявила себя шефом нескольких российских полков.

Рис. 2. Императрица Екатерина II верхом на коне Бриллианте. 1762 г.
(фото из Интернета)

Пришедший на престол император Павел I, не любивший свою мать Екатерину II, принялся ломать установившиеся порядки в российской гвардии и вводить «гатчинские правила». Среди прочего, как отмечает А. А. Керсновский, «вельможам, числящимся шефами полков, батальонов и рот, указано присутствовать ежедневно на вахтпарадах и проделывать все экзерции. Для людей в большинстве весьма пожилых и давно отвыкших от строя нововведение это было не из приятных» [4, с. 115].

Многие члены императорской семьи назначались почетными шефами разных воинских частей российской армии. В рассматриваемый нами исторический период в полной мере это относилось и к лицам женского

пола, в том числе к супруге и к дочерям последнего российского императора Николая II. На представленной фотографии (рис. 3), сделанной в 1910 г., две его дочери – великие княгини Ольга и Татьяна – представлены в специально изготовленной для них военной форме «своих» полков. Княгиня Ольга в мундире почетного шефа 3-го гусарского Елизаветградского полка, а княгиня Татьяна в мундире почетного шефа 8-го Вознесенского уланского полка.

Рис. 3. Княгини Ольга и Татьяна. 1910 г. (фото из Интернета)

В мемуарах современников отмечается, что подшефный полк обязательно имел в офицерском собрании парадный портрет своего шефа, должен был приглашать шефа на полковые праздники и торжественные мероприятия. В некоторых случаях наличие августейшего шефа гарантировало защиту полка от возможной критики действий воинской части со стороны высокого военного начальства. Это подчеркивал в своих воспоминаниях князь В. Трубецкой, состоявший на службе перед Первой мировой войной в Лейб-гвардии Кирасирском Ея Величеству полку, так официально именовался этот полк. Полковым шефом Синих кирасир в те годы была старая царица Мария Федоровна, часто посещавшая полк и с интересом наблюдавшая за эволюциями и перестроениями «своего» полка, а в конце проведенных маневров выражала, как обычно, свой восторг и похвалу. А «...присутствующий здесь начальник дивизии (человек достаточно искушенный в тонкостях придворной жизни), не находил ничего лучшего, как вторить нашей августейшей покровительнице, уверяя ее, что он за всю свою службу еще не видывал такого молодецкого смотра» [5, с. 112].

Существующее положение о почетных шефах в вооруженных силах Российской империи, распространялось и на августейших представителей других государств, которые получали такое назначение. Вот лишь некото-

рая часть соответствующих приказов и распоряжений по Военному министерству России во второй половине XIX в.:

– 1891 г. – Его Высочество Князь Черногорский Николай I назначен шефом 15-го стрелкового полка, коему повелено впредь именоваться 15-м стрелковым Его Высочества Князя Черногорского Николая I полком;

– 1897 г. – Эрц-Герцог Австрийский Оттон назначен шефом 24-го драгунского Лубенского полка, коему повелено именоваться 24-м драгунским Лубенским Его Императорского высочества Эрц-Герцога Австрийского Оттона полком;

– 1897 г. – Королевское Высочество Великий Герцог Мекленбург-Шверинский Фридрих назначен шефом 8-го гренадерского Московского полка, коему повелено именоваться 8-м гренадерским Московским Велико-го Герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полком [6].

Следует отметить, назначение шефом носило временный характер. В случае утраты своего почетного шефа, воинская часть также утрачивала некоторую часть своего прежнего наименования. В качестве примеров:

– 1859 г. – по случаю кончины Его Величества Короля Неаполитанского Фердинанда II Невский пехотный имени Его Королевского Величества переименовать по прежнему Невским пехотным полком;

– 1879 г. – по случаю кончины принца Оранского 18-му пехотному Вологодскому полку имени Его Королевского Высочества принца Оранского повелено впредь именоваться 18-м пехотным Вологодским полком;

– 1889 г. – по случаю кончины Его Императорского Высочества наследного принца Австрийского 34-му пехотному Севскому Его Высочества полку, повелено именоваться впредь 34-м пехотным Севским полком;

– 1897 г. – по случаю кончины Его Королевского Высочества Велико-го Герцога Фридриха Франца Мекленбург-Шверинского 1-му Кизляро-Гребенскому имени Его Высочества полку повелено именоваться, 1-м Кизляро-Гребенским казачьим полком [7];

– 9-й уланский Бугский Его Королевского Высочества Эрц-герцога Австрийского Франца Фердинанда полк, носивший имя шефа с декабря 1907 года, незадолго до начала Первой мировой войны утратил свое почетное наименование. Как известно, 28 июня 1914 года эрц-герцог в ходе покушения был убит, а уже 6 июля того же года полк стал именоваться иначе – 9-й уланский Бугский полк.

Немецкий император чрезвычайно любил носить военную форму, тут следует сказать, что в этом плане Николай II от него не отличался, поэтому Вильгельм II имел в своем гардеробе военные мундиры армий ряда других европейских стран. В российской армии он числился почетным шефом 13-го гусарского Нарвского полка. Как правило, мундир этого полка немецкий император носил во время своего пребывания в России.

В мемуарах графа А. А. Игнатьева встречается описание такого эпизода в России, связанного с императором Германии Вильгельмом II: «При-

сутствуя однажды на маневрах в Красном селе, он вынул свою шашку и, командуя на русском языке, лично повел перед Николаем II свой полк в атаку. ... Рассказывали, что однажды он спросил полкового горниста, за что даны полку серебряные рожки?

– За взятие Берлина в 1760 году, Ваше Величество! – отрубил горнист» [8, с. 218].

В качестве ответной любезности, российский император получил военный мундир одного из полков немецкой армии (рис. 4).

Рис. 4. Два императора: Вильгельм II в русской форме, Николай II в немецкой форме (фото из интернета)

Как отмечается в справочных изданиях, шефство германского императора Вильгельма II закончилось вместе с началом Первой мировой войны. Отныне полку было повелено именоваться впредь просто 13-м гусарским Нарвским полком. Как следствие, с погон были сняты вензеля германского монарха, а со штандарта – юбилейные ленты. Кроме того, офицерам было запрещено ношение всех наград, полученных ранее от кайзера.

Как уже отмечалось, в своем дворцовом гардеробе русский царь имел и другие военные мундиры европейских стран.

Еще в 1894 г. английская королева Виктория назначила Николая II почетным шефом 2-го шотландского драгунского полка или, как его называли современники, полк шотландских серых драгун. На представленной ниже фотографии царь во время своего пребывания в Англии одет в форму этого драгунского полка (рис. 5).

Рис. 5. Визит Николая II в Англию в 1896 г. (фото из интернета)

Известно, что в 1902 г. Николай II заказал известному русскому художнику В. Серову написать картину, где царь позирует в мундире полковника 2-го шотландского драгунского полка (рис. 6). Нарисованная картина была отправлена в Англию в подарок подшефному полку, где была помещена в казарму названного полка.

Рис. 6. Николай II в мундире полковника 2-го шотландского драгунского полка (фото из интернета)

Кроме того, во время своих визитов в Англию Николай II часто носил английскую военную форму, соответствующую присвоенному ему воинскому званию, а эти военные звания были значительно выше тех, какие он имел в своей стране – России. В справочных изданиях отмечается, что если у себя на родине царь носил звание и мундир полковника, то в Англии с 1908 г. он уже адмирал, а с 1915 г. – фельдмаршал. На следующей

фотографии (рис. 7) представлены два адмирала английского флота: царь Николай II (слева) и английский король Георг V (справа).

Рис. 7. Адмиралы английского флота: Николай II и Георг V (фото из интернета)

Столь высокие воинские звания, полученные от английского короля Николаем II, все же не позволили ему открыть дорогу в эмиграцию в эту страну – король Георг V отказался принимать бывшего русского царя Николая II после его отречения от российского престола.

Нужно ли говорить о том, что после революционного 1917 г. с традицией назначать почетными шефами российских воинских частей представителей императорских и европейских королевских династий было покончено.

Но зато в годы Гражданской войны в Советской России некоторые полки РККА будут носить почетные наименования – имени английского пролетариата, имени итальянского пролетариата и др.

Список источников

1. Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота: 1698–1801 // История Российских войск. М., 1995. 296 с.
2. Военный энциклопедический лексикон. Т. 14. СПб. 1858. 387 с.
3. Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М. 1969. 971 с.
4. Керсновский А. А. История Русской армии. От Нарвы до Парижа 1700–1814 гг. Т. 1. М. 1992. 304 с.
5. Трубецкой В. С. Записки кирасира. М. 1991. 221 с.
6. Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1891 год. СПб. 1893. 932 с.; Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1897 год. СПб. 1899. 932 с.
7. Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1859 год. СПб. 1861. 874 с.; Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1879 год. СПб. 1881. 962 с.; Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1889 год. СПб. 1891. 1014 с.; Всеподданнейший отчет по Военному ведомству за 1897 год. СПб. 1899. 932 с.
8. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. М. 1989. 589 с.

А. П. Борисова, краевед
Красноярск, Россия
alla.borisowa1940@yandex.ru

НИКТО НЕ ЗАБЫТ. К 110-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В 2024 г. отмечается 110-летие начала Первой мировой войны 1914–1918 гг., крупнейшей и наиболее разрушительной на тот момент, получившей название «Великой». Дата памятная, скорбная, «круглая», и есть повод воскресить в памяти имена наших защитников-земляков. Заслуженно отдаём же каждый год дань памяти павшим в Великой Отечественной войне, но мало кто вспоминает о красноярцах Первой мировой. А ведь наши земляки и тогда сражались самоотверженно и храбро. Представленный в статье материал предназначен для привлечения внимания к проблеме «забытой» войны и её героев.

Ключевые слова: *забытый полк, енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.*

Abstract. In 2024, the 110th anniversary of the outbreak of the First World War of 1914–1918 is celebrated. The largest and most destructive at that time, called the “Great”. The date is memorable, mournful, “round” and there is a reason to resurrect the names of our defenders-fellow countrymen. Every year we deservedly pay tribute to the memory of the fallen in the Great Patriotic War, but few people remember the Krasnoyarsk people of the First World War. But even then our countrymen fought selflessly and bravely. The material presented in the article is intended to draw attention to the problem of the “Forgotten War” and its heroes.

Keywords: *the forgotten regiment, the Yenisei Siberians in the First World War of 1914–1918*

Тема моей исследовательской работы – именные списки участников Первой мировой войны 1914–1918 гг. Енисейской губернии. В 2019, 2021, 2023 гг. изданы книги под названием «Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.», где около 60 тыс. имён участников войны, восстановлено 1 230 георгиевских кавалеров. Для нас, ныне живущих, защитники Отечества – все герои. Они рисковали своим здоровьем и даже жизнью, выполняя боевые задачи. О некоторых из них хотелось бы кратко рассказать в этой публикации.

Например, *Авдейчик Алексей Фёдорович*, мл. у. о. 189-го Измайловского полка. Окончил школу прапорщиков. В звании ротного командира участвовал в сражениях на австро-германском и румынском фронтах. Полный георгиевский кавалер. Есть и описание его боевых подвигов: Георгиевскую медаль IV ст. получил в сентябре 1914 г. будучи старшим в разведке, «подполз к проволочному заграждению неприятеля, убил часового, а подчасок мною был легко взят и доставлен в штаб полка». Георгиевской медалью III ст. – «за удачно проведённые маневры». Георгиевский крест

IV ст. получил в октябре 1914 г., «будучи взводным командиром обезвредил и захватил неприятельский разъезд». Георгиевский крест III ст. получил за бой при наступлении 22 января 1915 г., где захватил группу немцев и доставил в штаб полка. Георгиевский крест II ст. получил в марте 1915 г., когда при атаке первым вошел с ротой во вражеские окопы, взял в плен немцев и доставил в штаб полка. Георгиевский крест I ст. получил за бои на Дуклинском перевале. 12 апреля сам был пленён немцами, но бежал. 12 июня 1915 г. ранен, отправлен на излечение в госпиталь Петрограда. 9 марта 1916 г. контужен, лечился в дивизионном госпитале. Отпусками ни разу не пользовался. Решением комиссией врачей этого же полка уволен с военной службы. Проживал в Красноярске на съёмной квартире, Батальонный пер., 50, кв. 2, затем выбыл в Самару [ГАКК. Ф. Р-51. Оп. 3. Д. 2].

Как известно, Георгиевский крест давался не просто за ратные подвиги вообще, а за действительно геройские поступки, за неустрашимую храбрость, за усердие.

Гагарин Виктор Макарович, призван из Канского уезда, воевал в составе 17-го Сибирского стрелкового полка, ст. у. о. За то, что 11 февраля 1915 г. при атаке противника у д. Пржитулы, будучи наводчиком при пулемете, под сильным артиллерийским огнем противника, по собственному почину, выдвинул пулемет на опасно близкую дистанцию и действием его поддержал оборону, награждён Георгиевским крестом I ст. № 13640 (II-29502, III-106758, IV-31520).

Тарасов Сергей Александрович, 1894 г. р., 30 марта 1915 г. зачислен в 15-й Сибирский стрелковый запасный батальон. В сентябре 1915 г. произведён в мл. у. о., зачислен в 147-й пехотный Самарский полк; в мае 1916 г. произведён в ст. у. о., затем в подпрапорщики, а в мае 1917 г. за боевые отличия – в прапорщики со старшинством. Полный георгиевский кавалер. Георгиевские кресты: I ст. № 1424; II ст. № 10523; III ст. № 162892; IV ст. № 537277.

Засемба Франц Яковлевич, призван из Минусинского уезда, Усинской волости, ст. у. о., служил в 9-м Туркестанском стрелковом полку, 13 мая 1915 г. за мужество и отвагу в разведке награждён Георгиевским крестом IV ст. № 589802. 20 мая 1916 г. за отличие при проведении рекогносцировки награждён Георгиевским крестом III ст. № 132800. Будучи в разведке добыл и доставил важные сведения о противнике, награждён Георгиевским крестом II ст., Георгиевским крестом I ст. № 9036 за отличие в бою 25 ноября 1916 г., когда под сильным огнем противника, за убылью полуротного командира, принял командование полуротой, примерной храбростью и мужеством продолжал выполнять заданную задачу и выбил противника.

Описание боевых подвигов наших земляков щемят душу. Например, *Линде Игнатий* призван из Красноярского уезда, Межовской волости, в 1917 г. ранен, после перевязки возвратился в строй и принял дальнейшее участие в бою. Подполковник из Красноярской в/ч *Тунгусов Василий Полиевктович*, в бою во время Лодзинской операции был тяжело ранен в начале

боя, но не оставил строя, а затем, будучи вторично ранен, приказал себя нести вперёд, лёжа на носилках управлял батальоном. *Ткаченко Харитон Иванович*, 1879 г. р., воин Назаровской волости Ачинского уезда, д. Шипиловки. На военной службе с 1900 г. в 18-м Восточно-Сибирском стрелковом полку, участник Русско-Японской войны, уволен в запас в июле 1905 г. С началом Первой мировой войны в сентябре 1914 г. по мобилизации зачислен в 14-й Сибирский запасный батальон и произведён в фельдфебели. Переведён в 48-й Сибирский стрелковый полк. В составе полка воевал на Юго-Западном в Карпатах и Северном фронтах. В июле 1916 г. в боях у р. Кеккау был ранен. За боевые отличия получил звания подпрапорщика, затем прапорщика, далее присвоено первое офицерское звание – подпоручик. В этом же году был дважды награждён уже офицерскими орденами – Св. Анны IV ст. с надписью: «За храбрость» и Св. Станислава III ст. с мечами и бантом. Полный георгиевский кавалер: Георгиевские кресты I ст. № 7371; II ст. № 1061; III ст. № 10984; IV ст. № 104276; за Русско-Японскую войну крест IV ст. № 385594 с лавровой ветвью.

Лисецкий Иван Тимофеевич, красноярец, ул. Береговая, 128, дом Гребенщикова, подпрапорщик, кавалер четырёх Георгиевских крестов. *Фоменко Максим*, призван из Красноярска, георгиевский кавалер четырех степеней. *Амосов Яков Ермолаевич*, призван из Канского уезда, ст. у. о. 20-го Сибирского стрелкового полка, полный георгиевский кавалер. *Довбуш Н. К.*, призван из Минусинского уезда, участник Русско-Японской и Первой мировой, кавалер четырёх Георгиевских крестов и Георгиевских медалей всех четырех степеней. *Подольак Харитон Исаакович*, призван из Канского уезда, ст. у. о. 20-го Сибирского стрелкового полка, георгиевский кавалер четырех степеней. *Подойницын Иван Семёнович*, казачий офицер, георгиевский кавалер четырех степеней. *Хомич Тихон Алексеевич*, призван из Канского уезда, ст. у. о. 20-го Сибирского стрелкового полка, кавалер четырёх Георгиевских крестов. *Гедич Роман Алексеевич* из крестьян Канск. уезда, участвуя в боевых действиях на Северном фронте, показал себя умелым командиром и получил офицерский чин поручика. За два года пребывания на фронте был четыре раза представлен к георгиевской награде. Последний раз – посмертно. Список георгиевских кавалеров можно долго продолжать – *Иеске Николай Мартынович*, *Галышев Виктор Львович*, *Батулин Роман Александрович*, *Минин Анатолий Петрович*, *Дивеев П. И.*... Это ли не патриоты Отечества?!

В краевом центре нужен мемориал участникам Великой войны. К познавательному туризму, в том числе и школьному, прибавился бы ещё один объект, что способствовало бы дополнительному образованию и патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В преддверии 400-летия города Красноярска решение этого вопроса было бы исключительно актуально – город обрел бы памятник-символ в память о событиях и героях войны, которую часто называют «забытой».

Н. С. Григорьев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ В СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ (1914–1917)

Аннотация. Статья посвящена подготовке офицерского состава на территории Сибири в период Первой мировой войны. Рассмотрены учебные заведения, занимающиеся подготовкой офицеров, из которых производился набор. Описана система приобретения практических навыков для исполнения непосредственных обязанностей.

Ключевые слова: *офицеры, Первая мировая, Сибирь, подготовка, учебные заведения, социальный состав, навык, умения*

Abstract. The article is about the training of officers in Siberia during the First World War. It examines the educational institutions involved in training officers, from whom future officers were recruited, and also the acquisition of practical skills for the purpose of performing their immediate duties as officers.

Keywords: *officers, World War I, Siberia, training, educational institutions, social composition, skills, abilities*

С началом Первой мировой войны в российской императорской армии остро встает вопрос обучения новых офицеров в виду их нехватки. Причины, по которым возникла нехватка, связана с большими потерями в офицерском корпусе в результате кампании 1914 г. Отдельно стоит выделить здесь восточно-прусскую операцию и уничтожение 2-й армии Самсонова. Наибольшие потери были среди обер-офицеров (младший офицерский состав), что вынудило сделать ускоренный выпуск, также унтер-офицеры, имевшие боевой опыт, продвигались на офицерские должности. Отметим, что в Сибири проходили схожие процессы, как и по всей стране: увеличивалось количество военных заведений, занимавшихся обучением будущих офицеров.

Начиная с 1914 г. открываются специальные школы прапорщиков с четырехмесячным сроком обучения. Их выпускники производились в прапорщики, также стоит понимать, что нагрузки на учебные учреждения значительно возросли в связи с высокими потерями и потребностью с большим количеством офицеров ввиду увеличения общей численности армии. Принимались новобранцы, подлежащие мобилизации, с образованием выше начального. 6 марта 1915 г. вводятся правила призыва для обучения в военных учебных заведениях студентов гражданских вузов. В первую очередь шли студенты младших курсов с первого по третий. Призыву не подлежали студенты старших курсов, ветеринары, медики и женатые призывники. В сентябре 1915 г. стало разрешено принимать

выпускников учительских институтов, частных средних учебных заведений, городских училищ, а также семинарий. А также унтер-офицеров и рядовых, имевших образование и отличившихся во время боевых действий [1, с. 57].

Стоит также упомянуть об изменении сословного состава офицерского корпуса: если до начала войны подавляющее большинство офицерского состава были выходцами из дворянского сословия, то во время войны ситуация изменилась. Мы можем проследить данное явление на примере Иркутского военного училища. На момент 1 января 1915 г. из 316 обучавшихся: дети дворян – 31, офицеров и чиновников – 59, почетных граждан – 14, духовенства – 48, купцов – 5, мещан – 75, крестьян – 84 человек. Если взять статистику на момент 1 декабря 1916 г. можно заметить, что сословный состав продолжает меняться. Общая численность юнкеров составляла 279 человек, из них: дворяне – 17, дети чиновников и офицеров – 31, духовенства – 39, почетных граждан – 22, мещан – 48, крестьян – 112 человек [2, с. 163]. В связи с острой нехваткой младшего офицерского состава в армии мы можем наблюдать, что сословия, ранее не преобладавшие, начинают составлять большинство будущих офицеров. Также стоит отметить, что изменению сословного компонента была подвержена пехота, ввиду высоких боевых потерь. Например, инженерные войска и артиллерия были менее подвержены данным тенденциям. При этом нужно понимать, что изменившийся сословный состав юнкеров вследствие возрастания их численности по своим личностным качествам значительно отличался от довоенного, поскольку в мирное время большинство из будущих офицеров не собирались выбирать для себя военную стезю.

Также во время войны в Сибири начинает увеличиваться сеть учебных заведений по подготовке будущих офицеров. К концу 1915 г. было открыто 32 военных учебных заведения, а конкретно первая и вторая школа прапорщиков в Омске и три в Иркутске. Но что же из себя представляли данные заведения? Рассмотрим на примере первой Иркутской школы подготовки прапорщиков пехоты. На 10 июля 1917 г. по списку в ней работали: начальник, 2 командира роты, 8 курсовых офицеров, 18 помощников курсовых офицеров. Также штат учебного заведения составлял вспомогательный персонал: заведующий хозяйством, адъютант школы, врач, казначей, делопроизводитель, 7 фельдфебелей, 24 унтер-офицера и 88 солдат команды обслуживания.

Некоторыми учебными заведениями выпускались инструкции о внутреннем распорядке. В 1917 г. в Омске составили «Инструкцию распорядка жизни юнкера в школах подготовки прапорщиков пехоты». Так, в разделе «Соблюдение чистоты и опрятности» перечислялись процедуры, естественные для всякого культурного человека: «а) менять белье ежедневно, не менее одного раза; б) ноги содержать в чистоте и по возможности чаще обмывать холодной водой, особенно в жаркую погоду, ногти своевременно стричь; в) на руках ногти должны быть острижены и чисты; г) иметь годные для употребления носовые платки; д) плевать на пол где

бы то ни было воспрещается, утром и вечером чистить зубы или полоскать рот водой» [3, с. 73]. Из-за более разнообразного сословного состава приходилось постоянно расширять и дополнять инструкции, но при этом служащие военных учебных заведений стремились дать максимально возможные знания и умения своим воспитанникам несмотря на короткий срок обучения. Безусловно, выучка офицеров, которые прошли ускоренный курс обучения, уступала кадровым военным, но при этом в большинстве новые офицерские кадры стремились компенсировать данный фактор своими личностными качествами.

Весьма важен вопрос, где выпускники военно-учебных учреждений получали первый опыт командования. Было широко распространена практика девятимесячной службы в запасных частях и дальнейшей отправки на фронт с маршевой ротой. Во время службы в тыловых частях новоиспечённые офицеры и получали свой начальный опыт командования подразделением. Но были и негативные явления при подготовке. Из-за достаточно различного социального состава, сложной адаптации новобранцев и минимальных сроков подготовки, качество новоиспеченных офицеров значительно снизилось по сравнению с довоенным уровнем [4, с. 103]. Также есть упоминание о случаях, которые стоили жизни подчиненным новоиспеченных офицеров. Так, одним из таких случаев является происшествие в 23-м Сибирском запасном полку. В феврале 1916 г. рядовой Казанцев из барнаульского уезда во время дежурства перестал выполнять свои обязанности и отказывался называть свою фамилию офицеру. Вместо дисциплинарно взыскания прапорщик Степанов приказал применить к провинившемуся солдату силу. В результате тяжелых побоев рядовой Казанцев скончался, а прапорщика Степанова перевели в другое подразделение [5, с. 222]. На приведенном выше примере мы рассмотрели последствия ускоренного выпуска будущих офицеров. К сожалению, практика применения побоев к подчиненным имела место, несмотря на все усилия учебных заведений привить юнкерам уважительное отношение к личному составу. Значительное изменение численности офицерского состава послужило изменению его характеристик.

Начиная с 1916 г. потери в русском офицерском корпусе начинают снижаться. К 1917 г. в большинстве случаев в пехотных полках имелось 2–4 кадровых офицера. Ротами и батальонами в большинстве случаев уже командовали офицеры военного времени. За время войны в пехотных полках могло смениться до пяти офицерских составов [6, с. 115].

В заключение можем сказать, что на территории Сибири велась активная деятельность по подготовке будущих офицеров. По ходу войны менялся сословный состав юнкеров, расширялась сеть учебных заведений, занимавшихся подготовкой будущих офицеров. Данные факторы, в том числе изменение сословного состава офицерства, стали результатом значительных потерь на фронте младшего офицерства. При этом кадры, которые проходили ускоренную подготовку, безусловно, уступало довоенным, но новоиспеченные офицеры стремились компенсировать недостаток образо-

вания личными качествами. При этом было сделано все возможное для обучения будущих офицеров.

Список источников

1. Шиловский М. В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015. 163 с.
2. Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX века: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. 163 с.
3. Кожевин В. Л. К истокам Гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. Омск, 1998. 73 с.
4. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. 103 с.
5. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978. 222 с.
6. Волков С. В. Первая мировая война и русский офицерский корпус // Вестник ПСТГУ. № 1. С. 115.

А. С. Ковалев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ИНВАЛИДНАЯ КОМАНДА КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ УВЕЧНЫМ И ПОЖИЛЫМ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ В XIX ВЕКЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)

Аннотация. В статье рассматривается специфика работы служащих инвалидных команд, а также основные аспекты социальной помощи, которую получали их участники в Сибири в XIX в. Описываются основные формы материальной, натуральной и жилищной поддержки членов инвалидных команд, анализируется выполнение ими служебных обязанностей и общественных работ в городской среде.

Ключевые слова: военнослужащие, инвалидная команда, общественное признание, социальная помощь

Abstract. The article examines the specifics of the work of employees of disabled teams and the main aspects of social assistance that their participants received in Siberia in the XIX century. The paper describes main forms of material, in-kind and housing support for members of disabled teams. In addition, author analyzes performance of official duties and public works in an urban environment.

Keywords: military personnel, disabled team, public charity, social assistance

Инвалидность является естественным спутником военной службы в любую историческую эпоху, а возврат к мирной жизни всегда связан с продолжительным периодом адаптации военнослужащего. Особенно это касается периода с конца XVIII в. вплоть до военной реформы Александра Второго, когда комплектование армии осуществлялось согласно рекрутской повинности, при которой даже после получения увечья солдаты и часть офицеров оставались на службе пожизненно. В этот период существовала практика продолжения прохождения регулярной службы в «инвалидных командах», которые водворяли на жительство в отдельные губернские и уездные города. Однако представляется, что подобная практика была не просто частью военной службы, но была эффективным институтом социальной помощи военнослужащим, потерявшим здоровье и трудоспособность в силу военной травмы или возраста. Целью настоящей статьи является изучение исторического опыта социального функционирования увечных и престарелых солдат и офицеров в условиях «инвалидной команды» и их дальнейшей социальной адаптации в городской среде.

Тема общественного признания военных инвалидов и их повседневной жизни в составе инвалидных команд в XIX в. довольно хорошо освещена в отечественной историографии. В ряде публикаций авторы рассматривают особенности формирования инвалидных команд и их быта [1, 2]. Также существуют исследования, посвященные выполнению членами ин-

валидных команд обязанностей городской внутренней стражи [3–5]. Кроме того, в ряде публикаций рассмотрены отдельные направления деятельности инвалидов команд в XIX в. [6, 7]. Однако все они охватывают историю вопроса применительно к Центральной части России. Вопросы истории инвалидов команд в Сибири, за исключением небольшого количества публикаций [8–11], освещены недостаточно.

Исследование опирается на документы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области: в фондах Томского губернского правительства, губернского управления, городского магистрата, городской думы, духовного правления, рассматривающие и регламентирующие деятельность Томской, Киреевской, Красноярской инвалидов команд в XIX в.

Прежде чем перейти к основной части исследования, следует вспомнить, что отличает любой социальный институт: это наличие правовых норм, регламентирующих некоторые общественные отношения; сама социальная сфера, призванная удовлетворять определенные потребности общества, а также совокупность правил поведения в этой сфере. Каждый социальный институт имеет специфическую цель своей деятельности, выполняет свойственные только ему функции, например, регулятивную, адаптационную, социализирующую. В то же время институт социальной помощи (или общественного призрения в понятиях исследуемого периода) характеризует система мер, направленных на содействие в адаптации определенного круга лиц, нуждающихся в постороннем внимании и заботе. Главное основание существования этого института состоит в том, что у некоторых представителей общества исчезают возможности для самообеспечения. Такая ситуация складывается, когда в повседневной жизни человека имеют место объективные социальные риски, в связи с наступлением которых индивид получает право пользоваться установленными видами помощи в денежной или натуральной форме, причем сама помощь в этом случае имеет конкретный, говоря современным языком, адресный характер.

Говоря об инвалидных командах, следует провести небольшой ретроспективный анализ появления и дальнейшего функционирования в России такой особой категории, как «военные инвалиды». После появления регулярной армии по рекрутскому набору, возникшей при Петре I, в России возникло сословие пожизненных военнослужащих, а значит, значительное число тех, кто в силу травмы, полученной в ходе несения службы, утратил возможность служить. В 1710 г. указом императора раненых, увечных и престарелых офицеров и солдат, совершенно неспособных к службе, отправляли в монастыри и богадельни, причем женатые инвалиды получили право жить в городах и получать пожизненное жалование. Остальных «отослали по губерниям», пополняя созданные через год внутренние гарнизоны. Так возникла категория «служащих инвалидов», из которых были созданы войска, названные в 1760 г. инвалидными командами, выполнявшими полицейские функции и обязанности внутренних войск.

В 1764 г. императрица Екатерина II издала указ, согласно которому военных инвалидов более не следовало помещать в монастыри. Вместо этого их отправляли служить в города, где создавались специальные инвалидные команды для «неслужащих инвалидов». Эти учреждения просуществовали до 1823 г., после чего были закрыты, а их обитатели переведены в военные богадельни (для офицеров) или гражданские богадельни (для нижних чинов). В 1796 г. император Павел I издал указ о создании инвалидных рот при гарнизонных батальонах. В эти роты должны были зачисляться военнослужащие, отслужившие 20 лет. В действительности в гарнизонные батальоны направлялись унтер-офицеры и нижние чины, которые были списаны по причине увечья или возраста. Несмотря на это, все, кто служил в этих ротах, продолжали называться военными инвалидами и получать соответствующее жалование.

После реформы армии в 1811 г. произошло сокращение внутренних войск. Инвалидные роты Павла I вошли в состав внутренних гарнизонных батальонов в губернских центрах, а уездные подразделения были названы «служащими инвалидными командами». Однако в 1816 г. такие команды были созданы не только в уездах, но и во всех губернских городах, выполняя функции внутренних войск. В 1864 г. в ходе военной реформы Александра II инвалидные команды перестали существовать, а служившие в них перестали называться «военными инвалидами».

В Сибири инвалидная команда появилась уже в начале XIX в. — в 1806 г. В Томской инвалидной команде служили 75 солдат и офицеров, причем 40 % имели семьи, а у 23 % служащих были дети, причем у некоторых по 2–3 ребенка. Офицеры все состояли в браке, из числа рядового состава были женаты 17 % солдат. Все они были старше 45 лет и при этом имели молодых жен. Отсутствие у них детей позволяет сделать вывод, что браки были заключены недавно [12, л. 172–173].

Все военнослужащие инвалидной команды получали вещевое обеспечение. В их обмундирование входили: шинели с теплой подкладкой, кафтан и пальто с воротником и обшлагами, рубашка с галстуком, панталоны (летние и зимние), носки, шерстяные портянки и сапоги, а также зимняя шапка [13, л. 4].

Кроме того, служащие инвалидной команды могли получать медицинскую помощь. В Томске местный житель предоставил команде квартиру в рамках «квартирной повинности» и обещал в течение года обеспечивать ее дровами. Также, согласно постановлению Томской городской думы, членов инвалидной команды при наличии свободных мест могли принимать на лечение в городской госпиталь [14, л. 1].

А вот с продовольственным обеспечением инвалидной команды возникли проблемы. Поскольку обеспечивать за счет средств бюджета государство могло в лучшем случае только увечных и стариков неслужащих инвалидных команд (чаще эта обязанность возлагалась на монастыри), а служащие инвалиды могли выполнять определенные функции, возложенные на внутренние войска, то они были обязаны позаботиться о себе

сами. Однако с 1834 г. по инициативе исполнявшего обязанности начальника Омской области генерал-лейтенанта В. И. Де Сент-Лорана военным инвалидам начали предоставлять земельные участки для огородов и покоса травы на сено: «нижним чинам, имеющим собственные дома, для заведения огородов и в общее хозяйство отвести на городских выгонах или других ближних местах удобные покосы 50–100 десятин...» [15, л. 1–5об]. Земля предоставлялась за счет пустошей местных деревень, прилегавших к городу.

Кроме того, Николаем I, дабы улучшить питание нижних чинов инвалидных команд в Западной и Восточной Сибири, было решено «производить... мясные порции за счёт местного земского сбора». В 1839 г. служащим инвалидной команды в Томске назначили дополнительные «мясные порции», которые оплачивались из городского бюджета [16, л. 1–1об]. Командир линейного Сибирского батальона, к которому относилась инвалидная команда, рассчитал, что одному человеку требуется мясная порция весом в 1 пуд 38 фунтов в год (примерно 33,2 килограмма) [17, л. 1–5, 17об]. Нетрудно подсчитать, что в месяц на инвалида из числа нижних чинов приходилось 2,8 кг мясной порции.

Что касается обеспечения жильем, то, с одной стороны, еще в 1764 г. по указу Екатерины II водворенные на жительство в города инвалиды получили право на квартиры: нижние чины – на 6 лет, офицеры – на 3 года. На самом деле, солдаты-инвалиды жили в стандартных казармах. Но если у солдата-инвалида были родственники в регионе размещения команды, он мог жить вместе с ними. С 1820 г., согласно указу Александра I и распоряжению Томского губернского правительства, земские суды должны были узнавать у родственников таких солдат, «желают ли последние отпущенных к ним на жительство инвалидов пропитывать и содержать собственным своим коштом без всякого казенного содержания» [10, с. 643].

Также «военнослужащих инвалидной команды могли устраивать на содержание и постой на срок до 6 месяцев». Так, в Красноярске нижние чины селились в квартирах мещан, начальник инвалидной команды – на квартире у представителей купеческого сословия... вместе с имеющейся при нем канцелярией, то есть он занимал 2–3 комнаты» [11, с. 151–152].

С 1824 г. из-за нехватки средств офицеры, служившие в инвалидных командах, перестали получать «обывательские квартиры для постоя». Поэтому они получили право строить собственные дома в уезде, где находилась их команда. Однако некоторые офицеры продолжали снимать прежние квартиры, но уже за свой счет [18, л. 2].

Военные инвалиды всех рангов могли построить собственное жилье, если у них были на это средства. Также они могли попросить деньги из казны на основании ст. 1633 из V тома «Свода военных постановлений». Так, в 1846 г. поступили два унтер-офицера и двое рядовых из Киреевской заводской инвалидной команды – они запросили по 50 руб. каждому, чтобы построить деревянные дома на территории, выделенной им

начальством команды (впрочем, на руки они получили лишь по 14 руб. 28 коп.) [19, л. 1–1об, 15].

Поскольку инвалидные команды все-таки были служащими, в их обязанности входило несение ряда обязанностей и трудоустройство. Так, согласно предписанию министра внутренних дел от 24 июля 1808 г. администрация заводов требовала разрешения на употребление в качестве сторожей членов инвалидных команд. Александр I распорядился, чтобы нижние чины из числа неспособных к фрунтовой службе могли быть караульными в губернских городах за особую плату сверх инвалидного содержания за счет городского бюджета [13, л. 1].

В первой половине XIX в. на семи винокуренных заводах Томской губернии несли службу в качестве сторожей и караульных солдаты инвалидной команды. С 1811 г. выплата им жалования, обеспечение инвалидов одеждой и продовольствием обеспечивалась за счет средств самих заводов, при этом все издержки на их содержание входили в цену выкуриваемого вина [20, л. 1–9]. Также часть инвалидов осуществляла задачи «присмотра за вином» при кладовых и винных магазинах, а также при транспортировке винной продукции с заводов к местам продажи, но в этом случае содержание сторожей – членов инвалидной команды обеспечивалось за счет винного откупа [21, л. 1].

Помимо караульной службы в первой половине XIX в. инвалидов устраивали в магазины для продажи соли. Обычно на должность «соляного сидельца» избирали кого-то «из честных и грамотных жителей селения». Но в своем отношении Сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю министр финансов Д. А. Гурьев писал, что в сибирских городах встречаются затруднения в подыскании лиц для мелочной продажи соли как в уездных, так и в губернских городах. Соляные приставы с этой обязанностью не справлялись, и тогда министр предложил, чтобы места соляных сидельцев занимали члены инвалидных команд «с жалованием по 80 руб. в год» [22, л. 1–2об], что и было сделано в Томской губернии в 1816 г.: казенной палате было предписано, чтобы по этому вопросу все заинтересованные стороны обращались к батальонным командирам внутренних гарнизонных батальонов. Впрочем, исполнять эти обязанности мог только относительно «здоровый» служащий инвалидной команды. Например, Бийский соляной пристав в 1819 г. обнаружил, что один из соляных сидельцев одержим падучей болезнью, а потому вынужден оставить «свою обязанность к дальнейшему занятию сей должности», и его отослали обратно в инвалидную команду [22, л. 18–18об].

Также в Томской губернии с 1826 по 1833 г. служащие инвалидных команд привлекались «для отапливания и сохранения полуэтапных зданий», предназначенных для временного содержания ссыльных, передвигавшихся пешком до места ссылки в Сибири, а также сопровождали арестантов всех мастей к месту отбытия наказания [23, л. 1–1об].

Когда служащий инвалидной команды достигал преклонного возраста, статус менялся на «неслужащего», а его отправляли в богадельню.

Например, в Томской богадельне в первое десятилетие XIX в. жили отставные офицеры и нижние чины в возрасте от 70 до 100 лет, а в другой богадельне – вдовы членов инвалидной команды в возрасте от 60 до 70 лет (12, л. 39–39 об., 109–109 об.; 24, л. 1–1 об.).

Перед тем как отправить человека в богадельню, проводилось специальное обследование, после которого его переводили на казенное обеспечение. В этом случае престарелый солдат с паспортом обращался к командующему Сибирским линейным батальоном, просил в присутствии и медицинских чиновников свидетельство «преклонных лет и болезненного состояния и приписать на казенное довольствие» [25, л. 1–1об]. Командующий создавал «комиссию», куда входили член городской врачебной управы, военный медик и сам командующий, которая по результатам осмотра предписывала отправить солдата в отставку и поместить «на инвалидное содержание без понесения службы» [25, л. 4–6].

Так член служащей инвалидной команды сразу переводился в неслужащую инвалидную команду, а фактически просто получал некое подобие «пенсионного содержания». Но у престарелых членов инвалидных команд была возможность получать и настоящую пенсию. Для этого им нужно было предоставить в местное Казначейство формулярный список, выданный после отставки, где указывались возраст и приметы просителя, свидетельство «об актуальном влиянии на здоровье ран, полученных в сражениях, и удостоверение о поведении, выданное местным обществом, к которому был приписан инвалид» [10, с. 647]. После этого инвалид получал «пенсионный билет», по которому получал назначенную ему выплату.

Согласно материалам Комитета о выдаче пенсий военным инвалидам в Томской губернии за 1835 г., среди пенсионеров выделялись «нижние чины, находящиеся в инвалидных командах», а также «отставные за ранами». Всего выплату получали 16 человек: 7 рядовых (70–80 руб. в год), 7 унтер-офицеров (от 80 до 150 руб.), 1 бомбардир (70 руб.), 1 фейерверкер (75 руб.) [10, с. 647].

Итак, инвалидные команды в XIX в. соответствовали всем критериям как социального института, так и института социальной помощи. Они охватывали жизнедеятельность определенной категории лиц – военных инвалидов. В рамках предписанных государством функций инвалидные команды регулировали повседневную жизнь увечных и пожилых, а также определяли виды и объемы социальной помощи. Таким образом, все служащие инвалиды могли продолжать службу в армии, заниматься определенной трудовой деятельностью, находясь при этом на попечении государства, имели право создавать семьи и воспитывать детей, получали вещевое довольствие, медицинскую и продовольственную помощь, обеспечивались жилищем и располагали возможностью построить собственное жилье, а с наступлением старости их устроивали в богадельню и/или выдавали пенсию.

Инвалидные команды помогали адаптации увечных и престарелых солдат и офицеров в обществе, неотъемлемой частью которого они стали,

и выступали в качестве основного субъекта реализации мер, разработанных на государственном уровне.

В то же время в сети Интернет сегодня можно обнаружить материалы, из которых следует, что инвалидные команды в XIX в. представляли собой «дно» Российской императорской армии. Не говоря даже о том, что подобные утверждения не подкреплены научной аргументацией, следует категорически не согласиться с подобным утверждением. Конечно, они были укомплектованы теми, кто уже не был способен принести пользу армии, но члены инвалидных команд продолжали выполнять определенные обязанности в условиях городской гражданской жизни, тем самым легче адаптируясь к жизни после службы. В условиях, когда государство не могло взять на себя полноценное обеспечение военнослужащих в случае утраты здоровья и трудоспособности, инвалидная команда длительное время оставалась эффективным институтом общественного призрения.

Список источников

1. Барина Г. В. Должны служить пожизненным и тихим для раненых воинов пристанищем // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 55–60.
2. Хаяров Д. Г. Инвалиды в Российской империи в XVIII веке – военно-исторический аспект // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2020. № 5. С. 104–111.
3. Белоусов С. В. Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (63). С. 83–98.
4. Колпаков П. А. Внутренняя стража Российской империи: причины создания и развитие полицейских войск в структуре военного ведомства 1811–1864 гг. // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии. Уфа, 2021. С. 156–159.
5. Харченко О. В. О роли военного министерства в создании внутренней стражи как органа охраны правопорядка в России в начале XIX века // Мир юридической науки. 2015. № 1–2. С. 9–14.
6. Игонькин С. А. Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Арзамас, 2020. С. 65–68.
7. Орехова Е. А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850–1854 годов) // Россия в войнах: слава русского оружия в памяти поколений. Стерлитамак, 2021. С. 178–185.
8. Кузнецов Н. А. Войсковые части, квартировавшие в Кузнецке в XVII–XIX вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 108–139.

9. Кузнецов М. Ю. Внутренняя стража в Восточной Сибири в 1816–1864 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4 (34). С. 156–162.

10. Повседневность инвалидных команд и военных инвалидов в XIX в. (на материалах Томской губернии) / А. С. Ковалев, Н. Р. Новосельцев, Д. В. Рахинский, Э. В. Савина // Былые годы. 2024. № 19(2). С. 640–651.

11. Расквартирование инвалидной команды в Красноярске в 1820-х гг.: опыт микроисторического анализа / А. С. Ковалев, Н. Р. Новосельцев, Д. В. Рахинский, Н. Н. Равочкин // Былые годы. 2023. № 18(1). С. 149–158.

12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 114.

13. ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780.

14. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 330.

15. ГАТО. Ф. 144. Оп. 2. Д. 49.

16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 263.

17. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 58.

18. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3.

19. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 394.

20. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62.

21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40.

22. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591.

23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 130.

24. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 477.

25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 256.

Ф. А. Некрашевич

Академия МВД Республики Беларусь, Минск, Беларусь

ПРИЧИНЫ ПРОВЕДЕНИЯ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВЫСОЧАЙШИХ МАНИФЕСТОВ 1815–1874 ГОДОВ)

Аннотация. Данная статья посвящена обоснованию проведения рекрутских наборов в Высочайших манифестах императоров Российской империи в 1815–1874 гг. Проанализированы мотивы и сюжетные линии аргументаций призыва новобранцев на военную службу. Сделан вывод о том, что российские самодержцы придавали особое внимание обоснованию проведения наборов в период военных и социальных кризисов.

Ключевые слова: *Российская империя, рекрутские наборы, манифесты, военные конфликты, эпидемии*

Abstract. This article is devoted to the justification of the recruitment in the Highest Manifestos of the Emperors of the Russian Empire in 1815–1874. The motives and plot lines of the arguments for the call of recruits for military service are analyzed. It is concluded that the Russian autocrats paid special attention to the justification of recruitment during military and social crises.

Keywords: *Russian Empire, recruitment, manifestos, military conflicts, epidemics*

Система пополнения вооруженных сил Российской империи была основана на рекрутской повинности. Одним из главных минусов этой повинности был ее крайне обременительный характер для населения. Податные слои населения теряли не только значительные трудовые ресурсы, но также и значительные финансовые средства, так как большинство расходов по проведению наборов ложилось на их плечи.

Проведение рекрутского набора начиналось с объявления Высочайшего манифеста (далее – манифест), в котором глава государства объявлял причины и ключевые условия его проведения. Подобные документы являются важным историческим источником по изучению политического обоснования рекрутской повинности со стороны органов государственной власти.

Целью исследования является определение причин проведения рекрутских наборов в Российской империи в 1815–1874 гг. на основе императорских манифестов. Нижняя граница хронологических рамок исследования обусловлена окончанием затяжного периода наполеоновских войн (1799–1815 гг.), после которого российскому правительству было необходимо давать различные обоснования причин призыва новобранцев на военную службу. Верхняя граница связана с заменой рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью в 1874 г.

Манифесты представляли собой первичные законодательные акты. Они были обращены ко всем учреждениям и всему населению. Их действие считалось обязательным для всех [1, с. 189]. Обнародование манифестов производилось за несколько месяцев до проведения рекрутского набора. В историографии порой ошибочно указывается мнение о том, что содержание манифестов было всегда неизменным [2, с. 29]. Как правило, содержащаяся в подобных документах информация включала: указание о количестве собираемых рекрутов, дате проведения набора, перечне регионов, освобожденных от набора [3, с. 5–6]. Однако в манифестах могли содержаться и другие сведения: о причинах проведения набора, приеме зачетных квитанций, взыскании денег на обмундирование и провиант.

Адресатами подобных манифестов формально являлось все население империи. На наш взгляд, особое внимание авторы подобных документов уделяли дворянскому сословию. В Российской империи помещичьи крестьяне являлись наиболее многочисленной категорией податного населения. В связи с этим залогом успешного проведения любого рекрутского набора была активная поддержка со стороны дворянства. Кроме того, важными адресатами могло являться образованное и влиятельное руководство податных общин мещан.

На наш взгляд, причинами, по которым законодатель стремился объяснить проведение конкретного рекрутского набора, было несколько. Во-первых, это отсутствие установленной законом периодичности проведения рекрутских наборов. В современных государствах, где системой комплектования вооруженных сил является воинская повинность, призыв производится каждый год в установленные сроки. Регулярность проведения рекрутских наборов не была строго оговорена в законодательстве. Устав 1831 г. гласил: рекрутские наборы учреждаются или для обыкновенного пополнения людьми армии и флота, или для усиления их в обстоятельствах чрезвычайных [4, т. 6, № 4677]. Продолжительные сроки службы, а также стабильная внешнеполитическая ситуация нередко позволяли российского руководству в течение нескольких лет подряд обходиться без проведения наборов. Например, на протяжении 1816–1817, 1821–1823, 1856–1861 гг. наборы не проводились. В связи с этим у податного населения всегда была хотя бы небольшая надежда на то, что в текущем году манифест о наборе не будет объявлен, и государству, в свою очередь, необходимо было объяснить, почему набор все-таки состоится.

Во-вторых, это обоснование характера проведения рекрутского набора. Наборы делились на обычные, усиленные и чрезвычайные. Отличием проведения чрезвычайных и усиленных рекрутских наборов от обычных являлось увеличение численности собираемых рекрутов. В исследуемый период государство собирало от двух до десяти рекрутов с тысячи душ. Необходимо было объяснять населению, почему набор требует поставки более двух рекрутов с тысячи душ.

Аргументацию проведения рекрутских наборов в манифестах российских императоров можно условно разделить на группы: подготовка

к войне и ведение боевых действий, отсутствие наборов в течение долгого времени, эпидемии, а также сокращение сроков службы.

Наиболее распространенной являлась аргументация, связанная с ведением Российской империей боевых действий. В исследуемый период подобная трактовка использовалась властями при проведении десяти наборов. Как правило, в подобных случаях проходили усиленные рекрутские наборы из-за потребности военного руководства создать дополнительные резервы. Особенно часто подобная аргументация использовалась в 1854–1855 гг. в период Крымской войны (1853–1856), когда в государстве было проведено четыре усиленных рекрутских набора подряд [4, т. 29, № 27889, 28189, 28502, 28794]. Кроме того, война служила оправданием проведения досрочных рекрутских наборов. Например, так было в 1831 и 1863 гг. в период подавления восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1863 гг. в Польше, Литве и Беларуси [4, т. 6, № 4736; т. 38, № 39799].

Для второй части периода правления Александра I (1815–1825) была характерна политика постепенного сокращения вооруженных сил после затяжного периода военных конфликтов. В связи с этим рекрутские наборы проходили нерегулярно. За одиннадцать лет было проведено всего лишь пять наборов, не носивших при этом усиленного характера [5, т. 33, № 25942; т. 36, № 27508; т. 37, № 28403; т. 40, т. 37, № 30024]. Законодатель отмечал данный факт в манифестах, подчеркивая миролюбивую политику российского правительства и необходимость сбора рекрутов лишь для пополнения естественной убыли военнослужащих ввиду смертности и выхода в отставку. Примечательно, что подобная аргументация в последующем появится лишь при Александре II (1855–1881), на период правления которого пришелся рекордный срок освобождения населения от рекрутской повинности – с 1856 по 1863 г.

Впрочем, случались и непредвиденные обстоятельства, которые влияли на работу мобилизационной системы государства. Например, разразившаяся в 1830–1831 гг. эпидемия холеры, вызвавшая рост смертности не только среди гражданского населения, но и среди военнослужащих, стала формальной причиной проведения 95-го и 96-го рекрутских наборов [5, т. 5, 3827; т. 6, № 4295].

Необходимо отметить, что в исследуемый период далеко не все рекрутские наборы сопровождались хоть какой-либо аргументацией со стороны правительства. Из пятидесяти двух наборов (1815–1874), проведение лишь двадцати трёх было официально объяснено в соответствующих царских манифестах. Из двадцати девяти наборов, не получивших официальной трактовки, один набор пришелся на период правления Александра I, восемнадцать – Николая I, десять – на правление Александра II. Здесь выделяются достаточно продолжительные периоды 1839–1847 гг., а также 1864–1869 гг., когда в манифестах причины проведения наборов вообще не указывались.

Как правило, отсутствие трактовки причин проведения рекрутского набора свидетельствовало о том, что государство в данный момент не ве-

дет активных боевых действий, в армии не наблюдается острого некомплекта личного состава, а военное ведомство не проводит широкомасштабных реформ, затрагивающих систему пополнения вооруженных сил. Соответственно, большинство из указанных наборов не относились к усиленным или чрезвычайным. Власти требовали с населения, как им казалось, максимально приемлемое число рекрутов с 1 000 душ.

При этом наблюдались и исключения. Например, в 1855 г., на завершающем этапе Крымской войны, когда армия испытывала острый некомплект, проводились усиленные рекрутские наборы [5, т. 30, № 29233; т. 30, № 29681]. В тексте соответствующих манифестов не содержалось какого-либо обоснования столь серьезного выкачивания людских ресурсов с податного населения.

Таким образом, Высочайшие манифесты о проведении рекрутских наборов представляли собой интерпретацию властями «негласного» договора между верховным правителем и подданными. «Негласность» заключалась в том, что население, не оспаривая самого факта необходимости призыва на военную службу, всегда надеялось на набор минимального числа новобранцев. Если действия властей и надежды подданных совпадали, то в тексте манифестов, как правило, не разъяснялись причины проведения наборов. С другой стороны, если военное ведомство проводило усиленные рекрутские наборы, манифест содержал развернутое объяснение того, почему государство было вынуждено прибегнуть к столь непопулярному решению.

Список источников

1. Сагиндыков А. В. Манифесты как законодательные акты XVII–XIX вв. В системе источников русского права: понятие и теоретические вопросы классификации в «Форме права», соотношение с «Источниками права // Инновационная наука. 2016. № 12. С. 185–191.

2. Вакулова Л. Е. Рекрутские наборы в Тамбовской губернии в XIX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Тамбов, 2007. 219 с.

3. Иванов Ф. Н. Рекрутская повинность населения России в 1831–1874 годах: на материалах Европейского Севера : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Сыктывкар, 2006. 220 с.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2: с 12 дек. 1825 по 28 февр. 1881 г.: в 55 т. Санкт-Петербург: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1884. 55 т.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: с 1649 по 12 дек. 1825 г. : в 45 т. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. и. вел. канцелярии, 1830–1851. 45 т.

Н. Я. Тейхреб

*Алтайский государственный технический университет
имени И. И. Ползунова, Барнаул, Россия
n.tejxreb@mail.ru*

ЛОШАДЬ В РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. На основе широкого круга источников, преимущественно архивных, рассматривается использование лошадей на военной службе в русской армии в один из сложнейших периодов отечественной истории. Обращение к малоизученной теме использования лошадей для службы в Русской армии в начале XX в. представляет собой попытку автора привлечь внимание исследователей на имеющиеся лакуны в исторической науке и военной истории России. В хронологической последовательности анализируются изменения в денежной стоимости лошадей, повозок и упряжи в зависимости от конкретной общественно-политической ситуации в стране, в частности военно-политической обстановки. Особый акцент сделан на размере вознаграждений за принимаемых от населения лошадей. Определенное внимание уделяется порядку денежной компенсации казакам за использование личных лошадей на военной службе, а также в случае их утраты в ходе войны.

Ключевые слова: *Первая мировая война, лошадь, стоимость, реквизиция*

Abstract. Based on a wide range of sources, mainly archival, the use of horses in military service in the Russian army during one of the most difficult periods of Russian history is considered. Addressing the little-studied topic of the use of horses for service in the Russian army at the beginning of the 20th century is an attempt by the author to draw the attention of researchers to the existing gaps in historical science and in the military history of Russia. Changes in the monetary value of horses, carts and harness are analyzed in chronological order depending on the specific socio-political situation in the country and the military-political situation in particular.

The author places special emphasis on the amount of remuneration for horses accepted from the population. Some attention is paid to the procedure for monetary compensation to the Cossacks for the use of personal horses in military service, as well as in the event of their loss during the war.

Keywords: *First World War, horse, cost, requisition*

В годы Первой мировой войны (1914–1917) лошади являлись неотъемлемой частью русской армии и играли важную роль в военном деле. Нижним чинам казачьих войск за утраченных на войне лошадей выплачивали вознаграждение. В марте 1916 г. вознаграждение было установлено в размере: для Кубанского казачьего войска – 275 руб.; Донского – 260 руб.; Терского – 250 руб.; Астраханского и Уссурийского – 200 руб.; Амурского – 175 руб.; Оренбургского – 165 руб.; Сибирского и Семиреченского – 150 руб.; Забайкальского – 125 руб. и Уральского – 115 руб. Вознаграждение нижним чинам казачьих войск отпускалось лишь при от-

сутствии возможности выдать им лошадь из казачьих отделений конского запаса или лошадей, оставшихся после выбытия казаков из части [1, с. 187].

В июле 1916 г. для оплаты артиллерийских упряжных лошадей, приобретаемых в связи с обстоятельствами войны, независимо от их роста, но в зависимости от их достоинств, не выходя за пределы средней сметной цены на упряжную артиллерийскую лошадь, определенной положением Военного совета, 2-го июля 1916 г. утвердили стоимость: очень хорошая лошадь от 400 до 625 руб.; хорошая от 300 до 400 руб.; удовлетворительная от 200 до 300 руб. [1, с. 521].

1 августа 1916 г. утвердили цены на неоповоженных лошадей, приобретаемых для кавалерии, за исключением Донского частного и Калмыцкого коневодств на войсковой Задонской степи. Средняя стоимость по ремонтной смете составляла 275 руб., установленной положением Военного Совета 26 мая 1916 г. Очень хорошая лошадь, в зависимости от роста, стоила от 250 до 300 руб.; хорошая от 225 до 250 руб.; удовлетворительная от 200 до 225 руб. Оповоженные и выдержанные лошади, а также выдающиеся по экстерьеру экземпляры неоповоженных, оценивались на 25 руб. выше указанных цен, не выходя при этом за пределы средней сметной ремонтной цены [1, с. 551].

25 августа 1916 г. Военный совет принял решение о замене всем военнотружущим собственных верховых лошадей, пришедших в полную негодность к дальнейшей строевой службе, новыми лошадьми натурой из отделений конского запаса. Верховых лошадей, признанных негодными к строю, но годных для нестроевой службы (для обозов и в качестве рабочих), сдавали на конские запасы. Лошадей, непригодных ни для какой службы, продавали с аукциона, полученные деньги от продажи уходили в счет казны [1, с. 521].

На период войны 25 октября 1916 г. Военный совет разрешил уступать из отделений конского запаса, как общих, так и армейских, для государственного коннозаводства породистых жеребцов, годных в качестве производителей. Цену уступаемой лошади устанавливали как для лошади верхового сорта, принимаемой по военно-конской повинности в том районе, в котором находилось отделение конского запаса, из которого уступался породистый жеребец [1, с. 757].

С 15 ноября 1916 г. в местностях, в которых вводилось Положение о Губернских и Уездных учреждениях, комплектование войск лошадьми во время войны могли проводить путем реквизиции лошадей у населения, при участии Губернских и Уездных земских управ. Районы проведения реквизиции лошадей на основании данного положения, а также время проведения определялись Военным министром по согласованию с Министрами внутренних дел и земледелия. В случае заявления Земской управы о невозможности принять на себя проведение реквизиции или невыполнения Управой данного ей наряда лошадей, подлежащих сдаче Военному министерству, в этом уезде производилась поставка лошадей по правилам

военно-конской повинности. От реквизиции освобождались категории лошадей, перечисленные в ст. 746 Устава о земских повинностях. Также освобождались: а) все чистокровные английские лошади, принимавшие или принимающие участие в скачках на ипподромах Российской империи; б) рысистые лошади, бежавшие на ипподромах Российской империи и показавшие резвость, нормы которой определялись Управляющим государственным коннозаводством, по соглашению с Министрами военных и внутренних Дел; в) все кобылы, владельцы которых могли предоставить свидетельство о покрытии кобыл в последний случный период казенными жеребцами, одобренными Главным управлением государственного коннозаводства и земскими. Кроме того, если необходимый с уезда наряд мог быть выполнен полностью, то у крестьян, а также у частных землевладельцев от реквизиции освобождались: а) лошади в количестве, которое, по мнению Земской управы, требовалось для обеспечения обработки полей в данном хозяйстве; б) все кобылы (при достаточном для выполнения наряда количестве жеребцов и меринов). Годность лошадей для службы в войсках и разделение на сорта определялось действующими правилами военно-конской повинности. Возникающие вопросы в процессе реквизиции решались указаниями Военного министра по согласованию с Министрами внутренних дел и земледелия, в отдельных случаях с Главным управлением государственного коннозаводства. Общее наблюдение за правильностью проведения реквизиции лошадей возлагалось на местных губернаторов [1, с. 837].

В каждом уезде Военное министерство назначало один или несколько сдаточных пунктов. Общее число лошадей каждого сорта, которое бралось с населения, определялось Военным министром в зависимости от потребности войск. Распределение общего числа подлежащих реквизиции лошадей проводилось Военным министром и сообщалось через местных губернаторов Губернским земским управам. На Уездные земские управы возлагалось: а) разверстка полученного от местного губернатора наряда лошадей на данный уезд между отдельными городскими поселениями, как с полным, так и с упрощенным городским управлением, волостями и коневладельцами; б) определение порядка выбора лошадей, подлежащих реквизиции; в) организация сбора и доставки лошадей к сдаточным пунктам. Уездные земские управы увеличивали полученные от губернатора наряды лошадей с процентной надбавкой, на случай браковки приемными комиссиями лошадей, приведенных на сдаточные пункты. Процентная надбавка устанавливалась Уездной земской управой в зависимости от состояния конского населения уезда [1, с. 838].

На волостные сходы возлагалось распределение полученного от Уездной земской управы наряда подлежащих реквизиции лошадей между отдельными входящими в состав данной волости сельскими обществами. На сельские сходы возлагалось определение подлежащих реквизиции лошадей отдельных домохозяев, входящих в состав соответствующих сельских обществ, в соответствии с полученными от волостного схода

нарядами. Определение производилось сельскими сходами по возможности под наблюдением особо уполномоченного лица Уездной земской управы. Одновременно с распределением лошадей, подлежащих реквизиции между губерниями, Военное министерство составляло расписание, в котором указывалось: а) в какой срок со дня объявления реквизиции должны быть выставлены лошади в каждом сдаточном пункте уезда; б) в какие части войск принятые лошади подлежали сдаче; в) куда и каким путем они должны быть отправлены [1, с. 838].

В марте 1917 г. утвердили новые расценки для оплаты кавалерийских и артиллерийских лошадей, приобретаемых в связи с обстоятельствами военного времени по средней цене в 425 руб. Очень хорошая лошадь стоила от 425 до 650 руб.; хорошая от 350 до 425 руб.; удовлетворительная от 300 до 350 руб. [2, с. 152]. В июне 1917 г. вновь изменились расценки для оплаты кавалерийской и артиллерийской верховых упряжных лошадей легкой артиллерии, приобретаемых для армии в связи с обстоятельствами военного времени, по средней цене 525 руб., считая в том числе и накладные расходы при покупке. Очень хорошая лошадь стоила от 525 до 775 руб.; хорошая от 450 до 525 руб.; удовлетворительная от 350 до 450 руб. Расценка для оплаты упряжных лошадей тяжелой артиллерии, приобретаемых для армии в связи с обстоятельствами военного времени, устанавливалась по средней цене 675 руб., считая в том числе и накладные расходы при покупке. Очень хорошая лошадь от 700 до 950 руб.; хорошая от 575 до 700 руб.; удовлетворительная от 425 до 575 руб. Расценка для оплаты кавалерийских и артиллерийских лошадей, приобретаемых для армии в Сибири в связи с обстоятельствами военного времени, устанавливалась по средней цене 425 руб. Очень хорошая лошадь от 425 до 650 руб.; хорошая от 325 до 425 руб.; удовлетворительная от 175 до 325 руб. [2, с. 393].

Военный Совет 9 сентября 1917 г. определил с 1917 г. и по конец 1918–1919 гг. бюджетного года, включительно, новые средние сметные цены на лошадей, покупаемых в срочный годовой ремонт армии: 1) во всех районах России за лошадь культурного производства: а) за верховую и упряжную кавалерийскую и артиллерийскую лошадь – 725 руб.; б) за выючную горной артиллерии лошадь 400 руб.; 2) в Сибири за лошадь степного производства: а) за верховую и упряжную кавалерийскую и артиллерийскую лошадь – 425 руб.; б) за выючную горной артиллерии лошадь – 400 руб.; 3) в районы Астраханского калмыцкого и других коневодств, за исключением частного коневодства на Войсковой Задонской степи, за неповоженную степную лошадь кавалерийской и артиллерийской без наличия сорта – 350 руб. [2, с. 747].

Подводя итог, следует отметить, что лошадь в Русской армии была востребована и являлась необходимостью предопределенной ходом развития военного дела в целом. Мобилизационное развертывание Русской армии в годы Первой мировой войны потребовало внесения изменений в законодательную и правовую базу, регулирующую порядок реализации Военно-конской повинности в губерниях Российской империи. Размеры

вознаграждения за поставляемых в войска лошадей устанавливались Военным советом и с 1917 г. проявилась устойчивая тенденция к их увеличению.

Список источников

1. Алфавитный [и хронологический] указатель приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного Штаба за 1916 год. 1916. 911 с.: ил., 6 л. ил.; 47, 40 с.

2. Россия. Военное министерство. Приказы по Военному ведомству ... [по годам]. СПб., 1853–1917...1917: №№ 1–645. [1917]. 764 с.: ил.

С. Ю. Усков, кандидат военных наук, начальник учебной части –
заместитель начальника военного учебного центра
Московская академия Следственного комитета
им. А. Я. Сухарева, Москва, Россия
novos-2020@mail.ru

ВОЕННАЯ ПРИСЯГА: ОТ РОТЬБЫ ДО РИТУАЛА

Аннотация. В статье на основе анализа исторических трудов раскрыты основные вехи зарождения и преобразования военной присяги от обряда до законодательно закреплённого ритуала, а также ее значимость в служении отечеству.

Ключевые слова: *военная присяга, присяга на верность, княжеская дружина, стрелецкое войско, круговая порука, воинские традиции*

Abstract. The article, based on an analysis of historical works, reveals the main milestones in the origin and transformation of the military oath from a rite to a legally enshrined ritual, as well as its significance in serving the fatherland.

Keywords: *military oath, oath of allegiance, princely squad, Streltsy army, mutual responsibility, military traditions*

В 2023 г. органами государственной власти установлена новая памятная дата России – «21 ноября – День военной присяги». Ознаменование этой даты связано с ярким историческим событием: именно в этот день в 1721 г. император Петр I издал указ о присяге для различных должностей, переводя таким образом военную присягу из традиции в ранг государственного закона [1, 2].

До того как приобрести такое значимое положение, военная присяга прошла многовековой исторический путь зарождения и преобразования. Основным вехам этого пути и посвящена настоящая статья.

В эпоху Древней Руси присяги на верность воина (дружинника, служилого человека) князю (правителю) как традиционного обряда или обычая, имеющего устойчивую форму, не существовало. В княжеском войске – дружине (княжеская дружина) IX–XII вв. отношение воинов к князю основывалось на свободном договоре. Вступление в дружину и выход из неё был свободным, т. е. любой недовольный князем дружинник всегда мог его покинуть и перейти в дружину другого князя. Славянское слово «друг», от которого происходит «дружина», указывает на побратимство – акт дружелюбия и взаимной верности, а не найм или службу [3–6].

В ряде исследовательских работ упоминается об обрядовости воинского посвящения в княжескую дружину. Обрядовость воинской инициации на Руси определялась двумя церемониями [3–7]:

1) по достижении мальчиками возраста 7–8 лет (по некоторым данным – 4–5 лет) – «воинским постригом, с торжественным посадением в седле на боевого коня» («всажением на конь» или – «посажение на коня»). Мальчика, будущего война, сажали на седло и остригали ему клочок волос, при этом на него надевали оружие и (или) части доспехов. Затем воины поднимали седло, вместе с сидящим на нем мальчиком, на спину боевого коня. Церемония проводилась при большом количестве гостей и завершалась пиром. После проведения церемонии мальчика отдавали на воспитание опытному дружиннику, который обучал его верховой езде, обращению с оружием и прочей воинской науке;

2) по достижении юношами возраста 18–22 лет – «вручением оружия» («опоясывание оружием» или – «опоясывание мечом»), знаменовал окончание периода воинского обучения и становление молодого воина. Церемонию проводил князь или ему равный. Меч перед обрядом освящался (впоследствии мог быть положен на алтарь в знак его посвящения Христу, служению церкви и защите христиан). Посвящаемый произносил молитвы и давал торжественную «роту» верности князю (рота в древнерусском государстве – обет, обещание, зарок. От слова «рота» происходили «рочение» и «ротьба» – то есть клятва. В летописях выражение «присягать», «принести присягу» передаётся: «ходити роте», «водити роте», «внити в роту» и т. д.). После чего князь брал меч с перевязью и застегивал на поясе вновь испеченного дружинника. Затем князь, обращаясь к дружиннику, заявлял, что «принимая его в качестве чадь (чадь – устар. народ, дружина) в свою дружину (т. е. в свой дом), преподносит ему единственное имущество – меч. Все остальное имущество следует добыть этим мечом». В силу того, что торжественная рота (клятва) происходила в присутствии оружия (производилась на мече), она могла включать санкцию нарушителю клятвы: «Если нарушу клятву сию, то буду посечен этим оружием (этим мечом)».

В то же время определённые способы выразить или скрепить отношения верной службы между князем и дружинником на Руси существовали с древнейших времён. Выражалось это произнесением некоторых общепринятых фраз, подчеркивающих вначале – дружбу и преданность («приятъ в сердце», «сложить голову» и т. п.), а позднее – безусловную преданность «холопа» Богом данному «государю» и долг «служить до живота» [3–7].

Начиная с XII в., когда христианство в значительной степени вытеснило язычество, соглашения и взаимные обязательства между князьями и служилыми людьми, в определенных случаях, стали сопровождаться религиозным обрядом, который к тому времени стал наиболее распространённым способом скреплять договорённости, – целованием креста или иконы. Такого рода обряды, по результатам исследовательских работ, посвященных данной тематике, свидетельствуют о трансформации политического строя от схемы «князь – дружина/горожане» к отношениям «государь – подданные» [3–7].

С XV в. (а по некоторым данным, со второй половины XIV в.), при поступлении на службу как воины, так и другие «приборные» люди представляли поручителей, которые в присутствии «пóслухов» (пóслух – в древнерусском судебном праве свидетель, обладающий «доброй славой», то есть достойный доверия) заверяли власти о том, что представляемый ими человек действительно является честным, добропорядочным, умелым и верным, т. е. достойным принятия на службу [5–9].

На данном историческом этапе необходимо особо отметить установленный порядок отбора «новоприборных» служилых людей для службы в государственном Стрелецком войске – стрельцов. Помимо процедуры, указанной в предыдущем абзаце, набирая из вольных людей отряды стрельцов, правительство возлагало на них ответственность по «круговой поруке» (круговая порука – групповая солидарная ответственность, заключающаяся в том, что вся группа людей отвечает по нарушенным обязательствам одного из них) за надлежащее исполнение каждым стрельцом своих обязанностей и за материальный ущерб казне в случае его бегства со службы [5–9].

Сохранившиеся поручные записи позволяют говорить о существовании круговой поруки при образовании новых стрелецких гарнизонов. Например: в 1593 г. в сибирском городе Таборах стрелецкий десяток Т. Евстихеева ручался сотнику К. Шакурову «промеж себя друг на друга, в верной службе в новом городе Таборах». При формировании нового стрелецкого гарнизона прибывших для его формирования стрельцов делили на две половины, после чего каждая ручалась за другую половину. Например: в 1650 г., при формировании стрелецкого гарнизона в новостроенном городе Цареве-Алексееве (совр. г. Новый Оскол) стрельцы, переведённые из Ельца и Лебедяни, ручались за стрельцов, переведенных из Оскола, Михайлова, Ливен, Черни и Ростова, и наоборот. В то же время в других городах правительство разрешало «прибирать» стрельцов за поручкой старослужащих воинов. «Поручные записи» требовали при зачислении на стрелецкую службу власти Соловецкого монастыря. В этом случае необходимым условием являлось поручительство всей содержавшейся монастырём стрелецкой сотни [5–9].

В 1607 г., в первом воинском уставе Русского царства – «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», впервые закреплён ритуал принятия клятвы на верность царю. Каждый воинский человек приводился к крестному целованию – приносить присягу государю «верно служить» и «во всем послушным и покорным быть и делать по его велению». В последствии именно этот ритуал разовьётся в государственно-служебную присягу публично-правового характера [5–9].

С течением времени традиция принятия присяги укреплялась и развивалась, становясь неотъемлемой частью военного служения. Постепенно присяга стала не только символом верности и преданности, но и выражением патриотизма и силы духа русских воинов.

В настоящее время военная присяга является одной из наиболее значимых традиций, отражающей важнейшие ценности патриотизма, культуры, духовности, исторической памяти и справедливости, символизирующей воинскую дисциплинированность, верность и преданность командирам и начальникам, руководству страны и всему многонациональному народу России. В целях придания особой торжественности, трепетности, важности и ответственности ритуал приведения к военной присяге проводится в исторических местах, местах боевой славы, у братских могил воинов, павших в боях за свободу и независимость России, а чтобы подчеркнуть особую значимость этого дня в жизни каждого воина, день приведения к военной присяге является нерабочим днем и проводится как праздничный.

Список источников

1. О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»: Федеральный закон от 13.06.2023 № 238-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc. (дата обращения: 09.10.2024). Текст: электронный.

2. Россия впервые отпразднует День военной присяги. Электронное периодическое общественно-политическое издание Федерального Собрания Российской Федерации «Парламентская газета» [Электронный ресурс] сайт. URL: <https://www.pnp.ru/social/rossiya-vpervye-otprazdnuet-den-voennoy-prisyagi.html> (дата обращения: 09.10.2024). Текст: электронный.

3. Поляков А. Н. Дружина в Древней Руси [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 2 (108). С. 41–46: сайт. URL: <http://www.osu.ru/doc/1041/kaf/6702/prep/1434> (дата обращения: 10.10.2024). Текст: электронный.

4. Дружина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

5. Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия : сайт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 10.10.2024). Текст: электронный.

6. Интернет-сервис для поиска информации по базе словарей, энциклопедий, книжных магазинов и фильмов: «Словари и энциклопедии на “Академике”»: сайт. URL: <https://upravlenie.academic.ru> (дата обращения: 10.10.2024). Текст: электронный.

7. Бенда В. Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). История. Вып. 31. С. 56–62.

8. Рота, в древнерусском процессе // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1899. Т. XXVII. С. 151–152.

9. Круговая порука // Большая российская энциклопедия 2004–2017: электронная версия [Электронный ресурс] сайт. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2114936 (дата обращения: 11.10.2024). Текст: электронный.

ЧАСТЬ 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ И ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

УДК 93/94

Е. А. Воног, старший преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации, соискатель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
vonog.ea@gmail.com

УСТАНОВЛЕНИЕ ИМЕН И ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ АМЕРИКАНСКИХ ВОЕННЫХ КИНОФОТООПЕРАТОРОВ, СЛУЖИВШИХ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ

Аннотация. В Великобритании, Канаде, Франции, США и других государствах, чьи воинские контингенты в период Гражданской войны в России и интервенции (1918–1922 гг.) выступили на стороне Белого движения, сохранились киноленты и внушительное количество фотографий, где иностранцами запечатлена повседневность российского гражданского противостояния. Значение этих кинофото документов для отечественной истории трудно переоценить. Более того, они представляют огромный интерес в качестве альтернативного взгляда иностранных участников конфликта на российскую действительность. Большое наследие, отличающееся не только количеством, но и качеством материала, оставлено американскими военными кинофотооператорами. Данная статья посвящена установлению имен, воинских званий, а также визуальному отождествлению американских военных кинофотооператоров, служивших в период 1918–1920 гг. на Восточном фронте Гражданской войны – оперативно-стратегическом объединении вооруженных антибольшевистских сил на территориях Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: *восточный фронт Гражданской войны в России, иностранная военная интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке, визуальная история, визуальные исторические источники, кинофото документы, анализ визуального контента*

Abstract. In Great Britain, Canada, France, the USA and other countries which military contingents during the Russian Civil War and intervention (1918–1922) supported the White movement, there are films and a great number of photographs, giving evidence of everyday life of the Russian civil confrontation captured by foreigners. The importance of these film and photo documents for Russian history is difficult to overestimate. Moreover, they are of great interest as an alternative view of Russian reality by foreign participants in the conflict. A large legacy, distinguished not only by the quantity but also by the quality of the material, was left by American military cameramen.

This article is devoted to establishing the names, military ranks, and visual identification of American military cameramen who served in the period 1918–1920 on the Eastern

Front of the Civil War – an operational-strategic unification of armed anti-Bolshevik forces in the territories of the Urals, Siberia and the Far East.

Keywords: *the Eastern Front of the Civil War in Russia, the foreign military intervention in Siberia and the Far East, visual history, the visual historical sources, cinematic and photodocuments, visual content analysis*

В декабре 2014 г. Национальное управление архивов и документации США (*National Archives and Records Administration – NARA*) разместило в сети Интернет оцифрованную версию черно-белой немой кинохроники «Союзные экспедиционные силы в Сибири» («*Allied Expeditionary Forces in Siberia*») [4], снятой на Востоке России американскими военными кинофотооператорами в период 1918–1920 гг. Вместе с кинохроникой Национальное управление архивов и документации США обеспечило свободный доступ к имеющим к ней отношение сопроводительным документам (№ 808, 973, 1028, 1031, 1034, 1036), содержащим текстовые описания сцен, мест, дат киносъемок, а также имена и воинские звания кинооператоров [5]. Так, из указанных сопроводительных документов стало известно, что киносъемку осуществляли лейтенант О’Коннелл (*W. O’Connell*), рядовой Тэннура (*Phillip Tannura*) и старший из них – капитан Кингсмор (*Kingsmore*).

На американском веб-сайте «Первая мировая война на киноплёнке» («*First World War on Film*») была найдена информация о том, чем занимался Говард Прайс Кингсмор (*Howard Price Kingsmore*) до начала и во время Первой мировой войны [6]. Согласно указанному источнику, Говард Кингсмор (1886 г. р.) в начале XX в. стал осуществлять свою трудовую деятельность в качестве фотографа газеты *Philadelphia Inquirer*, где, например, был отмечен тем, что создал качественные фотоматериалы с похорон президента Уильяма Маккинли (*William McKinley*), забастовки угольщиков 1901–1902 гг. и 50-й годовщины битвы при Геттисберге (*Gettysburg*) в период Гражданской войны в США. Ориентировочно с 1907 г. Кингсмор становится главным фотографом газеты *Philadelphia Evening Ledger*.

Когда США вступили в Первую мировую войну, Говард Кингсмор подал заявление на прохождение военной службы в качестве фотографа армейского подразделения, именуемого Корпусом связи армии США (*US Army Signal Corps*). В сентябре 1917 г. он был мобилизован в звании лейтенанта, но оставался в Америке практически до конца 1918 г. Сохранились как минимум два визуальных источника, отражающих внешность Говарда Кингсмора в период прохождения службы на территории США. Очевидно, что первый – это вырезка из номера газеты *Philadelphia Evening Ledger* от 1917 г. с заголовком «Фотограф удостоен высоких почестей» (рис. 1). Под изображением следующая информация: «Говард Прайс Кингсмор – один из представителей штата фотографов *EVENING LEDGER* получил известие о своем назначении в резервный корпус офицеров связи армии США в звании лейтенанта...» [6].

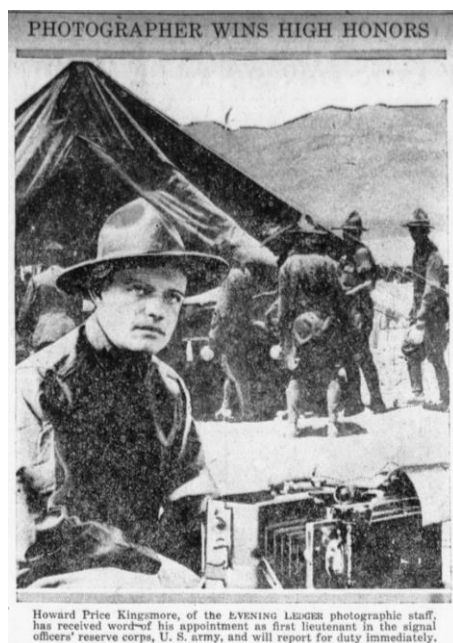

Рис. 1. Фрагмент из газетного номера с изображением Говарда Кингсмора (на переднем плане). США, 1917 г. Источник: веб-сайт First World War on Film (<https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html>)

На втором обнаруженном фотодокументе 1918 г. лейтенант Кингсмор представлен (второй слева) среди именитых американских кинофотооператоров времен Первой мировой войны (рис. 2). Слева на право: 1) лейтенант Кауфман (*Kaufman*); 2) лейтенант Кингсмор; 3) майор Андервуд (*Bert Underwood*) – руководитель секции фотодокументирования Корпуса связи армии США, в прошлом сотрудник фотографической компании «*Underwood & Underwood*»; 4) лейтенант Джексон (*Edward N. Jackson*) – фотограф 27-й дивизии, который в 1919 г. в Версале снимал международную конференцию, где был подписан мирный договор; 5) капитан Дурборо (*Wilbur H. Durborough*), снимавший военную хронику в Европе в 1915 г. [6, 7].

По данным британского историка кино Кевина Браунлоу (*Kevin Brownlow*), представленным в его книге 1979 г. «Война, Запад и пустыня» («*The War, the West, and Wilderness*»), по специальному приказу от 26.08.1918 в составе Корпуса связи Американских экспедиционных сил (*American Expeditionary Forces in Siberia – AEFS*), направляемых на Восток России, была сформирована фотографическая секция [2]. Ее возглавил Говард Кингсмор, получивший в августе 1918 г. звание капитана [6]. Также Кевин Браунлоу указал, что для прохождения службы в России было отобрано пять человек – сержант Бердслей (*Beardsley*), сержант Хеммер (*Hemmer*), капрал Остром (*Ostrom*), а также два ветерана киноиндустрии – рядовые О'Коннелл (*O'Connell*) и Таннура (*Tannura*) [2]. «Поскольку среди них не было офицеров, капитан Кингсмор попросил назначить лейтенантом рядового О'Коннелла; у каждого капитана должен был быть в подчинении лейтенант» [2, с. 164]. Кевин Браунлоу писал, что «молодой кинооператор Филипп Тэннура был выбран для участия в русской экспе-

диции потому, что он снял один из самых успешных военных фильмов “Неверующий”» [2, с. 167]. «Неверующий» (*The Unbeliever*) – немой американский пропагандистский фильм 1918 г. режиссера Алана Кросленда (*Alan Crosland*) – повествует о том, как война, лишения и ранение, полученное в бою, кардинальным образом изменили взгляды на жизнь человека, ранее не верившего в Бога, имевшего предвзятое отношение к простым людям и тем, в ком течет немецкая кровь.

Рис. 2. Фотоснимок известных американских кинофотооператоров времен Первой мировой войны. Лейтенант Кингсмор второй слева. США, август 1918 г. Фотограф – сержант МакГарригл (McGarrigle), Корпус связи армии США. Источники: 1) Национальное управление архивов и документации США, <https://catalog.archives.gov/search?q=111-sc-15522>; 2) веб-сайт «First World War on Film», <https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html>

Современный американский военный историк Джон Хаус (*John M. House*), после 20 лет службы демобилизовавшийся из армии США в 2001 г. в звании полковника, в своей работе 1986 г. «Волкодавы и Полярные медведи: Американские экспедиционные силы в Сибири, 1918–1920 гг.» (*«Wolfhounds and Polar Bears: The American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920»*), выполненной на основе архивных материалов, указал точную дату прибытия команды капитана Кингсмора в порт Владивостока – 04.11.1918 [3].

Автором была произведена визуальная атрибуция большинства кинофотооператоров из команды капитана Кингсмора благодаря их групповому снимку из коллекции сержанта Джона Хеммера, сделанному во Владивостоке в 1918 г. (рис. 3) [6]. На американском веб-сайте «Первая мировая война на киноплёнке» («First World War on Film») указано, что на фотографии (рис. 3) вторым справа является капитан Кингсмор, а за кинокамерой (третий справа) рядовой Тэннура [6]. Следует отметить, что американских кинофотооператоров на этом же месте в течение нескольких минут фотографировали как минимум дважды. Вторая подобная фотография (с иными позами и сменой мест в ряду некоторыми лицами) в виде иллюстративного материала была размещена Кевином Браунлоу в его упомянутой книге «Война, Запад и пустыня» (1979 г.) [2]. Кевин Браунлоу от-

метил на ней исключительно двух кинооператоров. Так, применительно к первому групповому фотоснимку (рис. 3) по данным Кевина Браунлоу первый слева – лейтенант Уильям О’Коннелл, третий справа – рядовой Филипп Тэннура. Сержанта Джона Хеммера автор данной статьи определил на фотографии (рис. 3) шестым слева (или первым справа) благодаря другому фотодокументу 1919 г. с веб-сайта «Первая мировая война на киноплёнке» («*First World War on Film*»), где лицо Джона Хеммера представлено крупным планом с соответствующим атрибутивным комментарием (рис. 4) [6].

Рис. 3. Фотоснимок группы американских военных кинофотооператоров Корпуса связи армии США, служивших на Востоке России в период 1918–1920 гг. в составе Американских экспедиционных сил в Сибири. г. Владивосток, 1918 г. Слева направо: 1) лейтенант Уильям О’Коннелл (*William O’Connell*); 2) неопознанное лицо (предположительно сержант Бердслей (*Beardsley*) или капрал Остром (*Ostrom*)); 3) неопознанное лицо (предположительно сержант Бердслей (*Beardsley*) или капрал Остром (*Ostrom*)); 4) рядовой Филипп Тэннура (*Phillip Tannura*); 5) капитан Говард Кингсмор (*Howard Price Kingsmore*); 6) сержант Джон Хеммер (*John G. Hemmer*).

Источники: 1) Национальное управление архивов и документации США, <https://catalog.archives.gov/id/24666>; 2) веб-сайт «*First World War on Film*», <https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html>

К сожалению, в настоящее время на групповом фотоснимке из коллекции сержанта Джона Хеммера (рис. 3) автором статьи не идентифицированы два фотографа – сержант Бердслей и капрал Остром (*Ostrom*). Предположительно, кто-то из них второй слева, а кто-то третий слева.

Несмотря на то, что изначально во Владивосток 04.11.1918 прибыло шесть кинофотооператоров Корпуса связи армии США – «два офицера и четыре нижних чина» [3, с. 78] – автор установил, что позднее в команде капитана Кингсмора появился седьмой военнослужащий, исполнявший функции кинооператора вместе с Филиппом Тэннура. Это был Дональд Томпсон (*Donald C. Thompson*), предположительное звание – рядовой. Его имя удалось установить благодаря еще одному американскому фотодокументу (с атрибутивными комментариями на веб-сайте «Первая мировая война на киноплёнке»), на котором в 1919 г. запечатлены два американ-

ских кинооператора – Дональд Томпсон и Филипп Тэннура, осуществляющие съемку в г. Екатеринбурге (рис. 5) [6].

Рис. 4. Фотоснимок, запечатлевший в мотоциклетной коляске сержанта Джона Хеммера – фотографа Корпуса связи армии США. 1919 г., предположительно г. Владивосток.

Источник: веб-сайт «First World War on Film»,

<https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html>

Рис. 5. Фотоснимок военных кинооператоров Корпуса связи армии США Дональда Томпсона (слева) и Филиппа Тэннура (на переднем плане), осуществляющих киносъемку в г. Екатеринбурге. 1919 г. Источник: веб-сайт «First World War on Film», <https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html>

То, что в России у кинооператора Филиппа Тэннура был напарник, подтверждают его же воспоминания, сделанные уже на территории США после окончания Первой мировой войны. По неизвестным причинам Филипп Тэннура стал хлопотать по поводу своего возвращения на родину, не дожидаясь окончания русской кампании. Он добился такого разрешения, но с одним условием. Филипп Тэннура вспоминал: «В конце концов, они сообщили, что, если я обучу кого-то, то смогу уехать. Так что я кое-кого обучил и затем через год вернулся» [2, с. 171]. Автором сделано предположение, что службу в России Филипп Тэннура закончил в звании сержанта, так как в имеющихся отношении к кинохронике сопроводительных документах № 1031 (описание сцен с 03.06.1919 по 18.07.1919) и № 1034 (описание сцен с 23.09.1919 по 29.09.1919) указано, что киносъемку производил уже не рядовой (*Pvt.*), а сержант (*Sgt.*) Филипп Тэннура [5].

Название созданной американцами кинохроники «Союзные экспедиционные силы в Сибири» («*Allied Expeditionary Forces in Siberia*») говорит о документировании событий, происходящих якобы исключительно в Сибири. «Вместе с тем в американском нарративе XX в. закреплено отнесение к Сибири всего Урала, собственно Сибири, Дальнего Востока и районов северо-восточного Казахстана» [1, с. 15]. На основе изучения кинохроники «Союзные экспедиционные силы в Сибири» («*Allied Expeditionary Forces in Siberia*») [4] и сопроводительных письменных документов [5] было установлено, что на Востоке России группа капитана Кингсмора вела съемки в таких районах и населенных пунктах (городах), как г. Владивосток (с островом Русский), станция Угольная, г. Хабаровск, г. Спасск-Приморский (ныне г. Спасск-Дальний), г. Никольск-Уссурийский (ныне г. Уссурийск), Кругобайкальская железная дорога, г. Иркутск, г. Красноярск, г. Тюмень, г. Омск, г. Екатеринбург и г. Уфа. Также съемки происходили на станциях и в населенных пунктах, расположенных вдоль линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Это г. Харбин, станции Пограничная (ныне г. Суйфэньхэ, КНР), Бухэду (ныне пос. Бокэту, КНР) и Цицикар.

Кроме указанной кинохроники группа капитана Кингсмора оставила огромнейшую коллекцию фотодокументов, правообладателем и хранителем которой (как и указанной кинохроники) на сегодняшний день является Национальное управление архивов и документации США (NARA). Много фотоснимков периода 1918–1920 гг., сделанных на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока фотографами Корпуса связи, находятся в свободном доступе в сети Интернет.

Американская военная интервенция, начавшаяся на Востоке России в августе 1918 г., закончилась в апреле 1920 г. Послевоенная деятельность подчиненных капитана Кингсмора в настоящее время не установлена. Исключением является информация, касающаяся сержанта Джона Хеммера. Он стал штатным фотографом газеты *New York News* [6]. Что касается капитана Кингсмора, то после возвращения в США по данным британского историка кино Кевина Браунлоу он был «нанят *Fox News* оператором» [2, с. 167], с почестями демобилизован из действующей армии в звании капитана с последующим присвоением звания майора запаса «в знак признания его заслуг в создании замечательных кинофильмов в самом сердце России» [2, с. 167]. Примечательно, что в период интервенции капитан Кингсмор за свою плодотворную деятельность был награжден орденом Святого Георгия Верховным правителем непризнанного «белого» государственного образования (Российского государства) – адмиралом Колчаком [2].

Список источников

1. Белгородская Л. В., Дроздов Н. И., Воног Е. А. Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «*Allied Expeditionary Forces in Siberia*» (1918–1920 гг.) //

ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики (ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 9–26.

2. Brownlow K. The War, the West, and Wilderness. New York: Alfred A. Knopf Inc., 1979, 602 p.

3. House John M. Wolfhounds and Polar Bears: The American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920. Lawrence: The University of Kansas, 1986, 236 p.

4. Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918-1919 (newsreel) [Электронный ресурс] // YouTube. https://www.youtube.com/watch?v=jGFxulouS_I (дата обращения: 07.10.2024).

5. Allied Expeditionary Forces in Siberia, 1918-1919 (subject descriptions) [Электронный ресурс] // National Archives Catalog. URL: <https://catalog.archives.gov/id/24666> (дата обращения: 07.10.2024).

6. Captured on Film by U.S. Cameramen – The Romanov Murder Scene (1918) [Электронный ресурс] // First World War on Film. <https://shootingthegreatwar.blogspot.com/2018/09/captured-on-film-by-us-cameramen.html> (дата обращения: 07.10.2024).

7. 111-sc-15522 [Электронный ресурс] // National Archives Catalog. <https://catalog.archives.gov/search?q=111-sc-15522> (дата обращения: 07.10.2024).

Д. А. Леонов

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбов, Россия
danilaleonov80@gmail.com

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается история Белого движения в Сибири. Основное внимание уделяется причинам и особенностям данного процесса. Проводится анализ ключевых факторов, которые способствовали поражению, а также влияние этих событий не только на развитие всего региона, но и в масштабах страны.

Ключевые слова: революция, Сибирь, Гражданская война, Белое движение, большевики

Abstract. This article examines the history of the White Movement to Siberia. The main attention is paid to the causes and features of this process. The analysis of the key factors that contributed to the defeat, as well as the impact of these events not only on the development of the entire region, but also on the national scale, is carried out.

Keywords: revolution, Siberia, civil war, White Movement, Bolsheviks

Революция в России и последующая Гражданская война стали одними из самых противоречивых моментов в российской истории. Данные события определяли дальнейший вектор развития государства на несколько десятилетий. Борьба за власть, крах монархии и попытки взять под контроль огромные территории породили конфликт, в котором столкнулся некогда единый народ. В этом конфликте Сибирь из-за своей географической удаленности и стратегического потенциала сыграла одну из ключевых ролей. Данный регион представлял возможность для аккумуляции различных политических и военных сил, что способствовало развитию Белого движения в этом регионе.

Однако ошибочно полагать, что Белое движение в Сибири было единым. Оно представляло собой весьма сложную и неоднородную совокупность различных политических групп и течений, у которых была едина лишь цель – противостоять большевистской власти. Обстановка в регионе ничем не отличалась от общего состояния страны в тот период. Раздираемая внутренними противоречиями, Сибирь сталкивалась с теми же вызовами, что и центральные регионы: экономическим упадком, социально-политическим кризисом. Но, как бы то ни было, географическая удаленность и стратегическое значение делали Сибирь одним из ключевых полей сражений [1].

Само Белое движение образовалось в Сибири в условиях массового неприятия власти большевиков. В этом огромном, достаточно удаленном от центра регионе влияние революционного Петрограда ощущалось крайне

слабо, что давало возможность антибольшевистским силам (преимущественно эсерам) создать свои политические структуры. Особое значение в данном контексте имело создание Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ). В июне 1918 г. КОМУЧ в большей степени состоял из представителей политических сил, которые были недовольны роспуском Учредительного собрания и считали советскую власть нелегитимной. Но уже в конце 1918 г. произошла консолидация многих разрозненных органов Сибирского управления. В результате переворота КОМУЧ и Уфимская директория перестали существовать, а к власти в Сибири пришёл А. В. Колчак, который почти сразу же объявил себя Верховным правителем России.

Одной из отличительных черт Белого движения в Сибири было то, что его основу составляло местное офицерство и казачество. Все они, верные традиционным устоям, видели в большевиках угрозу. Кроме того, на стороне белых выступила и значительная часть местной интеллигенции, недовольная проводимой политикой большевиков.

Таким образом, Белое движение в Сибири возникло как реакция. Поддержка казачества, недовольство интеллигенции и офицерства, стремление сохранить традиционный порядок сыграли решающую роль в развитии движения. Комитет членов Учредительного собрания, ставший своего рода символом антибольшевистского сопротивления в Сибири, также внёс свой вклад в создание идеологической базы для Белого движения.

Особое внимание стоит уделить и лидерам Белого движения. Наиболее значимой персоналией стал Александр Васильевич Колчак – бывший вице-адмирал [2]. При помощи Антанты он смог развернуть масштабную военную кампанию и создать весьма боеспособную и многочисленную армию. Однако стоит заметить, что численность её часто завышается. Про Колчака говорят, что ему удалось мобилизовать не то 500, не то даже 700 тысяч человек. Но на фронтах ситуация была несколько иной: «Выполнение операции возлагалось на три отдельные армии, руководимые непосредственно штабом адмирала Колчака: Сибирская армия генерала Гайды в количестве 52 000 штыков и сабель при 83 орудиях была уже сосредоточена на Вологодско-Вятском направлении, примерно на полпути между Глазовым и Пермью; западная армия генерала Ханжина в количестве 48 000 штыков и сабель, при 120 орудиях развертывалась на фронте Бирск – Уфа; оренбургские и уральские казаки – 11 000–13 000. Всего противник располагал 113 000 бойцов при свыше, чем 200 орудиях...» [3].

Так или иначе под его началом войска Белой армии на первых этапах достигли значимых успехов в войне, но необходимо упомянуть, что его пребывание в Сибири как верховного правителя также сопровождалось террором в отношении мирного населения и другими непопулярными мерами.

Еще одной значимой фигурой в создании Белого движения в Сибири был генерал Александр Ильич Дутов – лидер Оренбургского казачества. Дутов возглавлял казачьи войска, стал одним из наиболее активных про-

тивников большевиков и выступал за сохранение традиционных казачьих ценностей и автономии своего войскового округа. Его действия были ориентированы на противодействие экспансии большевистской власти в Сибири и удержание стратегических позиций вдоль реки Иртыш и других важнейших путей сообщения.

Но, несмотря на первоначальные успехи, движение столкнулось со значительными проблемами. Во-первых, большую роль сыграла неоднородность белых. Монархисты, правые эсеры, кадеты и даже некоторые социалисты действительно объединились против большевистской угрозы, но чёткий план действий отсутствовал. Не было единства и в вопросе послереволюционного обустройства России. Колчаку постоянно приходилось неким образом лавировать между различными политическими силами, что часто приводило уже к внутренним конфликтам в движении [4].

Кроме того, в отличие от красных, белые не смогли заручиться поддержкой большей части крестьян. Многие из них были насильно сосланы в Сибирь после Столыпинских реформ, что влияло на их «симпатии» к новому правительству. Политика Колчака в отношении аграрного вопроса была весьма либеральна. Он не был сторонником реставрации старого режима. Наиболее чётко и обстоятельно свою позицию по земельному вопросу А. В. Колчак высказал во время пребывания в Екатеринбурге в начале февраля 1919 г. Из текста телеграммы о пребывании Верховного Правительства в Екатеринбурге известно следующее: «Власть ныне не может сказать, каково будет окончание земельного вопроса, но может заявить вполне определенно: возврата к старому земельному строю не будет и быть не может. В области аграрного законодательства правительство стоит на точке зрения укрепления и развития мелкой земельной собственности за счет крупного землевладения». Под «крупным» землевладением Колчак подразумевал в первую очередь помещичьи земли. Это объясняется все-российским характером законодательства Правительства Российского государства. «...Поскольку колчаковское правительство претендовало на роль всероссийского, оно должно было учитывать положение во всей стране, а не только в Сибири». И если раздел крупной помещичьей собственности не был актуален для восточных губерний, то для центральных имел принципиальное значение. Однако данные мероприятия не принесли успеха. К тому же в это время большевики умело воспользовались социальным популизмом и издали свой знаменитый «Декрет о земле», в котором предельно ясно дали понять крестьянам – они хозяева своей земли.

Исходя из всего перечисленного с уверенностью можно говорить: Белое движение в Сибири имело потенциал для весьма успешного противостояния большевикам. Однако данный потенциал реализован не был. Отсутствие чёткой политической программы, неспособность решить аграрный вопрос, внутренние противоречия привели к тому, что движение потерпело крах.

Кроме того, японская и американская интервенция в Сибирь привела к тому, что местное население воспринимало белые силы как иностранных

агентов, что сильно подрывало доверие. В 1919 г. красные начали активное контрнаступление из-за опаски объединения Колчака и Деникина, и уже к концу года позиции белых ослабли. Сам Александр Васильевич был схвачен и расстрелян в Иркутске, что стало началом конца движения в Сибири. И, хотя войска Войцеховского, Молчанова и Пепеляева продолжали сопротивление, поражение было неизбежным [5].

Белое движение в Сибири стало одним из самых важнейших аспектов Гражданской войны в России. Оно представляло собой попытку противостоять радикальным изменениям большевиков и сохранить традиционный порядок. Несмотря на значительные ресурсы и поддержку Антанты, движение оказалось неготовым к переменам, связанным с политическими и социальными реалиями, которые происходили после революции. Немаловажным фактором стали проблемы внутренней консолидации. Белые не смогли создать единую программу, способную объединить антибольшевистские силы.

Кроме того, движение в Сибири столкнулось с трудностями и в отношении населения. Крестьянство, которое составляло основную часть населения, было недовольно политикой, проводимой Колчаком. В отличие от простых и понятных лозунгов большевиков, белые не имели чёткого представления об аграрном вопросе.

Анализ действий Белого движения в данном регионе позволяет понять, какую роль играют общественные настроения и социальные аспекты в вопросе политической борьбы. Неудача белых показывает, что умение адаптироваться к новым политическим и социальным реалиям является ключевым моментом в условиях кризиса.

Список источников

1. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. М. : Центрполиграф, 2024. 511 с.
2. Мамонтов С. И. Походы и кони. М. : АСТ, 2023. 411 с.
3. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война, 1918–1921. М. : Полигон, 2002. 672 с.
4. Парфенова В. Белое движение : в 2 т. М. : АСТ, 2017. 448 с.
5. Балабушевич В. Ю. Размышляя об истории белого движения в Сибири // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. С. 190–193.

Н. Д. Ростов, доктор исторических наук, профессор
*Алтайский государственный технический университет
имени И. И. Ползунова, Барнаул, Россия*
ndrostov@mail.ru

СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. На широком круге источников, преимущественно Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны РФ и архивных учреждений Алтайского и Красноярского краёв, Омской, Новосибирской и Томской областей, раскрывается деятельность командования Сибирского военного округа по мобилизационному развёртыванию войск. Большое внимание уделяется перестройке системы боевой и политической подготовки военнослужащих и воинских частей после завершения Советско-финской войны. На конкретных примерах показывается настойчивость и целеустремлённость командования военного округа, командиров соединений и воинских частей по подготовке войск в условиях, максимально приближенных к боевым.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сибирский военный округ, стрелковая дивизия, боевая подготовка, маршевая выносливость

Abstract. Based on a wide range of sources, mainly the Russian State Military Archive, the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation and archival institutions of the Altai and Krasnoyarsk Territories, Omsk, Novosibirsk and Tomsk regions, the activities of the command of the Siberian Military District on the mobilization deployment of troops are revealed. Much attention is paid to the restructuring of the system of combat and political training of military personnel and military units after the end of the Soviet-Finnish War. Concrete examples show the perseverance and determination of the command of the military district, commanders of formations and military units to train troops in conditions as close to combat as possible.

Keywords: Great Patriotic War; Siberian Military District; rifle division; combat training; marching endurance

Накануне Великой Отечественной войны в состав Сибирского военного округа входили территории Алтайского и Красноярского краёв с Хакасской и Ойротской автономными областями, Новосибирской и Омской областей [1, с. 197, 271]. Постановлением Совнаркома СССР и директивой Генерального штаба № 04/266 от 18 февраля 1940 г. в состав округа с 22 февраля были включены города Тюмень, Ишим и Ялуторовск вместе с районами [2, л. 587]. В истории Сибирского военного округа (СибВО) 1939–1940 годы – это период масштабных организационных преобразований и коренной перестройки боевой и мобилизационной подготовки войск и органов военного управления. С 15 мая 1939 г. по февраль 1940 г. в округе на мобилизационные сборы и по призыву было призвано 172 724 воен-

нообязанных запаса и призывников, в том числе с 15 мая по 1 октября – 92 498 военнообязанных, из них убыли в другие военные округа – 27 749. С 1 сентября 1939 г. по февраль 1940 г. в округе призвано – 80 226 чел. [3, 4, л. 89–91, л. 42]. Из людских ресурсов округа были сформированы: стрелковые дивизии (91, 107, 119, 133, 166, 178, 194, 201, 225); три авиаполка, две авиабазы, большое число отдельных воинских частей [5, 6, л. 30, л. 220]. В другие военные округа убыли сформированные и укомплектованные за счёт людских ресурсов округа стрелковые дивизии (3, 37, 73, 78, 94, 102, 109 и 194) [7, л. 14]. Базой пополнения новых воинских формирований выступила 3-я стрелковая дивизия [8, л. 19, 36, 41]. В октябре 1939 г. на базе стрелковых полков и управлений дивизий были сформированы 52-й, 53-й, 58-й стрелковые корпуса, полевое управление 24-й армии и большое число отдельных частей [9, с. 207, 467, 468–471]. В январе 1940 г. 71-я стрелковая дивизия была реорганизована в 23-ю запасную стрелковую бригаду [10, л. 141; 11, л. 491]. В связи начавшейся войной с Финляндией в СибВО были проведены ряд организационных мероприятий. В январе 1940 г. был сформирован 451-й запасной стрелковый полк. В феврале он подготовил и направил в действующую армию весь призыв 1939 г. [12, л. 203]. В январе 1940 г. 119-я стрелковая дивизия провела два формирования: в декабре 1939 г. завершила приём пополнения. С 1 по 13 января приняла кадровых военнослужащих. С 14 по 22 января отправила кадровый состав по частям округа, приняла приписанных военнообязанных запаса и 23 января убыла вслед за 91-й стрелковой дивизией в Ленинградский военный округ [13, л. 178]. 107-я стрелковая дивизия отправила в действующую армию часть командного состава и маршевый батальон численностью 2 000 чел. 178-я стрелковая дивизия отправила на фронт 400 младших командиров и два лыжных батальона [14, л. 6; 15, л. 1]. В 1939 г. в ходе от мобилизации воинских частей государственные, местные органы власти и военного управления Красноярского края получили практический опыт проведения мобилизации автомехтранспорта из гражданских организаций. Из народного хозяйства региона на укомплектование воинских частей было мобилизовано 1 045 автомашин, 3 600 лошадей, в Ачинске и Канске были развернуты военные госпитали [16, л. 21].

Наличие подготовленного мобилизационного резерва во многом определяет исход войны. К началу Великой Отечественной войны перед военно-политическим руководством СССР на повестку дня встал вопрос военной обученности военнообязанных, состоящих в запасе. В ходе военной реформы к началу 1925 г. численность Рабоче-крестьянской Красной армии составила 562 тыс. [17, с. 169]. Численность ежегодного призывного контингента в СССР достигала 900 тыс. чел. Для его обучения численность армии должна была составлять – 1,7 млн чел. [18, с. 245]. В конкретных исторических условиях кадровая Красная Армия могла принять на обучение около 30 % контингента. При этом следует отметить, что нацистская Германия через военно-учебные центры к началу Второй мировой войны

пропустила 100 % призывного контингента, Франция – 68,3 %, Польша – 70 %, Румыния – 66,6 % [19, с. 9, 10].

В СССР подготовка призывного контингента, в том числе военно-обязанных запаса, была возложена на кадровую армию, территориальные части и учебные организации Осоавиахима. Содержание одного бойца в кадровых частях составляло 267 руб. в год, в территориальных – 58 руб. в год. За весь срок службы на подготовку одного бойца расходовалось в кадровых частях – 535 руб., в территориальных за пять лет – 291 руб. [20, с. 60].

Закон СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г. отменил большинство отсрочек, увеличил мобилизационную базу и завершил переход к кадровой армии. Однако следует признать, что эти меры оказались запоздалыми.

В мае 1940 г. в акте приема Наркомата обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко от Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова отмечалось, что в числе военнообязанных запаса состояли 3 155 000 необученных. На 1 января 1941 г. их число в возрасте от 23 до 45 лет составило 4 575 000 чел. (28 % от общего числа) [21, с. 300, 301; 22, с. 7].

Аналогичной была ситуация с военной облученностью мобилизационного резерва и в регионах СибВО. Так, к 22 июня 1941 г. на учёте в Омской области состояло 247 926 чел. рядового состава запаса, из них были обучены только 247 926 чел. (28,3 %) [23, л. 92]. Следует также отметить, что впервые в истории крупномасштабных вооружённых конфликтов нацистская Германия провела скрытую мобилизацию. С 28 сентября 1938 г. по 28 сентября 1939 г., численность вооруженных сил Германии возросла в 46 раз (со 100 000 до 4 600 000 чел.), по числу дивизий – более чем в 10 раз (с 10 до 105) [24, с. 21].

В преддверии Великой Отечественной войны Наркомату обороны СССР и Генеральному штабу Вооруженных Сил требовалось знать истинное положение дел с воинским учётом, наличием и уровнем военной облученности мобилизационных людских ресурсов. Последний переучёт мобилизационных ресурсов был проведён в СССР в 1927 г. К чему это привело свидетельствуют архивные документы. 1 сентября 1939 г. только в Новосибирской области на призывные участки прибыли около 8 тыс. чел., не состоящих на воинском учёте [25, л. 3]. При подъеме 166-й стрелковой дивизии только в г. Томске на сборные пункты прибыло свыше 1 000 военнообязанных, не состоящих на воинском учёте [26, л. 266; 27, л. 97]. В июле – августе 1940 г. в регионах СибВО был проведён переучёт военнообязанных запаса от 19 до 50 лет, состоящих на общем и специальном учёте [28, л. 3]. По итогам мероприятия на воинский учёт в округе дополнительно были поставлены сотни тысяч военнообязанных запаса. Например, в Алтайском крае до переучёта на воинском учёте состояло – 193 398 чел. Только по предварительным данным к завершению переучёта, мобилизационный запас региона увеличился до 271 343 чел. [29, л. 74]

Воины-сибиряки понимали неизбежность приближающейся войны. 15 декабря 1939 г. Алтайский крайвоенком майор В. М. Макаров в своём выступлении на 1-й партийной конференции военных комиссариатов Алтайского края обратил внимание участников мероприятия: «Международная обстановка с каждым днём обостряется, угроза военного нападения с каждым днём увеличивается. Война... если суждено нам её изведать, потребует большого количества бойцов, начальствующего состава. Мы знаем, что война будет жестокой... нужно неустанно, непрерывно и умело готовиться» [30, л. 1, 2, 81]. Комиссар 107-й Барнаульской стрелковой дивизии Н. Е. Феоктистов 14 апреля 1940 г. в своём выступлении на 3-й Алтайской краевой партконференции призвал готовиться к большой войне, в которой «нам придётся выставить огромную, многомиллионную армию в 2–10 млн человек. Нам потребуется напрячь все усилия для того, чтобы отстоять страну. Пока есть время, пока не нагрянула большая война... мы должны готовиться в военном отношении сейчас, немедленно, ибо обстановка не ждёт» [31, л. 116].

В 1939–1940 гг. войска СибВО были довооружены всеми видами имущества до полного покрытия табельной потребности. Боевая подготовка войск и военнослужащих была максимально приближена к реальным боевым условиям и проходила в любое время суток и времени года. В подготовке военнослужащих, подразделений и частей стал использоваться опыт Советско-финской войны 1939–1940 гг. С 25 января 1940 г. соединения и части 52-го и 53-го стрелковых корпусов перешли на 12-часовой рабочий день [32, л. 42; 33, л. 202; 34, л. 32; 35, л. 1]. В подготовку войск СибВО прочно вошли внезапные подъёмы по боевой тревоге. Многокилометровые марши с боевой техникой и вооружением. Подвижные лагерные сборы, полевые выходы подразделений и частей до 5–10 суток с обустройством ночлега с использованием подручных средств, активное использование артиллерии, авиации и танков. Впервые проведены учения по погрузке, выгрузке войск и совершению передислокации по железной дороге [36, л. 24, 29, 32, 57].

В августе 1940 г. на тактических учениях 107-й стрелковой дивизии впервые в ходе артиллерийской подготовки «наступления» были применены боевые снаряды; пехота училась наступать вслед за огневым валом своей артиллерии на безопасном расстоянии от разрывов снарядов (200 м), со всеми частями и подразделениями были проведены форсирование водных преград и преодоление участков заражения боевыми отравляющими веществами [37, л. 31, 32]. С 31 августа по 3 сентября 1940 г. в ходе двухсторонних смотровых учений 119-й стрелковой дивизии, проводимых Маршалом Советского Союза Г. И. Куликом впервые авиация применила ФАБ-50, на артиллерийскую подготовку наступления было выделено 100 снарядов, на бой в глубине обороны «противника» – 200 снарядов [38, л. 25]. С 21 по 23 августа 1940 г. во время лагерного сбора 133-й стрелковой дивизии было проведено учение по форсированию водной преграды личным составом с боевой техникой. Для лучшего закрепления получен-

ных навыков, такое учение было проведено повторно. С 24 по 26 августа со всем личным составом дивизии были проведены учения по преодолению 500 м участков местности, заражённых боевым ипритом [39, л. 451, 453, 454]. В сентябре 1940 г. 91-я стрелковая дивизия и 338 гаубичный артиллерийский полк 23-й запасной стрелковой бригады провели месячные сборы приписного состава, завершив их полевым выходом с боевой стрельбой и совершением 200 км марша с материальной частью [40, л. 22; 41, л. 496].

Большое внимание в войсках округа уделялось физической закалке военнослужащих и маршевой подготовке воинских соединений и частей. В декабре 1939 г. большая группа курсантов Новосибирского военно-политического училища за 8 ходовых дней при морозе 24° совершила 425 км лыжный переход до г. Сталинска с решением тактических задач [42, л. 3]. В ходе тактических занятий и учений личный состав и подразделения 178-й стрелковой дивизии совершали длительные марши, неделями жили в степи, на снегу. Рота мл. лейтенанта Джигиль 709 стрелкового полка в январе 1940 г. за 33 ходовых часа совершила 180 км. марш при 30° морозе и встречном ветре [43, л. 7]. 28 июня 1940 г. 4:30 утра первый выпускной батальон Омского военно-пехотного училища совершил форсированный марш на 35 км во взаимодействии с танками и авиацией, завершив его боевой стрельбой. В ночь на 1 июля 1940 г. всё училище было поднято по боевой тревоге и во взаимодействии с танками и авиацией совершило 40 км марш, завершив его боевыми стрельбами из штатного оружия [44, л. 8].

О высокой боевой выучке войск и личного состава СибВО свидетельствуют итоги боевой и политической подготовки. В 1938 г. в округе не было ни одной воинской части с хорошей оценкой. В 1939 г. – 71, 107, 178-я стрелковые дивизии получили оценку «хорошо» [45, л. 36]. В 1940 г. 107-я стрелковая дивизия получила оценку «отлично» и была награждена переходящим Красным знаменем Наркомата обороны СССР, 5 стрелковых дивизий получили оценку «хорошо»; 2 – «посредственно», 82,4 % частей округа на итоговой проверке показали отличные и хорошие результаты [46, л. 16].

С началом 1941 г. войска СибВО продолжили настойчиво готовиться к приближающейся войне, совершенствовали боевую и мобилизационную готовность. В марте убыл в Западный Особый военный округ 188 отдельный сапёрный батальон 107-й стрелковой дивизии. В мае в Западный Особый военный округ убыла 201-я стрелковая и в Киевский особый военный округ – 225-й стрелковая дивизия [47, с. 77]. На инспекторской проверке весной 1941 г. 107-я и 133-я стрелковые и 38-я истребительно-авиационная дивизии получили оценку «отлично», 107-я стрелковая дивизия была признана лучшей в округе по огневой подготовке [48, с. 73, 74]. На большие мобилизационные сборы в первом полугодии 1941 г. в Новосибирской области было призвано 40 000 военнообязанных запаса, в том числе в июне – 10 584 [49, л. 63, 67]. В последние мирные месяцы 1941 г. военные комис-

сариаты округа осуществляли досрочные призывы военнообязанных. Только в Алтайском крае были призваны из запаса и направлены в войска 5 624 чел. [50, л. 38].

С 4 по 20 мая 1941 г. в соответствии с приказом командующего СибВО военные комиссариаты краёв и областей региона только к воинским частям округа приписали 71 598 военнообязанных запаса [51, л. 33]. 14 июня 1941 г. стрелковые дивизии округа были переведены на штаты военного времени [52, л. 1]. К началу Великой Отечественной войны на учебных мобилизационных сборах в воинских частях СибВО находились 35 799 военнообязанных запаса, кроме того, на сборах начальствующего состава запаса, приписанного к полевому управлению 24-й армии и 52-му и 53-му стрелковым корпусам – 1 583 [53, с. 246, 248].

В Великой Отечественной войне сибиряки проявили величайшую любовь и преданность Родине, высокую боевую выучку и самопожертвование при выполнении боевых задач. Это во многом было обусловлено настойчивой и целеустремлённой подготовкой на сибирской земле в предвоенный период.

Список источников

1. Советская энциклопедия в 8 т. Т. 7. М. : Воениздат, 1979. С. 197, 271.
2. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 2 583. Оп. 1. Д. 715.
3. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1 Д. 164.
4. РГВА Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 42.
5. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1 Д. 42.
6. Там же. Д. 375.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П – 5155. Оп. 1. Д. 13.
8. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 351.
9. Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Ростов; Алт. гос. тех. ун-т. им. И. И. Ползунова. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. С. 207, 467, 468–471.
10. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 375.
11. Там же. Д. 387.
12. РГВА Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 375.
13. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 375.
14. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 1 426. Оп. 1. Д. 2.
15. Там же. Ф. 1 054. Оп. 1. Д. 1.
16. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. 42. Оп. 5. Д. 67.
17. 50 лет Вооружённых сил СССР. М.: Воениздат, 1968. С. 169.

18. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-истор. очерки: в 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М.: Наука, 1998. С. 245.

19. Макарь И. П. От стратегии сооружения к стратегии измора. Становление в 1920-е годы советских военно-теоретических взглядов на создание и использование стратегических резервов // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 9, 10.

20. История КПСС в вопросах и ответах / под ред. Рыбникова В. В. М.: ВПА, 1989. С. 60.

21. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Наркома обороны СССР. (1937 – 21 июня 1941 гг.). Т. 13 (2–1). М.: Терра, 1994. С. 300, 301.

22. Градосельский В. В. Комплектование Красной Армии рядовым и сержантским составом в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2002. № 3. С. 6–12

23. Исторический архив Омской области (ИАОО) Ф.П – 17. Оп. 1. Д. 4 043.

24. Гостев А. Н. «Если завтра война, если завтра в последний...» // Военно-исторический журнал. 2003. № 6. С. 17–22.

25. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П.-4. Оп. 3. Д. 404.

26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 22. Д. 1 846.

27. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 4. Д. 550.

28. ГААК. Ф. П.-5155. Оп. 1. Д. 24.

29. ГААК. Ф. П-1555. Оп. 1. Д. 24.

30. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 1. Д. 7.

31. ГААК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 329.

32. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 42.

33. Там же. Д. 375.

34. Там же Д. 884.

35. Там же Д. 885.

36. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 885.

37. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 885.

38. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 434.

39. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 387.

40. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 386.

41. Там же. Д. 387.

42. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 386.

43. ЦАМО РФ. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 2.

44. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 387.

45. РГВА. Ф. 25 8349. Оп. 1. Д. 42.

46. РГВА. Ф. 25 893. Оп. 1. Д. 885.

47. В пламени и славе (очерки истории СибВО). Изд-во 2. Новосибирск, 1988. С.77.

48. В пламени и славе (очерки истории СибВО). Изд-во 2. Новосибирск, 1988. С. 73, 74.
49. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 678.
50. ГААК. Ф. П-5155. Оп. 2. Д. 1.
51. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 56а.
52. ЦАМО РФ. Ф. 1054. Оп. 1. Д. 1.
53. Захаров М. В. Накануне великих испытаний. М. : Воениздат, 1968. 256 с.

А. П. Шекшеев, кандидат исторических наук, член правления
Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий,
Абакан, Россия
turan47@yandex.ru

«НАМ ВСЕ РАВНО, КАКАЯ БЫ ВЛАСТЬ НИ БЫЛА...». ОТНОШЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА К «КРАСНЫМ» И «БЕЛЫМ» ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению отношения крестьянства одного из регионов Сибири, Енисейской губернии, к тем политическим силам, что сражались на полях Гражданской войны. Являясь самой многочисленной группой населения, оно постоянно вовлекалось и становилось участником событий. Как и повсюду в Сибири, реакция крестьян на внешнее воздействие состояла из массовых и отдельных случаев их конкретного поведения. Их отношение не было постоянным и смиренным. Они находились в зависимости от политической, военной обстановки и человеческого фактора. Вероятно, крестьянство, бунтуя на стороне то «белых», то «красных», в основной своей массе оставалось индифферентным к их борьбе, что и определило её исход.

Ключевые слова: белая армия, большевики, деревня, Енисейская губерния, крестьянство, отношения, партизаны, советская власть

Abstract. This article is devoted to the identification of the relations of the peasantry of one of the regions of Siberia – the Yenisei province to those political forces that fought on the fields of the Civil War. Being the largest segment of the population, it was constantly involved and became a participant in its events. As elsewhere in Siberia, the peasants' reaction to external influences consisted of mass and individual cases of their specific behavior. Their relationship was not stable and was dependent on the political, military situation and the human factor. Probably, the peasantry, rebelling on the side of either the "whites" or the "reds", for the most part remained indifferent to their struggle, which determined its outcome.

Keywords: the White army, the Bolsheviks, the village, the Yenisei province, the peasantry, relations, partisans, the Soviet government

Публикации, созданные современниками и историками о Гражданской войне в Сибири, свидетельствовали о разном отношении местных крестьян к противникам этого трагического действия. Создававший свою книгу непосредственно после войны очевидец и революционный деятель, хорошо понимавший и отстаивавший интересы деревни, считал, что поведение крестьян было обусловлено такой высказанной ими мыслью: «Хорошо было бы хоть на время остаться без правительства, а жить самим по себе». При этом, по его мнению, они, не ощущая пользы от государства и существуя в привычном образе и ритме жизни, оказывались способными бороться с любой властью, которая ухудшала их положение [1, с. 50, 53].

В советское время историки, основываясь на марксистской доктрине о классовой борьбе, утверждали, что сибирское повстанчество развивалось

под лозунгом советской власти и в силу большого представительства среди партизан середнячества имело общекрестьянский характер [2, с. 71; 3, с. 126; 4, с. 60].

Западные историки представляли Гражданскую войну как борьбу различных политических группировок при полном безразличии к её исходу крестьянских масс и даже их враждебности по отношению к советской власти. «Почти в каждой деревне шла собственная гражданская война, — писал один из них, — временами фокусировавшаяся на проблемах, ничего не имеющих общего ни с идеологией белых, ни с идеологией красных» [Цит. по: 5, с. 276]. В то же время они полагали, что «исход дела решило крестьянство, составлявшее большинство населения» [Цит. по: 6, с. 79, 81].

Освободившись от прессинга идеологии, отечественная историография пополнилась исследованиями, которые утверждали, к примеру, что вплоть до зимы 1918/19 г. серьезного проникновения идей большевизма в крестьянские массы сибиряков не наблюдалось, они в основном склонялись к признанию антибольшевистской власти. Но в 1919 г., несмотря на пассивность многих крестьян, произошел, по мнению историка, заметный рост антиправительственных настроений, которые охватили все слои деревенского населения. В конце 1919 – начале 1920 г. крестьянство поддержало восстановление порядка, возможное тогда лишь при советской власти [7, с. 65–66; 8, с. 128, 132; 9].

Одновременно отечественные и западные ученые оказались солидарны в выводах о том, что «Сибирь не стала очагом революционной активности», её население проявило равнодушие не только к колчаковскому перевороту и состоявшемуся затем провалу белого движения, но и к воззваниям красных [10, с. 17–18, 90; 5, с. 276].

Составная часть Сибири – Енисейская губерния представляла огромную территорию со множеством селений, в которых проживали крестьяне, слабо знакомые с цивилизацией и настороженно относившиеся к новому в деревенской жизни. Большие пространства и слабые коммуникации делали государственный контроль здесь слабым. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы предприимчивого крестьянства. Вероятно, отношение енисейских крестьян к внешним политическим силам развивалось по сценарию, общему для всей Сибири. Но оно пока остается за пределами исторических исследований, что и определяет актуальность данной публикации.

Начиная с конца 1917 г. енисейское крестьянство согласилось жить под властью советов. Но «деревня никогда слепо не подчинялась советской власти, а признавала её номинально, поскольку большевики не трогали крестьян и не мешали им, — делился своими наблюдениями современник. — А когда совдепы стали требовать хлеб по твердым ценам и стеснять их своими декретами, то дело [дошло] до явного [их] непризнания...». Делегатами на III Ачинский уездный крестьянский съезд деревня послала самых «ярких» противников большевистской власти, которые отказали ей в предоставлении красноармейцев. В Минусинске очередной съезд уездно-

го крестьянства, потребовавший от совдепа отчетности в расходовании денежных сумм и объявленный «контрреволюционным», оказался разогнанным. Но появление в деревне красногвардейцев, посланных за хлебом и новыми делегатами, вызвало антибольшевистскую мобилизацию крестьянства, которое решило отправить в город для защиты своих представителей вооруженные отряды [11, 3, 24 июля; 12, 1 сентября].

Будучи разочарованными деятельностью большевиков, минусинские крестьяне приняли участие во властном перевороте. При этом от рук крестьян погибли председатель солдатской секции уездного совдепа и большевик Т. А. Шаповалов, члены Шалаболинского совета, советские деятели и комиссары Алтайской и Батеневской экономий Ф. А. Герасимов и Харлашин.

Но чаще деревня с её озлобленными и злорадствующими кулаками выражала свое отношение к прежним властителям и их защитникам путем нападения на них. Уходившие с Мариинского и Ключевенского фронтов, остатки красногвардейских отрядов проходили по селам, отмечал историк, как по «враждебной» территории. Если в селениях к северу от Транссибирской магистрали жители встречали беглецов радушно, то в д. Четь Боготольской волости они были крестьянами перебиты. Комиссар Мариинского фронта А. С. Масленкин-Непомнящий затем вспоминал: «Нужно сказать, что в дороге по деревням во многих местах нам абсолютно ничего не давали, так нам приходилось проходить деревни, не получая ни одного куска хлеба...» [13, с. 70; 14, л. 5–6].

Такая же картина наблюдалась и на востоке от Красноярска. Бегущие красногвардейцы, отнимая у населения продукты, плоты и лодки, сплавлялись по р. Мане. Крестьяне же в ответ устраивали на них облавы, а сопротивлявшихся расстреливали.

Другие представители свергнутой советской власти арестовывались крестьянами, подвергались осуждению, предавались смерти или доставлялись в города новым властям. Так, в Ачинском уезде распаленные информацией о «казначейском сундуке» и испытывавшие серьезную неприязнь к большевикам-«евреям» дружинники Подсосенской волости выловили 50 человек. От них мученическую смерть принял бежавший председатель уездного совдепа П. О. Саросек. Более удачливо сложилась судьба еще одного беглеца, который потом рассказывал, что его и 14 красногвардейцев, следовавших из Ачинска, крестьяне с. Трофимово Тюхтетской волости арестовали и хотели передать в Боготол на расправу, но сход решил их отпустить [15, с. 42; 16, с. 29].

Бегство красноярских большевиков, следовавших речной флотилией в Туруханский край, зачастую сопровождалось обстрелами селений и конфискацией скота. Соответственно сходы в д. Шиверской, Додоновой и Барабановой выделили 113 мужиков, изъявивших желание преследовать большевистские пароходы. Когда один из них сел на мель, то местные крестьяне, подплыв к нему, заставили находившихся на его борту мадьяр сдаться. Высадившаяся в с. Каргино команда парохода «Тобол» была

встречена винтовочным залпом. Несмотря на пулеметный огонь с парохода, крестьяне преследовали его и убили четверых и ранили девять красногвардейцев. Среди погибших был известный канский большевик А. В. Феофилактов [12, 28, 30 июня, 2, 10 июля; 17, 30 июля].

С разгромом флотилии местные крестьяне активно вылавливали бежавших руководителей Красноярского совета. Так, они выдали властям Г. С. Вейнбаума, А. А. Позднякова, а в д. Кунгутово убили К. В. Кузнецова. Четверо большевиков, пытавшихся силой оружия заставить тунгусов стать их проводниками, погибли [18, с. 200, 202; 19, 22 марта]. Скрывавшиеся советские служащие задерживались местными жителями и под конвоем возвращались в Красноярск. В д. Сосновка и Мокруши Ачинского и Енисейского уездов были арестованы бывшие советские деятели Г. И. Пекарж и С. М. Иоффе.

Большинство красногвардейцев скрылись или вернулись домой, где судьбу их решало крестьянство. Так, красногвардеец и делегат уездного съезда из д. Васильевка Д. В. Романов, агитировавший крестьян отказаться от похода на Минусинск, был ими избит и вскоре скончался. Вернувшиеся в с. Усть-Абаканское бывшие красногвардейцы подверглись суду общественности. Крестьяне постановили 14 наиболее активных лиц передать минусинским властям, а десятерых – выселить за пределы села [15, с. 43–44].

Между тем среди победителей начались разногласия. Разоружив дружинников, новая власть в Минусинске помешала распространению грабежей и тем самым вызвала недовольство деревни. Крестьянские делегаты были раздражены напоминанием о необходимости внесения недоимок. Прения вызвали вопросы о восстановлении судебно-следственных органов и осуществлении призыва в армию. Несмотря на объявленную правительством мобилизацию офицеров и казаков, окончательное решение о ней было принято вне рамок крестьянского съезда [20, с. 200–203; 21, л. 12, 14–21].

Крестьяне с настороженностью и недоверием воспринимали действия Временного Сибирского правительства. В самом Минусинском уезде его власть приветствовалась, например, населением Моторской волости, д. Лыткино и с. Тигрицкого. Однако жители с. Беллык высказались против свержения власти большевиков [17, 6, 12, 17 июля]. В июле – августе 1918 г. служащий губернского комиссариата докладывал, что отношение крестьян на территории Красноярского уезда к новой власти «выжидающее и сдержанное». В д. Замятино крестьяне заявили, что не будут платить подати. Член Канского уездного комиссариата сообщал губернским властям об отсутствии прочной правительственной власти на подведомственной территории [22, с. 85–86]. Только в августе – октябре того же года крестьяне под воздействием агитации, осуществленной сотрудниками МВД, согласились со всеобщей воинской повинностью. Но проголосовав за неё и уплату текущих налогов, члены Михайловского и Есауловского волост-

ных земских собраний Красноярского уезда высказались против внесения недоимок прежнего времени [7, с. 66].

Однако среди крестьян наблюдались случаи поддержки правительственной фискальной политики. Так, 7 октября 1918 г. некоторые из них обращались к комиссару Енисейского уезда с просьбой о применении к лицам, упорствующим в уплате налога, принудительных мер. Ноябрьский сход жителей с. Рыбинского Канского уезда постановил выплатить подати не только за текущий, но и прежние годы [23, л. 48; 12, 19 (6) ноября].

Вместе с тем осенью 1918 г. находившиеся в тисках денежного дефицита власти, наряду с вылавливанием дезертиров, усилили взимание налогов и преследование самогонщиков. Специальные отряды с этой целью действовали в селениях Минусинского и Ачинского уездов. Торговля самогомом на базарах прекратилась, крестьян стали пороть за его выгонку и неуплату недоимок [14, л. 8]. Но такие меры не остановили их протестного поведения. К примеру, 10 ноября Ирбейское волостное собрание, признав воцарившуюся власть и приняв назначенную налоговую смету к раскладке, отклонило уплату податей за первое полугодие текущего года, заявило о недопустимости принудительных мер к населению и немедленном созыве Сибирского Учредительного собрания [24, л. 9].

Противоречие, возникшее между состоянием сельскохозяйственного рынка и потребностями крестьянских хозяйств, новой властью не было устранено и, согласно наблюдению очевидца, «вырывало почву у огромной массы крестьян». Оно вызывало следующее отношение, например, тасеевских крестьян в Канском уезде к существовавшему правлению, высказанное на сходе 30 ноября 1918 г.: «Нам все равно, какая бы власть ни была, только бы народу жилось хорошо, покойно, желательно иметь достаточно ... земледельческих орудий и избавиться бы от платежа податей, мотивируя тем, что царя нет и подати платить некому» [25, с. 11, 19; 26, с. 85]. Состоявшийся 22–28 января 1919 г. съезд управляющих уездами Енисейской губернии констатировал, что крестьяне не желают выполнять натуральные повинности без предоплаты, а денег в губернском правлении не было [5, с. 191]. Слабость власти являлась столь очевидной, что она стала провоцировать крестьянские бунты.

К тому же большевистские организации, выполняя решения августовской и ноябрьской 1918 г. сибирских конференций РКП(б) о подготовке населения к массовой вооружённой борьбе за восстановление советской власти, транспортировали денежные средства и развернули соответствующую агитацию. Несмотря на то, что правительственная контрразведка разгромила так называемое «большевистское подполье» и сделало его, по мнению современников, слабым [27, с. 268; 14, л. 24], вокруг скрывавшихся бывших советских деятелей и красногвардейцев стали организовываться группы крестьян и прежде всего переселенцев, которые помнили земельную политику большевиков, их налоговую бездеятельность и были недовольны сибирской властью. Начавшееся «брожение» вскоре переросло в крестьянские восстания, которые сразу же обрели очаговый характер.

Между тем повстанчество не сразу стало определяющим в отношениях крестьянства к белой администрации. Многие волости продолжали спокойную жизнь: крестьяне платили подати и не слушали агитацию «красных». В Канском уезде, например, рядом с повстанческим с. Тасеево находились с. Христово-Рождественское и Хандала, население которых считалось партизанами «белогвардейским» или «реакционным». В январе 1919 г. население Агинской и Ирбейской волостей Красноярского уезда, несмотря на требования мятежников, отказалось следовать с ними и снабдить их боевым оружием [28, л. 10; 29, с. 44; 25, с. 27]. Жители Тальской волости решились на поддержку «красных» лишь после угрозы расстрелов [30, л. 250]. Случалось, что крестьяне отказывали партизанам в передаче им оружия, которое было необходимо для самообороны, другие же просили разъяснить им цели партизанского движения [31, л. 6–7].

Более того, в январе 1919 г. при продвижении отрядов МВД из Канска в Тасеево крестьяне оказывали им посильную помощь вплоть до арестов повстанческих вожakov [32, с. 106]. По инициативе самого населения, наблюдавшего партизанские грабежи, в крупных сёлах создавались дружины самообороны, которые не только занимались сохранением порядка на вверенной им территории, но и принимали участие в боевых действиях [33, с. 44]. Сгруппировавшись в богатой Ирбейской волости, старожильческое население организовывало дружины, энергично боровшиеся с «красными» [8, с. 131]. Частично перешедшее в казачество, инородческое население Ачинско-Минусинского района служило в тылу правительственных войск или оказывало активную помощь в ликвидации «банд» Щетинкина и Новоселова [25, с. 42–43].

Восстание, вспыхнувшее в северных волостях Ачинского уезда и возглавляемое П. Е. Щетинкиным, согласно его более позднему признанию, «не имело такого размаха», как в других уездах, так как не было должным образом поддержано крестьянами. Отступая из уезда, мятежники насильно мобилизовали подводчиков, а затем их вместе с обозом бросили. По сообщению прессы, крестьяне относились к Щетинкину враждебно, бежали из его отрядов, а с возвращением в свои деревни расстреливались карателями. Спасаясь от белого террора, в прошлом мятежные селения вывешивали государственные трехцветные флаги [34, л. 42; 35, с. 89; 36, 12 апреля; 14, л. 25–26].

Однако, действуя малочисленными и разрозненными отрядами, которые наводили порядок жестокими мерами, власти только способствовали расширению территории повстанчества и вовлечению в него крестьянского населения. «Развращенное “большевиками”», оно перестало выполнять требования белой администрации, выносило постановления о признании советской власти и посылало партизанам целые обозы с продовольствием. Кое-где крестьяне, боясь партизанских расстрелов, отказывали властям в создании дружин, но и просьбы восставших о предоставлении им подвод не выполняли [19, 4 февраля (22 января; 32, с. 108; 30, л. 20)]. Наряду с переходом на сторону партизан 60 солдат Рыбинского гар-

низона [19, 13 февраля (31 января)], население целых селений формировало отряды и вступало в крестьянскую армию.

В других местностях губернии крестьянство, записал потом очевидец, сомневаясь в успехе правительственных войск, сохраняло выжидательную позицию [32, с. 112]. Стремясь заручиться его поддержкой и выступая 21 марта 1919 г. на открытии губернского земского собрания, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий заявил, что «помощь милиции населению ...не будет достаточна, если само население не встанет для самозащиты и в свою очередь не будет помогать и содействовать милиции в её работе». Но дезертирство приняло столь большие масштабы, что он был вынужден 8 апреля того же года объявить уездному руководству о необходимости применения к лицам, уклонявшимся от воинской повинности, арестов и усилении их наказания [5, с. 266; 24, л. 20].

Начавшееся в середине мая 1919 г. выступление правительственных войск против партизан на короткое время обнадежило деревенских сторонников белой власти и вызвало активность этих «предателей». Согласно воспоминаниям противной стороны, списки соседей, подлежавших репрессиям, составлялись жителями многих селений. Так называемые «большевики» выдавались односельчанами. Поджоги домов крестьян, что бежали с партизанами, часто начинали местные геростраты, а солдатня их продолжала [37]. Состоявшийся в конце мая сход жителей с. Маклаково Енисейского уезда постановил помогать властям, доносить милиции о подозрительных лицах и даже их задерживать [5, с. 268]. В июне после взятия чехами с. Шиткино Тайшетской волости, центра соответствующего партизанского фронта, его население, настроенное против большевиков, подвергало их арестам [32, с. 223].

В Минусинском уезде крестьянами задерживались выходившие из тайги участники ноябрьского (1918 г.) восстания и дезертиры. Целые сельские общества, к примеру, Бейское и Верхне-Кужебарское, собирали денежные средства в военный фонд и семьям погибших казаков. Июльский сход Николаевского общества Сагайской волости рассмотрел «преступное» поведение трех односельчан, передавших «банде» Щетинкина двух казаков, четверых их пособников и постановил первых из них арестовать с предоставлением начальнику Минусинского военного района [38, 3 мая (20 апреля), 4 мая (21 апреля), 28 (15) мая; 39, л. 6].

Но эта победа армейских частей над партизанами была скоротечной. Еще очищая мятежные районы от повстанцев, военные испортили отношения с гражданскими властями и местным населением. Несколько дней скрывался председатель Рождественской волостной земской управы, которого за сообщение о бесчинствах белые угрожали повесить. Сначала предлагавшие создать самооборону и не получившие на это согласие военных, крестьяне деревень Тасеевской волости теперь находились с ними в «натянутых» отношениях [40, с. 88; 41, л. 11].

Отступавшие из Степного Баджея и прорвавшиеся в Минусинский уезд партизаны, согласно их воспоминаниям, были встречены крестьянами

радушно: их не только кормили, но и по решению сходов наделяли деньгами и лошадьми. Всяческую поддержку им оказало население Имисской, Кнышинской, Курагинской, Паначевской, Сагайской и Шалаболинской волостей. Старообрядцы с. Верхне-Усинского встречали партизан, которые направлялись к Белоцарску, колокольным звоном, хлебом с солью, а командиру преподнесли икону. Однако современники отмечали, что местные крестьяне, случалось, встречали партизан «неприветливо», неохотно оказывали им помощь и отставших порой избивали. Усинцы, к примеру, спасли от расправы своих дружинников и отказали партизанам в предоставлении лошадей и подвод, которых им пришлось собирать по заимкам в принудительном порядке [42, с. 115; 29, с. 107, 109, 120, 134; 43, с. 204].

Слабость колчаковского режима, который не смог навести порядок в деревне, защитить своих сторонников и начал терпеть поражение в борьбе с Красной армией, привела к росту среди крестьян настроений в пользу повстанчества. К осени 1919 г. наблюдалось «сочувственное» отношение к партизанам в Приангарье, в некоторых деревнях жители в поддержку им организовывали отряды, насчитывавшие до 100 человек. С распространением большевистской агитации две трети крестьян Вершино-Рыбинской, Покровской, Семеновской, Толстихинской и Унерской волостей Канского уезда к середине сентября были настроены в пользу «красных». Некоторые из крестьян даже пытались организовать коллективное хозяйствование. Так, к руководству тасеевских партизан с просьбой о создании у них коммуны обратились представители населения участка Красивый. В поселок для инструктажа были командированы соответствующие товарищи [32, с. 246; 13, с. 157; 44, л. 110].

Армейские гарнизоны, оставленные в крупных селах, не справлялись с поставленными задачами, терпели поражение и сдавались. Смена власти выливалась в личные трагедии крестьян. Например, с появлением в д. Красногорьевка Канского уезда карательного отряда крестьяне Савченко указали на «большевика» Н. Лавринова, у которого при обыске было обнаружено награбленное. Его семья подверглась экзекуции, а с возвращением партизан бежавший с ними Лавринов тяжело ранил одного из заявителей. Тогда крестьяне по постановлению схода изловили и убили этого односельчанина [30, л. 117].

Совершив переход из Урянхая и заняв Минусинск, партизанская армия А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина была поддержана местным крестьянством. Приветствуя советскую власть, сельские общества жертвовали для партизан денежные средства, продукты, фураж, зимнюю одежду и обувь. К партизанам примкнули ранее созданные отряды, в некоторых селениях началась запись добровольцев [45, 23 сентября, 2, 3, 5, 7, 16, 18, 28 октября, 4, 18 ноября, 12 декабря]. Но содержание повстанчества в Минусинске, вероятно, было обременительно для окружающего населения. Оно не спешило с выполнением решения крестьянского съезда о хлебном самообложении и поставках скота [45, 14 ноября].

Начавшееся 24 ноября 1919 г. наступление партизан из Минусинска на енисейское левобережье сопровождалось не только их победами. Отступая под давлением Красной армии, белые под Ачинском увидели «пустые деревни с разбежавшимся по тайге населением», которое рассказывало о жестоком поведении партизан. Заняв селения вблизи Красноярска и сопровождая свои действия арестами и расстрелами жителей, они отбирали у них скот, лошадей, подводы и домашние вещи. С появлением повстанцев во всех местностях отмечался возросший уровень преступности [46, с. 54, 57; 47, 28 (15) декабря].

Но и сами крестьяне с изменением политической обстановки демонстрировали самые разные формы поведения. Пользуясь безвластием, они стремились обогатиться путем грабежа «казенного» и частного добра. Когда в конце 1919 г. на железных дорогах появилось множество брошенных отступавшими белыми вагонов с разнообразным имуществом, жители окрестных деревень, собираясь всем обществом, «опустошали» их. Как следует поживились они, участвуя в раздевании и ограблении пленных. Очевидец описывал обстановку зимой 1920 г. в окрестностях Красноярска так: «Особенно жуткая была картина, когда приходили офицерские обозы. Сейчас же их окружала толпа. Обыватели старались забрать лошадей, упряжь и сани. Так было с обозами, которые попадали в руки власти; те же, кто попадал в руки населения, – раздевались чуть не донага. Больные и раненые, по рассказу одного врача, были выброшены из подвод и лошади захватывались» [48, 7 марта].

В то же время крестьяне территорий к востоку от Красноярска, согласно воспоминаниям отступавших белых, жили патриархальной жизнью, привычным укладом, оставались религиозными, уважали начальство и даже все еще чтили самодержца. Настроенные «сочувственно» и даже «дружественно» к участникам похода, они оказывали им помощь, наделяя продовольствием и средствами передвижения [49, с. 36–37, 87, 100]. Потомки же лиц, переживших это отступление, рассказывали, что все селения Нахвальской, Погорельской, Сухобузимской, Частоостровской и Шилинской волостей Красноярского уезда были колчаковцами разграблены. При этом крестьянки выхаживали раненых и больных военнослужащих белой армии, которые потом остались здесь и служили в разных должностях [50, с. 15, 17–18].

Переход к советской власти енисейские крестьяне, проживавшие в ограниченном круге подобных себе людей и занятые привычными делами, восприняли по-разному: с равнодушием, радостным возбуждением, с тревогой и выжиданием. Деревня жила распускаемыми слухами...

Следовательно, как и повсюду в Сибири, крестьянство на Енисее в силу своих житейских и культурных традиций было индифферентным к политике, но зачастую легко поддавалось всяческой агитации и выступало, как казалось, в защиту собственных интересов. Его отношение не было постоянным и смиренным. Оно находилось в зависимости от политической, военной обстановки и человеческого фактора, то есть личностных

свойств представителей как внешних сил, так и самой деревни. В отличие от социально-политических настроений крестьян, которые зачастую не выражались в практических действиях, ответное реагирование так называемого и почти не подлежавшего учету «большинства» или меньшинства» деревенского населения на внешнее воздействие состояло из массовых и отдельных случаев их конкретного поведения. Но скорее всего крестьянство оказало существенное влияние на исход событий в Гражданской войне не столько своим бунтарским поведением, сколько бездеятельностью.

Список источников

1. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания Материалы. Документы. Птрг., 1923. 190 с.
2. Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1976. 477 с.
3. Гущин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука, 1978. 430 с.
4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.
5. Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово: Изд-во «Кузбассвуиздат», 2001. 352 с.
6. Гущин Н. Я., Жданов В. А. Критика буржуазных концепций истории советской сибирской деревни. Новосибирск : Наука, 1987. 295 с.
7. Мышанский А. А. Политические настроения крестьянства Сибири во второй половине 1918 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск : Омск. гос. аграрн. ун-т, 2000. С. 65–66.
8. Мышанский А. А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 109–136.
9. Кокоулин В. Г. Настроения крестьян сибирской деревни зимой–весной 1920 г. URL: <https://archivesiberia-journal.nso.ru/page/239?ysclid=m2mw52hw3r292403739>.
10. Перейра Норман Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М. : Ин-т росс. истории РАН, 1996. 196 с.
11. Воля Сибири (Красноярск). 1918.
12. Свободная Сибирь (Красноярск). 1918.
13. Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. 250 с.
14. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-64. Оп. 1. Д. 709.

15. Шекшеев А. П. Белый террор на Енисее // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 4 (46). С. 39–64.
16. Перевалов М. Таёжные партизаны. М. : Молодая гвардия, 1933. 71 с.
17. Труд (Красноярск). 1918.
18. Комарова Т. С. «Бегство в никуда...» // 1917 год в российской и мировой истории : Мат-лы междунаро. науч. конф. (Красноярск, 14–15 ноября 2007 г.). Красноярск : Изд-во «Красноярский писатель», 2007. С. 199–204.
19. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919.
20. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М. – Л. : ОГИЗ-СОЦЭКГИС, 1934. 295 с.
21. Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 17.
22. Дементьев А. П. Менталитет сибирского крестьянства как один из факторов развития политического процесса в ноябре 1917 – ноябре 1918 г. (по материалам Енисейской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Сер. «История». Т. 9. С. 82–87.
23. ГА КК. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2.
24. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 8.
25. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция: исторический журнал Истпарта. 1926. № 3 (50). С. 51–82.
26. Сибирские записки: литературный, научный и политический журнал (Красноярск). 1918. № 2–3.
27. Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. М. – Л. : Госиздат, 1926. С. 261–280.
28. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 762.
29. Попов Г. Н. Партизаны Заманья: Воспоминания политработника партизанской армии А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина. Красноярск : Кн. изд-во, 1974. 199 с.
30. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 15.
31. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 1. Д. 628.
32. Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л. : Госиздат, 1925. 313 с.
33. Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск : Кн. изд-во, 1988. 157 с.
34. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 531.
35. Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной: Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. 98 с.
36. Минусинский край (Минусинск). 1919.
37. Комарова Т. С. Гражданская война в Енисейской губернии. Воспоминания, мемуары. Красноярск : КАСС, 2021. 492 с.

38. Труд (Минусинск). 1919.
39. ГА КК. Ф. Р-1799. Оп. 1. Д. 1.
40. Сибирь в период гражданской войны: учеб. пособие. Кемерово: Кемер. облИУУ, 1995. 143 с.
41. ГА КК. Ф. П-64. Оп. 11. Д. 5.
42. Рагозин Т. И. Партизаны Степного Баджея (Записки участника). М. : Новая Москва, 1926. 208 с.
43. Годы огневые: сб. воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918–1920 гг.). Красноярск : Кн. изд-во, 1962. 407 с.
44. ГА КК. Ф. П-42. Оп. 10. Д. 101.
45. Соха и молот (Минусинск). 1919.
46. Серебренников И. И. Гражданская война в России: великий отход. М. : Ермак, 2003. 695 с.
47. Народный голос (Красноярск). 1919.
48. Красноярский рабочий (Красноярск). 1920.
49. Великий Сибирский Ледяной поход. М. : Центрополиграф, 2004. 717 с.
50. Вавиленко О. М. Летопись страданий и мужества. Красноярск : Луна-Река, 2020. 390 с.

ЧАСТЬ 3. СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

УДК 908

А. С. Батури́н, преподаватель

Филиал ФГБОУ ВО «Центральная музыкальная школа –

Академия исполнительского искусства» «Сибирский», Кемерово, Россия

Alex-910891@mail.ru

РАЗВИТИЕ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА КУЗБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье освещаются следующие аспекты развития автотранспорта в годы Великой Отечественной войны: количество автомобилей в сравнительном анализе; состояние и протяженность автодорог; создание первых автотранспортных предприятий; разработка новых государственных стандартов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, автомобильный транспорт, Кузбасс, автомобильные дороги, автотранспортные предприятия, государственный стандарт

Abstract. The article covers the following issues of the development of motor transport during the Great Patriotic War: the number of cars in a comparative analysis; condition and length of roads; creation of the first motor transport enterprises; development of new state standards.

Keywords: Great Patriotic War, road transport, Kuzbass, roads, motor transport enterprises, state standard

Автомобильный транспорт, появившийся на рубеже XIX–XX вв., в середине XX в. становится одним из основных средств перемещения людей и перевозки грузов. Впервые автомобиль отечественного производства выпустили в 1896 г., создали его П. А. Фрезе и Е. А. Яковлев, но на территории Кузбасса он появляется только с приходом советской власти.

В 1940-х гг. преимущество было у гужевого транспорта, так как советский автопром был на стадии формирования. Но все-таки шло динамическое увеличение числа автомобилей, особенно грузовых. Это было связано с перевозкой полезных ископаемых, где автомобили с большой грузоподъемностью были просто необходимы.

Главной задачей Кузбасса на тот момент времени являлась добыча угля и его транспортировка. Гужевого транспорт с этим плохо справлялся, так как лошади не могли увезти большое количество угля. Кемеровская

область, которая была выделена из Новосибирской в ходе Великой Отечественной войны, оказалась в числе динамично развивающихся регионов [1, с. 120]. Это можно проследить даже по тому, что Кузбасс, наравне с Донбассом, являлся ведущим угольным центром. Поддержание этой высокой планки развития невозможно без автомобильного транспорта, так как в угольной, химической или какой-либо другой промышленности нельзя обойтись без автомобилей как легковых и грузовых, так и специальных. В историографии данный вопрос практически не рассматривался.

В годы Великой Отечественной войны, как и следовало ожидать, значительно сократилось общее производство автомобилей. В 1942 г. оно снизилось почти в четыре раза. Особенно это отразилось на грузовом транспорте, чье количество снизилось так же, как и число автомобилей, в четыре раза.

Начиная с 1943 г. число автомобилей начало расти, но преимущественно это касалось грузовых, которых к 1945 г. стало 68 548 единиц (в два раза больше относительно 1942 г.) (табл. 1). Выпуск легкового транспорта в годы войны постоянно менялся, зачастую довольно кардинально. В период с 1943 по 1944 г. их число выросло почти в четыре раза (с 2 547 до 9 382 единиц), но при этом к 1945 г. упало почти в два раза (с 9 382 до 4 995). Это могло быть связано с ориентацией производства именно на выпуск грузового транспорта, так как его число в аналогичный период только возрастало. Что касается автобусов, то их количество с 1942 г. оставалось примерно на одном уровне (в пределах от 1 114 единиц в 1945 г. до 1 700 в 1944 г.) [2, с. 174].

Таблица 1

Динамика увеличения численности грузового автомобильного парка

Год	Количество автомобилей	Самая многочисленная модель	Общая грузоподъемность автомобилей
1943	33	ЗиС-5	1 200 т
1947	3 973	ЗиС-5	9 585 т
1951	12 099	ЗиС-5	Нет сведений
1952	12 717	ЗиС-5	37 645,3 т
1955	18 470	ЗиС-5	3 097,8 т
1957	22 551	ЗиС-5	74 108,2 т

Важную роль в организации управления автомобильным транспортом в регионе сыграло образование в 1943 г. Кемеровской области. Укрепление районов и городов в новом образовании стимулировало создание государственных управленческих отраслевых звеньев на местах. С первого же года существования области начинают формироваться и автотранспортные предприятия. Фундамент к этому был заложен автоколонной № 1237, существующей и по сей день в городе Кемерово. Затем подобная тенденция начинает распространяться и на другие города области: в 1945 г. образуются Анжеро-Судженское автотранспортное предприятие и Мариинская автоколонна № 2036, в 1949 г. – Юргинское автотранс-

портное предприятие. В областном центре практика открытия новых автопредприятий будет продолжена с начала 1950-х гг.: в 1951 г. – Кемеровская автоколонна 1962 и в 1963 г. – Кемеровское пассажирское автотранспортное предприятие (далее – ПАТП) [3]. Параллельно с этими событиями предприятия появляются и в небольших городах: 1951 г. открывается Осинниковское ПАТП, 1953 г. – Киселёвское ПАТП и 1956 г. – Междуреченское ПАТП. В г. Сталинске (ныне Новокузнецк) свое ПАТП будет открыто в 1957 г. [3].

За время войны дорожное хозяйство Кемеровской области пришло в неудовлетворительное состояние, так как ремонтных работ не проводилось и новых дорог не строили, а их эксплуатация продолжалась. Причины были понятны: проблем и так было достаточно. По некоторым из них автотранспорт не мог доехать до «глубинки» и привезти продовольствие. Такое встречалось в 1945 г. в Мариинском и Чебулинском районах. Серьёзную тревогу составляли дороги в Беловском, Яшкинском и Таштагольском районах, где строительством практически не занимались. Протяженность автомобильных дорог составляло порядка 10 000 км.

В 1945 г. был разработан новый ГОСТ «Знаки дорожные сигнальные», который разделил знаки на три типа: 1) предупреждающие (желтое поле, черная кайма и черное изображение) – перекресток, крутая кривая, железнодорожный переезд, прочие опасности; 2) запрещающие – проезд запрещен (с уточнением типа транспорта), ограничение скорости, запрет обгона и прочие; 3) указательные, обозначающие повороты и парковки. В этот же период вводятся единые регистрационные знаки – желтый фон, два черные буквы и четыре черные цифры.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны большинство автомобилей, пригнанных из Германии, считались контрибуцией. 9 июня 1945 г. было выпущено постановление Народного Комиссариата обороны № 9036 «О выдаче офицерам и генералам трофейного имущества» [4]. Данным постановлением в том числе регулировалась и выдача офицерам в личное пользование трофейных автомобилей.

Автомобили распределялись по некоторому ранжированию: самые роскошные автомобили были положены генералитету, на машину среднего класса могли претендовать старшие офицеры, а младший состав в лучшем случае мог рассчитывать на мотоцикл или малолитражную машину.

Уже к концу 1945 г. ситуация с распределением трофейных автомобилей осложнилась настолько, что претендовать на их получение мог только офицер старше майора.

Автор решил сравнить технические характеристики отечественного и зарубежного производства, которые имелись в Кемеровской области (табл. 2). Для анализа был взят американский автомобиль «Виллис», производившейся в 1941–1945 гг., и советского производства ГАЗ-67. Надо сказать, что по многим показателям отечественное авто было лучше – например, трансмиссия ГАЗа была четырёхступенчатая, в то время как у иномарки – всего трёх. То есть большую скорость могла развивать отече-

ственная машина, что было весомым показателем как во время войны, так и в мирное в случае форс-мажорных обстоятельств. Советский автомобиль также отличался более высокой грузоподъемностью – 450 кг против 250 кг у иностранного аналога. Примерно одинаковый был клиренс автомобилей – 220 мм у американского и 227 мм у отечественного. Однако американская модель имела свои достоинства – объем бака был 57 л, то есть на 17 л больше. Впрочем, и сейчас далеко не все легковые автомобили отечественного производства имеют такой большой объем бака. Как правило, он примерно и остался таким же.

Таблица 2

Технические характеристики отечественного и зарубежного автотранспорта

Параметр	«Виллис»	ГАЗ-67
Годы производства	1941–1945	1943–1953
Трансмиссия (ступени)	3	4
Грузоподъемность, кг	250	450
Клиренс, мм	220	227
Объем бака, л	57	40

Автомобильный транспорт наиболее актуален для перевозок на ближние расстояния и при благоприятных климатических условиях, в то время как железнодорожный наименее к этому приспособлен. Кроме того, автомобиль может позволить себе практически любой человек.

Немаловажную роль в послевоенном восстановлении автомобильного транспорта играли легковые автомобили. Закономерно, что по завершении боевых действий в государстве ощущалась острая нехватка автомобилей, поскольку изначально их производство было незначительным, и имелись иностранные образцы, доставленные по ленд-лизу в период войны. Капитальные ремонты не осуществлялись, поскольку не было ни финансовых ресурсов, ни технической возможности для их проведения. Проводился лишь текущий ремонт, когда транспортное средство было не в состоянии передвигаться самостоятельно.

Список источников

1. История Кузбасса. Ч. 3 / ред. А. П. Окладников. Кемерово : Кемеровское книжное издательство, 1970. 224 с.
2. Шугуров Л. М. Автомобили России и СССР. М. : ИЛБИ, Ч. 1, 1993. 256 с.
3. Текущий архив Государственного предприятия Кузбасса «Пассажиравтотранс». Автомобильному транспорту Кузбасса – 60 лет!
4. Постановление Государственного Комитета Обороны Союза Советских Социалистических Республик от 9 июня 1945 г. «О выдаче генералам и офицерам Красной армии трофейного имущества». 1945 г. № 9 036.

С. Т. Гайдин¹, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и политологии

Г. А. Бурмакина², кандидат исторических наук,
доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека

^{1,2} Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

¹ gaydinsergey@rambler.ru, ² burmakinagalina@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЛАНОВОЙ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли Плановой комиссии при Красноярском крайисполкоме и Уполномоченного Госплана СССР при СНК СССР в организации на территории Красноярского края хозяйственной деятельности, необходимой для фронта, тыла и гражданского населения страны.

Ключевые слова: Плановая комиссия при Красноярском крайисполкоме, Уполномоченный Госплана СССР при СНК СССР по Красноярскому краю и Иркутской области, прием и размещение эвакуированного оборудования, решения плановых органов

Abstract. The article is devoted to the identification of the role of the Planning Commission at the Krasnoyarsk Regional Executive Committee and the Commissioner of the USSR State Planning Committee at the USSR Council of People's Commissars in the organization of economic activities in the Krasnoyarsk region, necessary for the front, home front and civilian population of the country.

Keywords: Planning Commission under the Krasnoyarsk Krai Executive Committee, the Commissioner of the USSR State Planning Committee under the USSR Council of People's Commissars for the Krasnoyarsk Krai and Irkutsk Oblast, reception and placement of evacuated equipment, decisions of planning bodies

В 1930-е гг. в стране сложилась плановая модель управления развитием страны. Госплан СССР руководил скрытой от внешних взоров работой с плановыми комиссиями союзных, автономных республик, краев и областей страны, отраслевых наркоматов, которые выявляли ресурсы, составляли балансы, определяли порядок действий и уровни взаимодействия. В годы Великой Отечественной войны система планирования работала под контролем Государственного комитета обороны (ГКО).

Плановая комиссия крайисполкома, которую возглавлял Ф. Зыков, согласовывала работу с плановыми комиссиями наркоматов, предприятия которых работали в крае, с комиссиями Таймырского, Эвенкийского национальных округов и Хакасского автономного округа, сорока двух районов края. Она отвечала за обеспечение работы предприятий местного подчинения, колхозов, кооперативных объединений, снабжение населения края продуктами и товарами по нормам военного времени. В компетенцию краевой плановой комиссии входило решение проблем, связанных с проведе-

нием сезонных и круглогодичных сельскохозяйственных работ, завозом в северные районы техники, горюче-смазочных и строительных материалов. Решать эти задачи военного времени приходилось в условиях призыва в вооруженные силы страны в 1941–1945 гг. около 460 тыс. наиболее трудоспособных жителей края.

После начала военных действий численность краевой плановой комиссии была сокращена до предельно-функционального минимума. В ее составе остались сельскохозяйственный сектор, сектора промышленности, капитального строительства, транспорта и связи, товарооборота, культуры и, соответственно, сектор сводного планирования [1].

В связи с широким диапазоном ответственности краевой плановой комиссии, мы решили рассмотреть ее деятельность, связанную с заготовкой дикой пушнины, которая являлась экспортным ресурсом страны.

В условиях сокращения численности профессиональных охотников, сотрудники Плановой комиссии принимали меры по недопущению значительного уменьшения добычи северной пушнины. Это было очень сложно, так как за первые полгода военных действий в армию было призвано 1870 человек из 4 397 профессиональных охотников, работавших по договорам с краевой конторой «Заготживсырьё» [2]. Пришлось привлекать к охотничьему промыслу пожилых колхозников и подростков. Была введена категория «ученик охотника». Тем более что для добычи, акклиматизированной в крае в предвоенный период ондатры не требовалась высокой профессиональной квалификации. Во время летних каникул школьников привлекали к добыче сусликов и хомяков, шкурки которых использовались в производстве утепленной одежды и рукавиц для фронтовиков.

Неизбежное уменьшение добычи дикой пушнины в крае частично было компенсировано созданием в крае в годы Великой Отечественной войны 108 колхозных звероводческих ферм по разведению черно-бурых лисиц. К работе на зверофермах привлекали пожилых условно трудоспособных людей, вторых и третьих членов семей. Для повышения заинтересованности работников ферм в производстве клеточной пушнины им стали доплачивать 25 % от стоимости шкурок выращенных лисиц [3].

Для стимулирования работы охотников использовались методы морального и материального поощрения. О лучших охотниках писали в краевых, окружных и районных газетах. Между бригадами охотников устраивали соревнование с поощрением победителей. Охотников поощряли денежными премиями и дефицитными в условиях войны промышленными товарами.

При сдаче пушнины на 3 000 руб. охотник мог потратить на отоваривание 1 846 руб. 50 коп, на которые он мог купить: 300 кг муки; 21 кг крупы; 12 кг сахара; 4,5 кг жиров; 2,1 кг чая; 0,6 кг табака.

Статистические данные свидетельствуют, что за годы войны охотники края сумели добыть около 6 тыс. соболей, 11 689 красных лисиц, 40 540 колонков, 94 393 песцов, 134 100 горностаев, 172 581 зайцев, более 6 млн белок [4]. За 1942–1943 гг. удалось, по сравнению с предвоенным 1940 г.,

более чем в два раза увеличить вылов рыбы в водоемах Красноярского края. Это стало весомым вкладом в продовольственное обеспечение фронта и тыла в период, когда были утрачены многие сельскохозяйственные угодья в европейской части страны.

Тем более что охотники, работники звероферм и школьники внесли в фонд обороны 572 млн 200 тыс. руб., на строительство танковой колонны «Красноярский охотник» – 2 млн 839 тыс. руб., на восстановление районов, освобожденных от оккупации, – 1 млн 500 тыс. руб. [5].

В 1943 г. Плановая комиссия Красноярского края занималась выполнением Постановления СНК РСФСР от 20.04.1943 «О создании сырьевой базы для пищевой районной промышленности Наркомпищеторга РСФСР». В крае предстояло максимально использовать местные ресурсы для производства продовольствия, мыла, махорки и вина, для создания в 1944 г. районных пищекомбинатов [6].

В том же 1943 г. краевая плановая комиссия получила предписание наладить выпуск скипидара, живицы, дегтя, а также 2 500 телег, 6 000 саней, 40 000 пар лыж, 100 000 деревянных ложек, 20 000 ящиков спичек, других товаров, для фронта и тыла [7]. В условиях нехватки рабочих рук она принимала меры по вовлечению в производство инвалидов и в том числе инвалидов Великой Отечественной войны [8].

На территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны наряду с Плановой комиссией при крайисполкоме работал Уполномоченный Госплана СССР по Красноярскому краю и Иркутской области В. Е. Медников. В условиях реализации Постановления ГКО СССР № 99 11.07.1941 об эвакуации промышленных предприятий, он отвечал за прием и складирование оборудования эвакуированных предприятий, восстановление предприятий на новом месте или размещение их оборудования на действующих предприятиях, выстраивание отношений с отраслевыми наркоматами, обеспечение их рабочей силой и необходимыми ресурсами. В его подчинении был небольшой аппарат, в состав которого входил его заместитель А. Н. Попов, два инженера-контролера: А. Т. Зубкова и Е. И. Воробьева, а также секретарь-машинистка.

По официальной статистике в Красноярский край было эвакуировано оборудование более 30 промышленных предприятий, а в соседнюю Иркутскую область – оборудование 22 предприятий, 10 трестов и сырьевых баз [9].

Вопреки нашим ожиданиям, в материалах фонда Уполномоченного Госплана СССР по Красноярскому краю и Иркутской области мы обнаружили крайне ограниченное количество дел с небольшим документальным наполнением. Это, скорее всего, объяснялось режимом высочайшей секретности и требованием руководства Госплана СССР уничтожать документальные сведения, связанные с уже выполненными этапами работ. В частности, в материалах фонда есть информация об уничтожении сведений об эвакуированных в Красноярск заводах им. Куйбышева, Красный

Профинтерн, номерных предприятиях 39 и 447 НКАП, 327 НКЭП, 4 полукоксования, 97 НК угля, 546 НКВ и других.

Рассекреченный доклад Госплана СССР о восстановлении эвакуированных промышленных предприятий в конкретных населенных пунктах разных регионов страны по данным на 20 декабря 1941 г. свидетельствовал о том, что, несмотря на все невероятные усилия, процесс проведения восстановительных работ, начала производства военной техники и боеприпасов значительно отставал от утвержденного графика. Если бы эта информация оказалась в руках немецко-фашистского командования, то ее использование противником могло бы существенно ухудшить и без того очень сложную ситуацию на фронтах.

В докладе было отмечено, что в Красноярске из-за недопоставки оборудования и нехватки электричества не удалось ввести в эксплуатацию в установленные сроки Люберецкий завод «Коммунар». В силу вышеназванных причин завод не сумел выполнить предписание о начале производства с ноября 1941 г. 76-миллиметровых артиллерийских снарядов и не был готов к началу производства в первом квартале 1942 г. зерноуборочных комбайнов. В докладе говорилось, что одной из сложнейших проблем развертывания в Красноярске оборонного производства являлось отсутствие в городе необходимой энергетической базы [10].

Записи в журнале учета входящей и исходящей документации Уполномоченного Госплана СССР свидетельствуют, что основными его адресатами были председатель Госплана СССР А. А. Вознесенский и его заместитель Г. Н. Косяченко. В частности, в поступившей в конце 1942 г. от А. А. Вознесенского в телеграмме указывалось на наличие на железнодорожных станциях восточных районов страны большого количества невостребованного оборудования, кабелей и проводов, которых катастрофически не хватало на действующих и восстанавливаемых предприятиях. Уполномоченным Госплана на местах поручалось привлечь к выявлению и постановке на учет невостребованного оборудования и материалов начальников железных дорог и станций, начальников статистических управлений и председателей плановых комиссий предприятий. Они должны были зачислить оборудование и материалы в государственный резерв и передать их на хранение сбытовым конторам наркоматов-поставщиков или на склады промышленных предприятий соответствующего профиля.

Изученные нами материалы позволили предположить, что снабженцы фабрик и заводов в инициативном порядке производили обследование неучтенного оборудования и уже затем руководство предприятий обращалось в аппарат Уполномоченного Госплана СССР за разрешением забрать его для нужд производства. В частности, в апреле 1943 г. директор номерного завода 703 направил Уполномоченному Госплана запрос об изъятии со станции Красноярск листового свинца, который был нужен для производства химических мин [11].

В отчетах строительных организаций Уполномоченному Госплана СССР и, в частности, в представленном в феврале 1942 г. отчете Строи-

тельно-монтажного треста № 26, фигурировали подробные данные о характере и объемах выполненных работ, но в целях обеспечения секретности не были указаны оборонные предприятия, на которых производились эти работы [12].

Утрата части технологического оборудования при перевозке, нехватка рабочей силы не позволили сдать в эксплуатацию к 1 декабря 1943 г. строящийся Хлорный завод, на котором к указанному времени были построены основной корпус, корпус рассолов, наружный водопровод, рассолопровод, паропровод и склад баллонов. Но без питающей электростанции и железнодорожного тупика, на строительство которых не было выделено достаточного количества финансовых средств и рабочей силы, было невозможно запустить технологический процесс производства хлора [13].

Нехватка рабочей силы на оборонных предприятиях была одной из основных причин невыполнения планов строительства предприятий и ввода производств в эксплуатацию. Например, увеличение объема работ в 1943 г. на заводе № 4 им. К. Ворошилова Наркомата вооружений по сравнению с 1942 г., потребовало дополнительного привлечения более 3600 рабочих и доведения коллектива до 16 тыс. человек. Завод Красный Профинтерн направил Уполномоченному Госплана запрос на выделение ему в третьем квартале 1943 г. дополнительно 2 146 постоянных работников и более двухсот сезонных рабочих [14]. В конце 1943 г. руководство комбайнового завода просило Уполномоченного Госплана изыскать возможность привлечения дополнительной рабочей силы, необходимой для запланированного в 1944 г. выпуска комбайнов «Коммунар», производства молотилок и запасных частей к сельскохозяйственной технике [15].

В документах, хранящихся в фонде Уполномоченного Госплана СССР, мы не обнаружили данных о производстве вооружений и боеприпасов. Но отчет Красноярского машиностроительного завода свидетельствовал о том, что предприятие в 1942 г. выпустило для металлургических заводов Наркомата черной металлургии мостовые, разливные, монтажные краны и агломерационное оборудование для Кемеровского, Нижнетагильского, Челябинского, Орского и Губахинского коксохимических заводов, было изготовлено коксохимическое оборудование, для Нижнетагильского металлургического предприятия – доменное оборудование, для оборонного завода 702 – прокатное оборудование [16].

Среди данных, направляемых руководством оборонных предприятий в адрес уполномоченного Госплана, были сведения о соблюдении норм использования сырья, энергии, материалов и других компонентов, используемых в технологических процессах, характерных для каждого предприятия. Например, в отчете руководства завода № 4 им. К. Ворошилова Наркомата вооружений СССР за 1942 г. были приведены сведения о количестве печей, работавших на мазуте, балансе пара и электроэнергии, расходе топлива и электроэнергии по объектам и удельным нормам их расхода.

Важнейшим направлением работы Уполномоченного Госплана было не только обеспечение текущей работы оборонных предприятий, но и создание на них мобилизационного запаса металла и угля на случай перебоя в поставках. В конце августа 1943 г. мобилизационный запас на заводе 703 составил 300 т литейного чугуна и 100 т кокса. Однако в условиях строго лимитированных поставок сырья, топлива и материалов не все предприятия смогли создать мобилизационные запасы. Поэтому они вынуждены были обращаться в свои отраслевые наркоматы с просьбами о выделении дополнительных фондов стали и коксующегося угля [17].

По мере расширения объемов работы в аппарате Уполномоченного Госплана СССР по Красноярскому краю и Иркутской области пришлось увеличить число инженеров-контролеров, закрепленных за конкретными объектами оборонного характера. Весной 1943 г. по ходатайству В. Е. Медникова в состав аппарата был переведен В. П. Перепелкин, который в довоенный период возглавлял отдел транспорта и связи краевой плановой комиссии. Так как после ранения и ампутации ноги он находился на излечении в госпитале и ждал изготовления протеза, В. Е. Медников гарантировал начальнику Эвакуационного отдела Красноярска (РЭП-62) изготовление протеза для требуемого специалиста в Красноярской протезной мастерской. В том же 1943 г. на должность специалиста – контролера по сельскому хозяйству была назначена агроном Е. П. Кравченко, на должность старшего контролера – Г. И. Трухманов [18].

Аппарату Уполномоченного Госплана СССР, который имел более широкие полномочия по сравнению с Плановой комиссией при крайисполкоме, в военный период приходилось оказывать помощь крайевым органам управления в решении неотложных хозяйственных задач. В частности, из-за нехватки судов и барж, перебоев в поставках вагонов, они не могли во время уборочной кампании 1943 г. своевременно вывозить зерно, доставляемое колхозами на речные пристани.

Аппарат Уполномоченного Госплана провел согласование графиков движения с наркоматами водного и железнодорожного транспорта, взял на учет пригодные для перевозки грузов плавательные средства всех предприятий, расположенных на Енисее, создал временные бригады грузчиков из курсантов, дислоцированных в крае военных училищ, и выздоравливающих бойцов в госпиталях края. Принятые меры позволили не допустить потери уже заготовленного зерна и доставить его в центры хранения [19].

В архивных документах нет материалов по работе аппарата Уполномоченного Госплана СНК СССР в 1944 и 1945 гг. Но рассекреченные позже источники информации показали масштабы производства в крае вооружений, промышленного оборудования и транспортных средств.

Несмотря на нехватку финансовых средств и продовольствия жители Красноярского края ковали победу в тылу. На край, который до войны обеспечивал продуктами потребности своего населения, в период немецкой оккупации территорий европейской части, легла ответственность за обеспечение, вместе с другими восточными областями, продоволь-

ственных потребностей вооруженных сил и гражданского населения всей страны.

Охотники и звероводы Красноярского края внесли весомый вклад в поставки пушнины, которая в годы Великой Отечественной войны направлялась в США и Англию в счет поставок в СССР военной техники, материалов и продовольствия. В частности, Всесоюзное объединение по заготовкам и экспорту меховых изделий и пушнины «Союзпушнина» обеспечило стране более 26 % всей инвалютной выручки, что было эквивалентно стоимости производства почти пяти тысяч танков Т-34-85, необходимых для создания 6–7 танковых армий [20].

Восстановление эвакуированных в Красноярский край предприятий позволило за годы Великой Отечественной войны увеличить промышленное производство в семь раз [21]. Край не только внес весомый вклад в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками, но и создал промышленную базу для восстановления экономики и ускоренного развития производительных сил Сибири в последующий период.

Список источников

1. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 2. Л. 9.
2. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 449. Л. 282.
3. Посчитано по: ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 449. Л. 68.
4. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 449. Л. 282, 285, 351, 352, 354.
5. Лалетина Е. Труд во имя жизни. URL: // <https://gnkk.ru/articles/trud-vo-imya-zhizni>.
6. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 14. Л. 10.
7. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 14. Л. 20.
8. ГАКК. Ф. Р-1478. Оп. 3. Д. 116. Л. 2.
9. Предприятия, эвакуированные в Иркутскую область в годы Великой Отечественной войны (1941–1942). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/378833>.
10. Доклад Госплана СССР в СНК СССР «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам на 20 декабря 1941 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/264420-doklad-gosplana-sssr-v-snk-sssr-locale-nil-o-hode-vosstanovleniya-evakuirovannyh-predpriyatiy-po-narkomatam-na-20-dekabrya-1941-g-locale-nil-sovershenno-sekretno-30-dekabrya-1941-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>.
11. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
12. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.
13. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
14. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
15. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
16. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-4.
17. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 16. Л. 1, 2.
18. ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; ГАКК. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

19. ГАКК. Ф. Р–1805. Оп. 1. Д. 11. Л. 15, 18, 23.

20. Волынец А. Секреты внешней торговли СССР в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://profile.ru/history/sekrety-vneshnej-torgovli-sssr-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-141737/>.

21. ГАКК. Ф. Р–1478. Оп. 3. Д. 49. Л. 1.

А. С. Карелин, кандидат исторических наук
Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ask_culture@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПОРТИВНОГО ОБЩЕСТВА «ДИНАМО» В КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Спортивное общество «Динамо» являлось одним из старейших в СССР и имело ведомственную принадлежность к правоохранительным органам. Образувавшийся в Кемерово в годы Великой Отечественной войны областной Совет «Динамо» выполнял важные задачи по развитию физической культуры и спорта в Кемеровской области. Опираясь на материалы Р-875 Государственного архива Кузбасса, автор характеризует деятельность спортивного общества, дает представление о его структуре управления и выполняемых функциях в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства.

Ключевые слова: Динамо, спортивное общество, Кемеровская область, областной Совет, материально-техническая база, физкультурные кадры

Abstract. “Dynamo” sports society was one of the oldest in the USSR and had a departmental affiliation with law enforcement agencies. The Regional Council “Dynamo”, which was formed in Kemerovo during the Great Patriotic War, carried out important tasks for the development of physical culture and sports in the Kemerovo region. Based on the materials R-875 of the State Archive of Kuzbass the author characterizes the activities of the sports society, gives an idea of its management structure and functions in the post-war restoration of the national economy.

Keywords: Dynamo, sports association, Kemerovo region, Regional Council, material and technical basis, physical education staff

В марте 1943 г. на основании Постановления ЦС «Динамо» Министерства внутренних дел в связи с образованием Кемеровской области был создан Кемеровский областной Совет «Динамо» (далее – ОС «Динамо»). До 1964 г. он находился в ведении Кемеровского Управления министерства внутренних дел.

Основой для исследования его деятельности послужили материалы фонда Р-875 «Кемеровский областной Совет Всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо» Управления охраны общественного порядка исполнительного комитета Кемеровского областного Совета народных депутатов, 1943–1979 гг.». В качестве источников были использованы комплекс делопроизводственных документов (отчеты, переписки и др.), приказы, протоколы заседаний Президиума Совета и профсоюзных собраний, квартальные планы. Часть рассматриваемых документов публикуется впервые.

В послевоенный период Кемеровский ОС спортивного общества «Динамо» выполнял разнообразные функции. Среди них были руковод-

ство спортивной работой органов милиции, пожарных и войсковых частей системы Министерства охраны общественного порядка, руководство деятельностью и финансирование работы своих городских и районных Советов. Кроме того, до 1954 г. он занимался торговой и промышленной деятельностью по изготовлению спортивного инвентаря и одежды, а также отвечал за шефскую работу над учебными заведениями области.

Однако выполнение многочисленных задач в рассматриваемый период осложнялось слабостью материально-технической базы спортивного общества. Во второй половине 1940-х гг. при Кемеровском ОС «Динамо» и городских советах не имелось никаких спортивных сооружений. Поэтому в г. Кемерово приходилось арендовать стадион «Химик» и спортивный зал Спортивной школы молодежи, а в г. Сталинске – стадион «Металлург-Востока» [1, л. 88]. В свою очередь, спортивный клуб в г. Анжеро-Судженске оказался непригоден к эксплуатации и в последствии был продан в 1949 г. [2, л. 83].

Вместе с тем в конце 1948 г. Президиум ОС «Динамо» отмечал убыток, связанный с отсутствием сборов от матчей футбольной команды на необорудованных стадионах [2, л. 121]. В марте 1949 г. по решению Исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся деревянное здание тира «Динамо» в горсаду было принято использовать для культурных мероприятий. Новый тир планировалось организовать на территории в районе устья реки Искитим [2, л. 132]. Несмотря на это, были и некоторые успехи. Например, решением Исполкома Кемеровского городского совета депутатов трудящихся от 08.04.1947 № 127 спортивному обществу «Динамо» под строительство стрелково-охотничьего стенда отводился земельный участок площадью 0,75 га в Заискитимском участке города, вблизи водопроводной магистрали [3, л. 679].

Результатом слабости материально-технической базы к концу 1940-х гг. являлось отставание достигнутых результатов по оборонно-спортивной работе от требований, поставленных ЦК ВКП (б) перед физкультурным движением СССР. Следствием этого также были и низкие спортивно-технические результаты, отстававшие от уровня городских и областных рекордов [2, л. 49].

Президиум ОС «Динамо» в октябре 1950 г. поставил задачу по обеспечению спортивными товарами и инвентарем, а также мобилизации средств для поднятия оборонно-спортивной работы. Так, хозяйственно-финансовый план на 1951 г. был увеличен на 11 млн руб. (в 1949 г. он составлял 6 млн руб.). Кроме того, ОС «Динамо» обращался в Кемеровский областной Исполком депутатов трудящихся с просьбой о помощи в производстве необходимых спортивных товаров и инвентаря, а также в ЦС «Динамо» с целью выделения денежных средств на строительство нового стадиона в Кемерово [2, л. 15].

Одним из источников финансирования оборонно-спортивной работы ОС «Динамо» во второй половине 1940-х гг. являлся сбор членских взносов, за счет которых происходило ассигнование сметы расходов по обо-

ронно-спортивной работе. Серьезные проблемы со сбором взносов были в городах Сталинск, Прокопьевск, Осинники и Ленинск-Кузнецкий, а также в 2, 5 и 6 районных Советах. Однако, несмотря на попытки Президиума ОС в конце 1947 г. усилить контроль и упорядочить это направление работы [3, л. 389], до конца 1950-х гг. проблема неудовлетворительного сбора членских взносов сохранялась.

Неоднократно подчеркивалось, что основным источником средств ОС «Динамо» являлась прибыль от торговой деятельности [4, л. 23]. Эти доходы помогали финансировать деятельность спортивного общества. Однако в условиях отсутствия систематического контроля за сохранностью имевшегося товара в периферийных отделениях во второй половине 1940-х гг. в финансово-хозяйственной деятельности возникали задолженности [2, л. 147–148]. Президиум ОС «Динамо» требовал проведения финансовых ревизий не только в своих магазинах, но и во всей финансово-хозяйственной деятельности ОС [2, л. 6]. На территории Кемеровской области в шести городах имелись специализированные магазины «Динамо»: в Кемерово, Сталинске, Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком, Прокопьевске и Белово [4, л. 14–15].

Тем не менее, несмотря на принимавшиеся меры и выполнение планов товарооборота, торгово-экономический отдел все еще работал недостаточно эффективно. Он не обеспечивал потребности физкультурных организаций в Кемеровской области, а также плохо руководил периферийными магазинами, неравномерно снабжал их товарами [2, л. 28]. Например, в 1949 г. при подготовке к зимнему спортивному сезону торгующая организация «Динамо» не обеспечила продажу в магазинах необходимого комплекта зимнего спортивного инвентаря [2, л. 117]. Позднее это привело к тому, что в целях обеспечения динамовцев спортивной формой для участия в спартакиадах весной 1952 г. ОС «Динамо» категорически запретило продавать динамовскую форму другим спортивным обществам, школам и техникумам [5, л. 5].

В 1953 г. профсоюзное собрание Кемеровского ОС «Динамо» отмечало, что проблемы работы торгово-экономического и финансового отделов были связаны с низкой дисциплиной и плохим взаимопониманием работников. Кроме того, стоял вопрос о выделении отдельного помещения для учебно-спортивного отдела, так как все работники ОС занимали помещение с малой площадью [6, л. 3–4]. Можно сказать, что в начале 1950-х гг. проблемы ОС «Динамо» были связаны с плохой работой торгово-экономического отдела и недостаточным контролем с его стороны за сохранностью товара. Следует также отметить, что в каждом городском и районном Совете «Динамо» имелись охотничьи и рыболовные секции, организовывавшие коллективные выезды, для которых требовалось постоянное снабжение боеприпасами от торговой сети.

Соответственно, в первой половине 1950-х гг. по причине слабости материально-технической базы спортивного общества преимущественно проводились массовые соревнования и спартакиады среди коллективов

физической культуры. Кроме того, серьезной проблемой являлось отсутствие дополнительных ассигнований [7, л. 140]. Для развития стрелкового спорта, являвшегося одним из основных, не хватало стрелковых тиров.

Постройка тира в Кемерово планировалась в 1954 г. в проекте производственно-финансового плана ОС «Динамо» [4, л. 22]. Более того, об отсутствии тира и связанной с этим проблемой проведения стрелковых соревнований на отчетно-выборной конференции Кемеровского ОС «Динамо», проходившей 14 июня 1954 г., высказывался член Президиума ОС мастер спорта И. В. Голофаст. На этой конференции он также упоминал об отсутствии у спортивного общества на территории области городошных, волейбольных и баскетбольных площадок [8, л. 50].

В постановлении Президиума ОС «Динамо» от 23.11.1954 отмечалось, что на развитии лыжного спорта сказывалось отсутствие спортивной базы, а имевшиеся в распоряжении спортивных коллективов лыжи были низкого качества. Наряду с этим в городских советах Сталинска, Прокопьевска, Ленинска-Кузнецкого, Анжеро-Судженска, Белово и Осинников лыжный инвентарь полностью отсутствовал, из-за чего лыжный спорт там не культивировался [8, л. 10].

Одним из выходов для ОС «Динамо» являлось продолжение практики аренды спортивных баз других спортивных обществ. Так, на основе заключенного договора с ДСО «Трудовые резервы» в специально отведенное время динамовцам предоставлялась лыжная база с раздевалкой и горячей водой, с правом хранения там прыжковых и слаломных лыж [9, л. 14]. Осенью 1954 г. ситуацию немного улучшило решение Исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся предоставить Кемеровскому ОС «Динамо» земельный участок площадью 200 кв. м для строительства лыжной базы и стрелкового тира в районе Правой гавани [9, л. 47].

Дополнительные ассигнования ОС «Динамо» на поддержку материальной базы выделял ЦС «Динамо» [5, л. 36]. Кроме того, профессиональная деятельность некоторых членов спортивного общества могла выступать в качестве дополнительного ресурса. В 1954 г. ответственный секретарь Кемеровского ОС «Динамо» В. Д. Труфанов обращался к начальнику Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний майору М. Ф. Бирюкову с просьбой изготовить из лесоматериала коробку для игры в хоккей с шайбой [9, л. 61]. Тем не менее даже к концу 1950-х гг. тира, принадлежащего спортивному обществу, так и не появилось, но неплохая лыжная база была построена и эффективно использовалась.

К концу 1940-х гг. Кемеровский ОС «Динамо» состоял из 8 районных советов и двух городских обществ, объединявших 60 спортивных коллективов. Количество членов – 3 119 человек [1, л. 85]. Также ОС имел три подшефных школы (одну в г. Сталинске и две в г. Кемерово), где проводились занятия с коллективом «Юный динамовец». Для повышения компетенции физкультурных кадров проводилась политико-воспитательная работа, включая учебу в политшколах, а также ежегодное прохождение кур-

сов и сборов по линии областного Комитета по делам физической культуры и спорта. Проводились также семинары для инструкторов-общественников и судей, но в конце 1940-х гг. они имели незначительный охват участников [1, л. 2].

Недостатком работы ОС «Динамо» во второй половине 1940-х гг. – начале 1950-х гг. была текучесть работников. В конце 1940-х гг. работников ОС со стажем от 5 до 10 лет было всего 2 человека. Стаж остальных был еще меньше [1, л. 14]. В 1947 г. из четырех физкультурных кадров ОС трое не имели физкультурного образования [1, л. 70]. Однако уже к началу 1950 г. все четверо имели курсовое физкультурное образование [1, л. 3], а количество штатных работников ОС увеличилось с 42 до 47 человек [1, л. 2].

В первые послевоенные годы учет личных дел работников велся неорганизованно. Но уже в 1948 г. он был взят под контроль отделом кадров УМВД и наведен порядок с личными делами. Несмотря на это, план ЦС «Динамо» по подготовке общественных инструкторов и судей не выполнялся [1, л. 34]. В начале 1949 г. Президиум ОС «Динамо» признавал, что подготовка и переподготовка физкультурных кадров организована неудовлетворительно. Физкультурные организации недостаточно вели работу по сохранению и развитию сети спортивных сооружений, что сдерживало массовость спортивного движения в области [2, л. 105–106].

В 1951 г. количество работников областного Совета спортивного общества «Динамо», включая производственные предприятия, составляло уже 56 человек, из которых в основную и учебно-резервную номенклатуру ЦС «Динамо» входило 10 человек. Большинство этих работников все еще имели небольшой стаж работы (от 1 года до 5 лет). Кроме того, ни один из них не имел как высшего образования. Из четырех работников инструкторско-тренерского состава профильное образование было только у троих (один из них имел среднее и двое курсовое). Наконец, в отчете о проделанной работе по физкультурным кадрам отмечалось, что из числа руководящих кадров 5 человек не соответствовали занимаемой должности и требовали замены [7, л. 25–26].

В последующие два года количество кадров, входивших в основную и учебно-резервную номенклатуру, сократилось до 8 чел., из которых большинство по-прежнему имело стаж работы не более 5 лет. Кроме того, уровень образования инструкторско-тренерского состава не изменился (не более трех человек с профильным физкультурным образованием) [7, л. 41, 49]. Вместе с тем при сохранении молодого возраста штатных кадров основной и учебно-резервной номенклатуры (20–30 лет) сохранялась их текучесть. Так, в 1951 г. было уволено 4 чел., в 1952 г. – 3 чел., в 1953 г. – 4 чел. соответственно [7, л. 26, 41, 50].

До начала 1950-х гг. сохранялась проблема с учетом членства в спортивном обществе. Не велся карточный учет, были лишь неполные ведомости по сбору членских взносов. Лишь в конце 1950-х гг. аппаратом ОС были приняты меры по наведению порядка в учете членов. Было реше-

но завести на каждого динамовца учетную карточку, по которой можно было бы отслеживать активность его работы в спортивном обществе [10, л. 176].

Вместе с тем председатели городских и районных Советов, в большинстве являвшиеся начальниками тех или иных подразделений органов охраны правопорядка, не могли полностью посвятить себя проблемам развития спорта в подотчетных им территориях, что не позволяло создавать благоприятные условия для занятий их личного состава в спортивных секциях. Это также осложнялось тем, что работники аппарата ОС «Динамо» редко выезжали в городские Советы с целью оказания практической помощи, поэтому не знали положения дел в коллективах физической культуры на местах.

Однако, несмотря на имевшиеся проблемы, к концу 1950-х гг. в ОС «Динамо» входили 8 районных и 10 городских советов, два самостоятельных коллектива и три коллектива «Юный динамовец». Президиум ОС «Динамо» состоял из 11 человек. С 1957 по 1959 г. были созданы новые спортивные коллективы в Гурьевске, Юрге и Мысках, а также коллектив «Юный динамовец» при Баимской детской колонии [10, л. 164]. Для популяризации физической культуры и спорта использовались газеты «На боевом посту» и «На страже».

Текущей деятельностью ОС спортивного общества «Динамо» являлись контроль за подготовкой календарных планов соревнований, разработкой положений об областных динамовских соревнованиях, контроль над городским и районными советами по разработке планов спортивно-массовых мероприятий, а также организация семинаров по подготовке инструкторов-общественников. Внимание уделялось массовому привлечению динамовцев к участию в областных спартакиадах, а также заочных Всесоюзных соревнованиях. Наконец, спортивное общество принимало большие усилия по массовому привлечению сотрудников МВД и МГБ/КГБ и членов их семей к систематическим занятиям в секциях по видам спорта и участию в физкультурно-оздоровительных мероприятиях.

Подготовка к спартакиадам среди городских и районных Советов проводилась при взаимодействии как с партийными и комсомольскими организациями, так и с управлениями МВД и МГБ/КГБ. Наконец, для улучшения спортивно-технических результатов участников соревнований, а также совершенствования учебно-спортивной работы Президиумом ОС «Динамо» было решено использовать методы социалистического соревнования у низовых коллективов физической культуры [11, л. 5].

Важным направлением работы являлось проведение оборонно-спортивной работы, включавшей подготовку разрядников и значкистов ГТО и БГТО. Несмотря на невысокие показатели работы во второй половине 1940-х гг., в 1950 г. большинство городских и районных Советов досрочно выполнили годовое задание по подготовке значкистов ГТО [11, л. 4]. Но в середине 1950-х гг. отмечался заметный спад в подготовке значкистов, связанный с неорганизованной подготовкой мест для сдачи норм

ГТО и со слабой популяризацией комплекса в отдельных Советах [5, л. 11]. Однако к концу 1950-х гг. ОС спортивного общества «Динамо» добился превышения плановых количественных показателей как в подготовке значкистов ГТО, так и спортсменов-разрядников [12, л. 116].

В деятельности по созданию спортивных секций и организации их работы задачи по поиску средств для приобретения спортивного инвентаря как правило ложилась на председателей городских и районных Советов на местах. Так, помимо обеспечения плана работы секций, ОС «Динамо» требовал от руководителей обеспечить занимающихся необходимым инвентарем. Особенно это касалось команд по хоккею с шайбой и хоккею с мячом.

При этом несмотря на слабость материально-технической базы спортсмены-динамовцы совершали ежедневные подвиги. Сочетая непростую и ненормированную работу по охране правопорядка, они находили время посещать секции. Тренируясь в сложных условиях, они добывали победы, укрепляли характер и силу воли. Так, футбольная команда «Динамо» в 1950–1956 гг. занимала ведущее место в Кемеровской области [10, л. 174], а в 1955 г. выиграла Кубок г. Кемерово и завоевала звание Чемпиона Кузбасса [5, л. 80]. В 1955 г. динамовцы выиграли Кубок области по хоккею с шайбой [12, л. 115]. В велоспорте В. Яненко неоднократно становился чемпионом города и области [7, л. 144].

Таким образом, в послевоенный период, выполняя разнообразные функции, потенциальные возможности ОС спортивного общества «Динамо» сдерживались слабостью материально-технической базы. Наряду с этим была плохо организована работа торгово-экономического отдела и отсутствовал должный контроль над сбором членских взносов, что значительно сокращало финансирование направлений работы ОС. Вместе с тем текучесть кадров и необходимость повышения их квалификации в конце 1940-х – начале 1950-х гг. затрудняли выполнение поставленных перед ОС «Динамо» задач.

Однако ОС «Динамо» удавалось выполнять планы по подготовке значкистов ГТО и разрядников, а также наладить работу спортивных секций (к 1960 г. в спортивном обществе культивировалось около 20 видов спорта). Особенно успешно в этот период были развиты футбол, велоспорт, легкая атлетика. Большое внимание уделялось массовому охвату динамовцев спортивными соревнованиями в первую очередь по лыжному спорту, стрельбе, самбо и спортивным играм. К концу 1950-х гг. заметно увеличилось количество соревнований и охват участников среди низовых коллективов физической культуры. Наконец, занятия физической культурой и спортом для членов спортивного общества «Динамо» являлись важной составляющей профессиональной деятельности большинства его членов. И вместе с тем в период послевоенного восстановления страны было важно совершенствоваться физически и духовно, чтобы приносить пользу своей Родине.

Список источников

1. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 6: Отчеты Совета о работе с кадрами за 1947, 1949, 1950 гг. 149 л.
2. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 4: Протоколы заседания президиума Совета. 201 л.
3. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 3: Судейские протоколы и заявки областного, городских и районных Советов. 919 л.
4. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 22: Проект профинплана Совета на 1954 г. 51 л.
5. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 15: Протоколы заседаний Президиума Совета (6 января 1952 – 29 ноября 1955). 188 л.
6. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 16: Протоколы профсоюзных собраний Совета. 33 л.
7. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 21: Протоколы соревнований, посвященных Дню Советской армии и Военно-морского флота, низовых коллективов и годовые отчеты городских и районных советов. 218 л.
8. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 27: Протоколы заседаний и квартальные планы работы Президиума Совета «Динамо» на 1954 г. 452 л.
9. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 25: Приказы Совета и переписка с низовыми организациями по спортивной работе. 227 л.
10. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 40: Протоколы и планы заседаний Президиумов областного, городского и районных Советов III Областной конференции общества «Динамо». 524 л.
11. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 12: Протоколы заседаний Президиума Совета. 1951 г. 38 л.
12. Фонд Р-875. Оп. 1. Д. 39: Протоколы II отчетно-выборной конференции, заседаний Президиума Совета и списки делегатов конференции. 29 мая – 21 июня 1957 г. 361 л.

Д. В. Корнев¹, доцент кафедры РЛС и АСУ

В. С. Иванов², доцент кафедры ОВП

^{1,2} Военный учебный центр при Национальном

исследовательском университете «МИЭТ», Москва, Зеленоград, Россия

vk@miee.ru

СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Великая Отечественная война (1941–1945) стала одним из самых значительных и трагических событий в истории СССР. Советские Вооруженные силы сыграли ключевую роль в борьбе с нацистской Германией и её союзниками. В данной статье мы рассмотрим организацию, структуру и основные этапы развития советских вооруженных сил в годы войны, а также их трансформацию в послевоенный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вооруженные силы, развитие, период

Abstract. The Great Patriotic War (1941–1945) became one of the most significant and tragic events in the history of the USSR. The Soviet Armed Forces (SAF) played a key role in the fight against Nazi Germany and its allies. In this article, we will consider the organization, structure and main stages of the development of the Soviet armed forces during the war, as well as their transformation in the post-war period.

Keywords: The Great Patriotic War, the Armed Forces, development, period

Организация и структура советских Вооруженных сил в годы войны. На момент начала Великой Отечественной войны СССР имел мощную армию, однако она столкнулась с серьезными проблемами в первые месяцы конфликта. Множество факторов, включая недостаточную подготовленность, ошибки командования и шок от внезапного нападения, привели к тяжелым потерям. В результате началась масштабная реорганизация и мобилизация ресурсов.

1. Мобилизация и численность. В 1941–1942 гг. произошло массовое призывное движение, что позволило увеличить численность армии до 12 млн человек к концу войны. Призыв охватывал не только мужчин, но и женщин, которые попадали в медицинские и технические службы.

2. Формирование новых соединений. В ходе войны были созданы новые армии, фронты и специальные формирования, такие как партизанские отряды. Это позволило более эффективно организовать сопротивление против врага.

3. Тактика и стратегия. Сначала советские войска использовали традиционные методы ведения боя, но со временем адаптировались к новым условиям. Ключевыми моментами стали операции по окружению против-

ника (например, под Сталинградом), которые продемонстрировали успешную стратегию глубокой обороны и контрнаступления.

Ключевые битвы и операции. В годы войны советские Вооруженные силы провели множество значительных операций:

– Битва за Москву (1941): оборона столицы стала символом сопротивления. Успешное контрнаступление в декабре 1941 г. остановило немецкое наступление;

– Сталинградская битва (1942–1943): одна из самых кровопролитных в истории. Победа советских войск стала поворотным моментом в войне;

– Курская битва (1943): самая крупная танковая битва в истории, которая завершилась стратегической инициативой советских войск;

– Берлинская операция (1945): завершающий аккорд войны в Европе, который привел к падению нацистского режима.

Послевоенный период. После окончания войны советские Вооруженные силы столкнулись с новыми вызовами. Страна нуждалась в восстановлении, и армия играла важную роль в этом процессе.

1. Демобилизация и сокращение. В 1945–1946 гг. началась демобилизация. Однако, по сравнению с другими странами, СССР сохранил значительное количество войск для обеспечения безопасности и влияния на международной арене.

2. Реформа и модернизация. Армия претерпела изменения в структуре и организации. Началась модернизация вооружений, акцент был сделан на создании ядерного арсенала, что определило военно-политическую стратегию страны на многие десятилетия вперед.

3. Холодная война. С началом холодной войны Вооруженные силы стали основным инструментом внешней политики СССР. Военное противостояние с Западом привело к увеличению военных расходов и развитию новых технологий.

Заключение. Советские Вооруженные силы в годы Великой Отечественной войны продемонстрировали невероятную стойкость и мужество, что позволило стране одержать победу над нацистской Германией. Послевоенный период стал временем трансформации и адаптации армии к новым условиям международной политики. Влияние этих событий ощущается и сегодня, формируя военно-политическую ситуацию в мире.

Список источников

1. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1999.
2. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1999.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза : в 6 т. Т. 2. М., 1960–1965. С. 388–476.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза : в 6 т. Т. 3. М., 1960–1965.

5. История Великой Отечественной войны Советского Союза : в 6 т.
Т. 4. М., 1960–1965. С. 457–510.

Р. В. Павлюкевич

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКИХ АНЕКДОТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

Аннотация. В работе анализируются советские анекдоты, возникшие в период Великой Отечественной войны, а точнее образ противника в лице Германии и ее союзников в рассматриваемое время. Отмечаются наиболее распространенные сюжеты и темы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, советские анекдоты, окопный юмор, образ врага, Германия, Италия*

Abstract. The paper analyses Soviet anecdotes that emerged during the Great Patriotic War, and more precisely the image of the enemy in the person of Germany and its allies at the time in question. The most widespread plots and themes are noted.

Keywords: *Great Patriotic War, Soviet jokes, trench humour, enemy image, Germany, Italy*

Великая Отечественная война стала страшным испытанием для всего Советского народа и его вооруженных сил. Она обошлась нашему народу крайне дорогой ценой и многие из ее последствий продолжают ощущаться и сегодня. Но наш народ всегда пытался облегчить тяжелые испытания и времена улыбкой и шуткой. Снизить то напряжение, которое на нем лежало. Смех, юмор был возможностью возвыситься над ситуацией, взглянуть с оптимизмом в завтрашний день. Шутка, насмешка над врагом воспринимались как еще один шаг к долгожданной победе. В Отечественную войну 1812 г., русско-турецкие войны, в Первую мировую войну русские солдаты и офицеры придумывали шутки и остроты, не исключением стала и Великая Отечественная война. С первых дней ее начала в окопах и тылу Красной армии создавались, придумывались анекдоты, шутки и остроты. Так, с 1941 по 1945 г. в политуправлении западного фронта издавался журнал «Фронтовой юмор». Издатели посчитали, что юмор может стать полноправным оружием борьбы, и такой журнал был призван острым словом и разящим рисунком помогать воинам истреблять гитлеровских оккупантов. В журнале активно использовалось творчество бойцов, командиров и политработников. Считалось, что журнал должен поднимать боевой дух, вселять жизнерадостность, смелость и уверенность в победе над фашистскими варварами. Он был заполнен фельетонами, частушками, пословицами и карикатурами. Появлялись и шутки, и анекдоты самобытные, не связанные со специальными органами пропаганды. Данная статья —

попытка сделать обзор военного юмора о враге и определить основные темы, характерные для него.

Первым из сюжетов, которые можно выделить из дискурса советского фронтового анекдота, выступают сюжеты, в которых центральным героем выступал А. Гитлер. Впрочем, это неудивительно, именно он в умах миллионов советских солдат и офицеров воплощал в себе фигуру врага, с которым шла жестокая и беспощадная война. В этих анекдотах Гитлер рисуется чрезмерно самоуверенным и недалеким типом, не понимающим реалий окружающего мира, переоценивающим как себя, так и вооруженные силы Германии.

«Приезжает в немецкий город на телеге мужик, сдавать масло. Его принимает чиновник. Герр внимательно рассматривает незнакомые предметы и видит перед собой глобус с политической картой мира. Спрашивает: “А что это такое?” – “Это весь земной шар”. Бюргер начинает рассматривать страны, с которыми Германия ведет войну. Меряет пальцами Америку, затем СССР и спрашивает у чиновника, где Германия. Тот показывает ему на нее. Герр в недоумении: “Такая маленькая!!!”. И шепчет на ухо чиновнику: “Послушай, а фюрер в курсе об этом?”». [1, с. 102–103].

Чем ближе приближалась победа, тем больше во фронтовом юморе звучала насмешка над «усатым тараканом». Гитлер в более поздних сюжетах показывается загнанным, испуганным, теряющим общественную поддержку, а немецкий народ разочарованным и обманутым им.

«Едет Гитлер по Берлину, а его никто не приветствует. Он обижен, раздражен. Вдруг видит: посреди площади солдат стоит и держит руку в нацистском приветствии. Гитлер обрадованный спрашивает его откуда тот, тот отвечает с Восточного фронта. Тот ему: “Вот тебе орден за то, что показываешь нам такое отношение”. Солдат отвечает: “Нет, это я тебе показываю уровень дерьма, в которое ты нас загнал”». [2, с. 857].

«”По-моему, Гитлер до сих пор верит в победу Германии”. – “Тихо! Услышит гестаовец, и тебе достанется, что считаешь фюрера таким дураком”» [3].

Вообще интересно отметить, что во фронтовых анекдотах, особенно более позднего периода, нет ярко выраженного негатива к немецкому народу как таковому. Он рисуется жертвой, обманутой своим руководством.

«Гитлер к солдату восточного фронта: “Герой! Если советская бомба будет падать прямо тебе на голову, чего бы ты желал в этот момент?” Солдат: “Чтобы вы стояли рядом со мной”» [2, с. 858].

Если же отойти от сюжетов, непосредственно связанных с А. Гитлером или другими представителями высшего командования Германии, и перейти к фронтовому юмору о немце-враге (собирательном образе), то один из главных сюжетов – неверие немецких солдат в победу, вопреки всей той риторике, что их окружала.

«“Отто, как ты думаешь, мы когда-нибудь будем в Москве?” – “Мне кажется мы никогда более не побываем и в Берлине”» [4].

«Человека, сказавшего, что Германия проигрывает войну, расстреляли за разглашение военной тайны» [5].

Находят свое отражение в солдатском юморе как многочисленные успехи Красной армии на фронтах войны, так и неудачи противника, первой из которых становится провал бравурной идеи врага о «Блицкриге». Наличие подобных анекдотов подтверждает и общеизвестность этого факта среди армии. Впрочем, анекдоты сочинялись часто и высшим командованием, часть, вполне возможно, могла прийти и оттуда.

«Простояв целый день в очереди за хлебом, берлинец замечает, что это была молниеносная выдача».

«Гестапо арестовала немца пожелавшего заболевшему фюреру молниеносного выздоровления» [2, с. 865].

Все чаще в сюжетах советских анекдотов звучали сюжеты превосходства, удали советских воинов и оружия, неспособности немецкого солдата им противостоять. Целые роты и полки вермахта бесследно исчезают на просторах России.

«Слабеет зрение – шел в атаку с целым полком, а возвращаюсь – не вижу ни одного солдата».

«“Много немцев осталось в деревне?” – “Целое кладбище”».

«Единичные потери: лейтенант потерял руку, капитан – ногу, полковник – голову, а генерал – дивизию» [2, с. 867].

Закономерным в условиях войны становится появление сюжетов, повествующих о бегстве врага, его сдаче в плен. В этих сюжетах данные поступки показываются как наиболее мудрый и взвешенный план, а многие из немецких солдат радуются возможности попасть в плен или удачно сбежать с фронта.

«Немецкий офицер в разговоре с добровольцем спрашивает, какие высокие побуждения заставили его вступить в армию. – “Видите ли, если бы я отказался быть добровольцем, то меня бы расстреляли, а так есть надежда попасть в плен”».

«В последнем бою никто не отступил, все сдались в плен русским».

«Везет Гансу, он на Кавказском фронте, с горы бежать всегда легче».

На последнем этапе Великой Отечественной войны, когда дела Германии пошли совсем плохо, и в надежде хоть на что-то началась мобилизация всех подряд, появляются анекдоты и о фольксштурме.

«Присланные на фронт слепые и хромые солдаты самые надёжные – они не побегут от неприятеля».

«“Почему эти солдаты не кричат “Хайль Гитлер?” – “Потому, что это сводный полк глухонемых”» [4].

Германия и немцы были главным, но не единственным врагом Красной армии в годы Великой Отечественной войны. Советский солдат бил и ее многочисленные союзников: итальянцев, румын, финнов и венгров. Не обошла и их участь стать героями советского фронтового юмора. Пер-

выми из них в сюжетах появляются итальянцы, следует заметить, что их образ стал относительно интернациональным. Как и в юморе наших союзников, и даже в шутках самих немцев, итальянские войска рисуются слабыми, бесполезными союзниками вермахта, чья польза спорна, а вред бесспорен.

«Для защиты итальянцев немцам нужно больше дивизий, чем для гипотетического нападения на них».

«Танки итальянцев имеют три скорости: одну вперед и две назад».

Столь же насмешливо отражены в советском фронтовом анекдоте и румыны с венграми. Они трусливы, вороваты, для них это чужая война, им совершенно ненужная, а поэтому они скорее хотят сбежать или сдаться советским войскам, чем продолжать эту войну.

«У румын команда по борьбе с дезертирством сбежала с фронта в полном составе».

«Румынские солдаты не встречаются с красноармейцами, потому что бегут от них».

«“Румыны наступают, венгры дерутся с остервенением!” – “Потеснили русских?” – “Нет, спорят о том, кто первым капитулирует”».

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны в тылу и на фронте было сочинено огромное количество анекдотов. Для советских людей юмор стал оружием, при помощи которого они приближали победу. Многие из этих сюжетов были универсальными и встречались позже в других войнах нашего государства. Часть сюжетов, упомянутых в рамках статьи, сегодня возродились в иных формах в рамках Специальной военной операции.

Список источников

1. Черненко М. Чужие и свои: Документальная повесть. М., 2001.
2. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М. : Новое литературное обозрение, 2014.
3. Фронт смеется (библиотека крокодила). М., 1945. № 1.
4. Фронтной Юмор (Библиотека красноармейца). М., 1942.
5. Перекур (Сборник фронтового юмора). Главное Политическое управление Красной армии, 1944.

Н. Н. Перетяцько, военнослужащий
Войсковая часть 25353-д, Москва, Россия
mrnicr1@gmail.com

УЧАСТИЕ 374-й СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БЛОКИРОВАНИИ КУРЛЯНДСКОЙ ГРУППИРОВКИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК (ЯНВАРЬ – МАРТ 1945 ГОДА)

Аннотация. В статье рассмотрено участие 374-й стрелковой дивизии в блокировании группировки Вермахта в Курляндии. Подробно описаны локальные бои отдельных частей дивизии с окруженными немецкими войсками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Прибалтийские фронты, Курляндский котел, 374-я стрелковая дивизия

Abstract. The article examines the participation of the 374th infantry division in blocking the Wehrmacht grouping in Courland. The local battles of individual units of the division with surrounded German troops are described in detail.

Keywords: The Great Patriotic War, the Baltic fronts, the Kurland pocket, the 374th Infantry Division

В октябре 1944 г. группировка Вермахта, действовавшая в Прибалтике, была отрезана от основных сил и прижата к морю на северо-западе Латвии, был образован так называемый Курляндский котел. Несмотря на то, что немецкая группировка не имела сухопутного сообщения с остальными частями Вермахта, войска стабильно снабжались по морю, что позволяло на протяжении долгого времени вести оборону против советских войск. Командование красной армии, в свою очередь, не спешило отдавать приказ о ликвидации «котла», сосредоточив силы для наступления вглубь Германии, оставив небольшую группировку РККА для сдерживания блокированных немецких подразделений. В боях в районе Курляндского котла принимала участие в том числе и 374-я стрелковая дивизия, сформированная в Красноярске.

23 января дивизия снова вошла в состав 119-го стрелкового корпуса, совершив марш сначала в район Спригаулу – Рипелес – Одерес, в готовности к наступательным действиям, в последующем 28 января 1945 г. одним полком заняла оборону на рубеже: Мазчанкас, Лэны, Лансас, а остальными силами сосредоточилась в районе Добе, где проводила занятия с личным составом.

30 января 1945 г. 1242-й стрелковый полк был снят с обороны и сосредоточился в районе Мазблусас.

В районе Добе дивизия находилась до 14 февраля, ведя разведку боем на отдельных участках в полосе корпуса.

6 февраля 1945 г. была произведена разведка боем в районе северо-западнее Гарлауки.

Оборона противника на рубеже северо-западнее Гарлауки состояла из прерывчатых траншей полного профиля с оборудованным открытыми площадками.

Первая траншея проходила по опушке леса, а вторая – в глубине на 70–100 м от первой траншеи. Обе линии траншей соединялись между собой ходами сообщения. В 15–20 м от первой траншеи имелись жилые землянки для личного состава.

1242-му стрелковому полку была поставлена задача боем выявить огневую систему противника, захватить контрольных пленных и выявить группировку противника, которая была совершенно не известна соединению, находившемуся в обороне [1].

В период со 2 по 6 февраля 1945 г. проводились тренировочные занятия на местности, соответствующей той, на которой необходимо было взять пленных.

Одно занятие было проведено с привлечением всех огневых средств, которые должны были поддерживать действие разведки. 6 февраля в 8:00 батальон занял исходное положение в 70–80 м от переднего края обороны противника на фронте до 400 м.

В 10:27 был произведен трехминутный артминалет и массированный пулеметный и автоматный налет по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника.

Противник, прижатый к земле нашим неожиданным огневым налетом, вел беспорядочный незначительный пулеметный и автоматный огонь.

Стрелковые роты, следуя за разрывами своих снарядов, стремительным броском атаковали намеченные объекты и в течение 5–7 минут уничтожили до 50 солдат и офицеров противника и захватили 6 пленных.

В результате хорошо организованного взаимодействия батальона со средствами усиления, батальон имел незначительные потери – 1 человек был убит до начала действия и 5 человек – легко ранены во время действия [2].

До 13 февраля дивизия проводила занятия с личным составом в районе Добе.

13 февраля 1945 г. в оперативное подчинение дивизии прибыл Армейский учебный батальон, 14 февраля был принят участок обороны на рубеже: Путну – Лиды – Катыни и началась усиленная подготовка к активным действиям.

15 февраля 1945 г. дивизия получила задачу – прорвать оборону противника на рубеже: Вецирный – Сикмани и выйти на рубеж: Паучас, Путнукрогс, Бриланды и обеспечить ввод в бой мехбригады.

Противник на рубеже: Вэцирпьи, Сикмани оборонялся 531-м охранным батальоном и подразделениями 44-го пехотного полка 19-й легкой пехотной дивизии СС. В глубине обороны находились подразделения 660-го танко-истребительного дивизиона, 174-го пехотного полка 181-й

пехотной дивизии, 868-й охранный батальон, 552-го пехотного полка 329-й пехотной дивизии и 25-й мотополк 12-й танковой дивизии. Подразделения, находящиеся в глубине, были введены в бой в последующие дни [3].

Оборона противника представляла собой: прерывчатые траншеи, с оборудованным открытыми пулеплощадками. В населенных пунктах Вециирньи, Сикмини, Яунцивпьи, Дути, Типуту, Руссас, Ваджи, Намцьи, Мариньмуйжа. Постройки были переоборудованы под ДЗОТы и огневые точки.

Перед передним краем имелись проволочные заграждения и спираль Бруно. Отдельные участки дорог были заминированы противотанковыми и противопехотными препятствиями.

16 февраля 1945 г. дивизия перешла в наступление, имея в первой линии учебный армейский батальон и во второй линии два стрелковых полка. Один стрелковый полк находился в резерве.

После 2 часов 20 минут работы артиллерии учебный батальон атаковал гарнизон противника в районах: Вециирньи, Сикмини, пленил 30 солдат и 3 офицеров и преодолевая сопротивление противника, продолжал стремительное наступление вперед. В районах Яунцивпьи и Дути уничтожил гарнизоны противника, пленил еще более 30 солдат и к исходу дня вывел на рубеж шоссейной дороги Линкули, Намцьи.

1246-й и 1244-й стрелковые полки следовали на флангах учебного батальона, были развернуты на рубеже: шоссейной дороги и, отражая контратаки противника, начали наступление на Ваджи, Пампьи, Мариньмуйжа.

Подтянутый к переднему краю батальон соседней дивизии на автомашинах, с танками танковой бригады в прорыв не вошел, начал топтаться на рубеже шоссейной дороги, но пал под губительный огонь противника и, понеся потери, не ввязываясь в бой, был повернут в обратном направлении.

В течение 17 и 18 февраля 1945 г. части дивизии продолжали наступление, преодолевая значительное возросшее сопротивление противника и отражая его контратаки на направлении: Ваджи, Пампьи и отм. 71,0. В течение двух дней было отражено свыше 12 контратак силою от взвода до роты при поддержке от 4-8 единиц танков и самоходных установок [4].

19 февраля 1945 г. части дивизии, сведенные в один полк, вследствие значительных потерь, продолжали наступление и овладели восточной окраиной Мариньмуйжа и вели бой за Фердинандмуйжа.

Не имея возможности преодолеть ожесточенное сопротивление противника и его беспрерывные мощные контратаки, наши части продолжали вести огневой бой на рубеже южнее Фердинандмуйжа, восточной окраине Мариньмуйжа и закреплялись на достигнутых рубежах. 23 февраля 1945 г. дивизия была выведена во вторую линию, где приводила себя в порядок и подготавливала рубеж обороны.

В ночь на 3 марта 1945 г. была произведена частная боевая операция в районе Фердинандмуйжа, отм. 57,0.

В ночь на 26 февраля 1945 г. дивизия приняла оборону от 201-й стрелковой дивизии, 37-й стрелковой дивизии и одного полка 21-й гвардейской стрелковой дивизии на рубеже: Восточный Мизас, Западный Битэс, Пампы, Мариньмуйжа, отм. 71,0, Вамаи, совершенствовала его в инженерном отношении, готовила плацдарм для наступления и проводила частные боевые операции [5].

В ночь на 3 марта 1945 г. 6-я стрелковая рота справа и 307-я штрафная рота слева заняли исходное положение на рубеже: Северо-западнее опушки роши, 1 км юго-западнее Битэс, юго-восточные скаты высоты 600 м северо-западнее Шампы.

В течение дня личный состав подразделений и офицерский состав вели наблюдение за противостоящим противником, а артиллерийские подразделения производили пристрелку целей.

На фронте 700 м действовало 120 активных бойцов при поддержке 24 орудий, 9–120 мм минометов, 6–82 мм минометов, 12 ручных пулеметов и одного станкового пулемета.

В 16:55 артиллерия открыла массированный огонь по ранее наблюдаемым и засеченным целям в районе Фердинандмуйжа и опушки леса северо-западнее.

В 16:59 пехота поднялась в атаку, но под воздействием массированного пулеметного и артиллерийско-минометного огня противника была прижата к земле, продвинувшись на 100–450 м. Продвижение осуществить не удалось.

Неуспех действия объяснялся следующими причинами:

а) личный состав длительный период времени находился в холодную погоду на исходном положении;

б) перед началом атаки 4 рядовых 307 штрафной роты перебежали к противнику и вскрыли намерения наших подразделений;

в) атака пехоты была нескоординированной и часть действующих подразделений задержалась на 15 минут.

Список источников

1. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 61. Л. 51.
2. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 61. Л. 53.
3. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 61. Л. 57.
4. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 61. Л. 58.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-4). Ставка ВГК, 1944–1945 гг.: Док. и материалы. М. : Терра, 1999.

Н. Н. Перетяцько, военнослужащий
Войсковая часть 25353-д, Москва, Россия
mrnicr1@gmail.com

УЧАСТИЕ 374-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ОКОНЧАТЕЛЬНОМ РАЗГРОМЕ КУРЛЯНДСКОЙ ГРУППИРОВКИ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК (МАРТ – МАЙ 1945 ГОДА)

Аннотация. В статье рассмотрено участие 374-й стрелковой дивизии в блокировании группировки Вермахта в Курляндии в последние два месяца Великой Отечественной войны. Подробно описаны локальные бои отдельных частей дивизии с окруженными немецкими войсками, проанализированы потери дивизии. Также описана сдача окруженной немецкой группировки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Прибалтийские фронты, Курляндский котел, 374-я стрелковая дивизия

Abstract. The article examines the participation of the 374th infantry division in blocking the Wehrmacht grouping in Courland in the last two months of the Great Patriotic War. The local battles of individual units of the division with surrounded German troops are described in detail, and the division's losses are analyzed. The surrender of the encircled German group is also described.

Keywords: The Great Patriotic War, the Baltic fronts, Courland environment, the 374th Infantry Division

Окруженная в Курляндии группировка Вермахта продолжала оказывать организованное сопротивление вплоть до окончательной капитуляции Германии. Командование РККА не стремилось окончательно уничтожить окруженные немецкие части, сосредоточив усилия на стратегически важных направлениях. Несмотря на статичную линию фронта с прижатой к морю группировкой, на территории Курляндии продолжались локальные боевые столкновения вплоть до окончания войны. В блокировании окруженных немецких частей принимала участие 374-я стрелковая дивизия.

20 марта 1945 г. батальон 1244-го стрелкового полка проводил частную операцию в направлении Мариньмуйжа в полосе обороны 44-й стрелковой дивизии.

Противник на рубеже Фердинандуйжа, западнее Мариньмуйжа, оборонялся подразделениями 174-го пехотного полка 8-й пехотной дивизии, в ходе боя противник спешно перебросил на указанный рубеж 81-й фузильерный батальон из района 20 км юго-западнее Лэстэне.

Оборона противника представляла из себя прерывчатые траншеи полного профиля с оборудованными пулеметными площадями в домиках севернее Мариньмуйжа и Кири.

Оборона перекрывалась огнем орудий и пулеметов.

1244-й стрелковый полк, совершив марш из района Граудзэ, к 6:00 20 марта 1945 г. двумя ротами занял исходное положение в районе Мариньмуйжа и одной ротой во второй линии юго-западнее Пампы, 1244-й стрелковый полк к этому же времени сосредоточился в районе Памьи.

В 8:59, на третьей минуте артиллерийско-минометного налета, по переднему краю обороны противника под покровом дымзавесы, роты стремительным броском ворвались на северную окраину Мариньмуйжа, захватили домик севернее Мариньмуйжа, где уничтожили гарнизон противника, захватили 8 пленных и начали стремительно продвигаться в направлении Кирп, преодолевая усиливающиеся пулеметный огонь 4 пулеметов и артиллерийский огонь из глубины. В 10:15 передовые подразделения вышли на северо-западную окраину, где продолжали вести бой и закреплялись на достигнутых рубежах.

Для усиления гарнизона в район Кирп была выдвинута стрелковая рота и подтянуты орудия на прямую наводку [1].

В 13:30 противник начал накапливаться в районе западнее Ферднандмужа, и юго-восточнее Аматики и, после артонала двумя группами в 60 и 40 человек при поддержке 6 самоходных пушек, контратаковал наши подразделения в районе Кирп. Контратака была отбита. Однако последовало ряд контратак из тех же направлений при поддержке до 7 танков и самоходных орудий.

В 18:00 противник силами батальона 174-го пехотного полка и 81-го фузилерного батальона подброшенного на этот участок из района Лэстэне.

Противник предпринял сильную контратаку при поддержке до 7 танков и самоходных орудий с трех направлений и несколько потеснил наши подразделения.

Выдвинутые в район Кирп три наших танка были подожжены противником и не могли оказать поддержки поредевшему гарнизону в районе Кирп.

В ночь на 21 марта 1945 г. 1244-й стрелковый полк передал достигнутый рубеж в ходе боя подразделениям 440-й стрелковой дивизии и был выведен в районе Граудзэ.

В ходе боя 20 марта 1945 г. советские потери – 23 человека убитыми и 113 человек ранеными.

Потери противника – до 200 солдат и офицеров, взято 9 пленных.

21 марта 1945 г., в соответствии с приказом 119, дивизия совершила марш в район Добе, следуя за дивизиями первого эшелона корпуса, в готовности развить успех дивизий, перешедших в наступление.

22 марта 1945 г. в 14:00 1242-й стрелковый полк развернулся одним батальоном восточнее Патимши, другим батальоном на отметку 87,5 в готовности наступать вдоль железной дороги на Спринди. 1244-й стрелковый полк развернулся у рощи западнее Бриежи, в готовности действовать за 1246-м стрелковым полком [2].

1242-й стрелковый полк передал ранее весь личный состав 1244-му стрелковому полку и в боях не участвовал.

В 1244-м стрелковом полку имелось 4 роты по 40–45 человек, в 1246-м стрелковом полку 5 стрелковых рот такой же численности.

23 марта 1945 г. после 20-минутного артналета 1246-й стрелковый полк начал наступление с рубежа Румбас и, преодолевая сопротивление противника, к 11:00 овладел населенным пунктом Биксты, в последующем произведя перегруппировку в направлении северной окраины Биксты. С 16:00 начал наступление в направлении на Яунамуйжа с форсированием безымянного ручья, который из-за половодья в ширину был более 30 м.

1244-й стрелковый полк в 20:20 начал наступление в направлении Мазабавиemi, к 22:00 вышел на западную опушку рощи восточнее отметки 101, где был задержан организованным огнем противника. С 10:20 23 марта принял в свое оперативное подчинение армейский учебный батальон, 11 танков и 2 самоходные установки 221-го танкового полка, начал энергичное продвижение в направлении железной дороги к 11:30 овладел станцией Биксты и Кирп В 16:30 стремительно атаковал Биксты и овладев им, начал выдвижение на запад [3].

В течение 24, 25 и 26 марта 1945 г. части дивизии продолжали вести бои с противником, преодолевая его огневое сопротивление на промежуточных рубежах и отражая контратаки силами 44-го пехотного полка 19-й легкой пехотной дивизии и 113-го охранного полка.

К 14:00 26 марта 1945 г. дивизия одним полком достигла дороги Яунилс-Лауки и другим полком достигла Атали. На этих рубежах дивизия была задержана возросшим сопротивлением противника.

27 марта 1945 г. части дивизии продолжали наступление и к исходу дня одним полком овладели Лемени и оседлали дорогу Яунпилс-Лауки другим полком, овладел Атали, Мурниеки и к исходу дня Аузаи, который был взят остатками батальона в количестве 8 человек [4].

28 и 29 марта части дивизии, сбивая противника с промежуточных рубежей, продолжали выполнять поставленную задачу: выход на левый берег реки Виэсати.

Противник продолжал оказывать сопротивление на промежуточных рубежах огнем пехотного оружия, при поддержке артиллерии, минометов и самоходных орудий. На отдельных участках переходил в контратаки силой до роты.

К исходу дня 25 марта части дивизии овладев Лауки, обходным маневром справа и слева овладели Мазкурсениеки и достигли рощи северо-восточнее Ветери.

30 и 31 марта продолжались бои на рубеже Глудайни, которым части дивизии овладели внезапной атакой.

В период с 1 по 4 апреля части дивизии продолжали вести ожесточенные бои на рубеже реки Виэсате, но вследствие значительных потерь в 1246-й и 1244-й полках осталось по одной стрелковой роте численностью в 40–50 человек, значительного сопротивления противника и плохими состоянием дорог, не дающего возможности продвигать артиллерию, успеха не имели.

В ночь на 5 апреля дивизия передала боевые рубежи 306-й стрелковой дивизии и к 6 апреля 1945 г. сосредоточилась в районе станции Биксты.

За время боев с 22 марта по 5 апреля 1945 г. частями дивизии взято 108 пленных, а также захвачено большое количество трофейного оружия и техники.

В районе станции Биксты части дивизии находились до 7 мая 1945 г. где получали пополнение, проводили боевую тренировку личного состава, штабные учения, отрабатывали документацию, готовились к боям по окончательному разгрому Курляндской группировки [5].

7 мая 1945 г. противник начал отход перед фронтом корпуса, дивизия совершила марш в район Петертале, в готовности развить успех дивизий.

К исходу 8 мая противник перед фронтом 119-го стрелкового корпуса поднял белые флаги.

К утру 9 мая 1945 г. была объявлена полная капитуляция Курляндской группировки войск и начался прием пленных, вооружения и материальных ценностей.

Список источников

1. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1 695. Оп. 1. Д. 61. Л. 59.
2. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1 695. Оп. 1. Д. 61. Л. 62.
3. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1 695. Оп. 1. Д. 61. Л. 65.
4. Журнал боевых действий 374 сд // ЦАМО. Ф. 1 695. Оп. 1. Д. 61. Л. 66.
5. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-4). Ставка ВГК, 1944–1945 гг.: Док. и материалы. М. : Терра, 1999.

В. Н. Прямицын

*Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии
Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Москва, Россия*

И. А. Жильчук

*Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

РОЛЬ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Сбор и распространение гидрометеорологической информации имеют важное значение для метеорологического обеспечения боевых действий.

Получение информации с территории, оккупированной противником, является сложной задачей. Это придает актуальность историческому опыту, особенно опыту периода Великой Отечественной войны. Целью статьи является ознакомление профессиональных сообществ историков и гидрометеорологов с соответствующим историческим опытом.

Ключевые слова: гидрометеорологическая служба, средства связи, гидрометеорологическая информация, Великая Отечественная война, партизаны

Abstract. The collection and dissemination of hydrometeorological information is important for meteorological support of combat operations. Obtaining information from territory occupied by the enemy is a difficult task. This gives relevance to his historical experience, especially the experience of the period of the Great Patriotic War. The purpose of the article is to familiarize professional communities of historians and hydrometeorologists with relevant historical experience.

Keywords: hydrometeorological service, means communication, hydrometeorological information, Great Patriotic War, partisans

С началом Великой Отечественной войны советские гидрометеорологи оказались лишены сведений о фактической погоде с территории Европы и оккупированной части СССР. Летом и осенью 1941 г. положение прогнозистов усугублялось тем, что линия советско-германского фронта интенсивно смещалась на восток.

«К зиме 1941–1942 гг. советские войска вынуждены были оставить территорию западной части ЕТС, и на всем громадном пространстве от линии фронта до Британских островов не было ни одной метеостанции, сводки которой можно было бы использовать» [1, с. 3; 2, с. 115].

Между тем от советских военных гидрометеорологов требовалось качественное обеспечение Красной армии и Военно-морского флота. Наиболее затруднительным в условиях дефицита фактической гидрометеорологической информации являлось обеспечение боевых вылетов Дальнебомбардировочной авиации (далее – ДБА), совершавшихся над тер-

риторией противника, не освещенной в гидрометеорологическом отношении.

Возникшие потребности в получении сведений о погоде из-за линии фронта нашли отражение в обращении командования 81-й авиационной дивизии ДБА к начальнику Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (далее – ГУГМС КА) от 23 августа 1941 г. В частности, начальник штаба и начальник метеослужбы этой дивизии писали: «Успешная работа ДБА по глубокому тылу противника во многом зависит от хорошего знания метеорологической обстановки на маршрутах полетов и особенно в районе цели. Иначе неизбежны срывы выполнения боевых заданий, потеря ориентировки и, как следствие, вынужденные посадки с летными происшествиями» [3, л. 40]. В документе указано, что решение этой проблемы может быть в привлечении к метеонаблюдениям партизан.

В ГУГМС КА была проведена масштабная работа, в результате которой намечены основные пути получения необходимой информации (рис. 1).

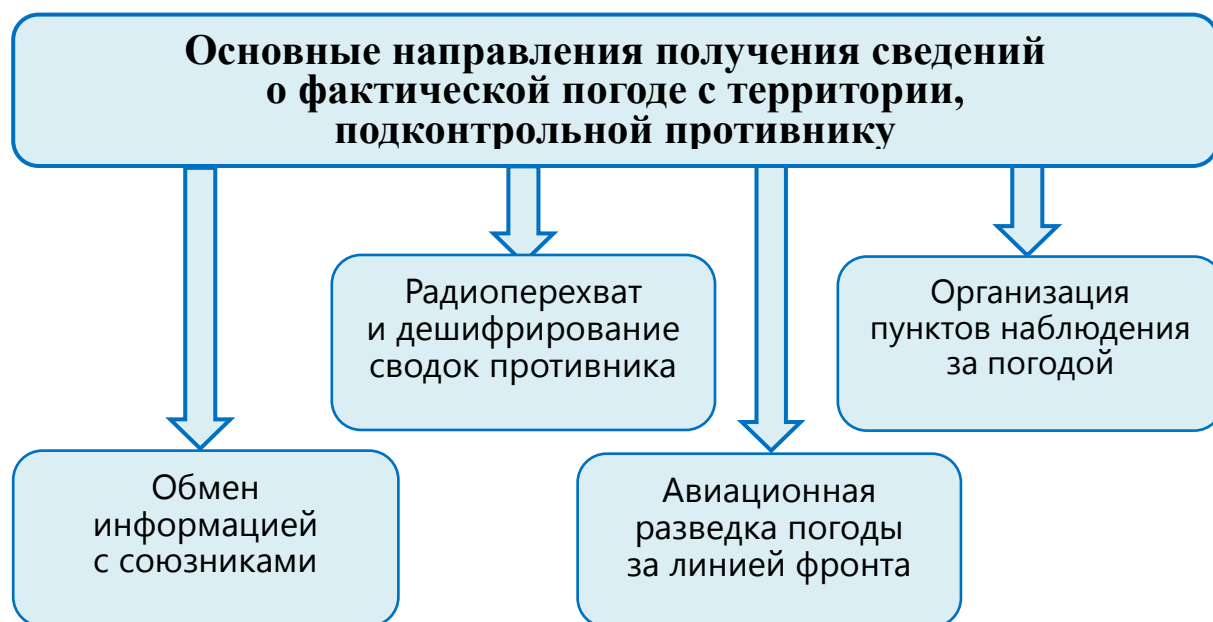

Рис. 1. Основные направления получения сведений о фактической погоде с территории, подконтрольной противнику

Среди прочих перспективным направлением была признана организация пунктов наблюдения за погодой в тылу противника. Первые попытки наладить такое систематическое наблюдение датированы сентябрем 1941 г. Тогда ГУГМС КА во взаимодействии с Разведывательным управлением Красной армии в полосе действия Западного фронта забросили в тыл противника на парашютах специалистов-гидрометеорологов. Успешный опыт работы первых групп позволил сделать вывод о целесообразности распространения этой практики на другие фронты.

Таким образом, проблематика и первые прецеденты организации гидрометеорологических наблюдений в тылу противника возникли в первые месяцы Великой Отечественной войны. Благодаря предпринятым ме-

рам на синоптической карте к западу от линии фронта появилось до десятка пунктов.

Было установлено, что деятельность разведывательных групп, занимающихся наблюдениями за погодой, более устойчива, если опирается на возможности партизанских отрядов. По этой причине работа стала проводиться системно и в необходимом масштабе лишь с середины 1943 г., когда в деятельности партизан была выстроена вертикаль руководства. Для организации метеорологических наблюдений предстояло решить ряд важных вопросов.

Одной из первых мер, предпринятых Центральным штабом Партизанского движения (далее – ЦШПД), стала разработка необходимых руководящих документов. Так, 23 июля 1943 г. был издан приказ «Об упорядочении подачи метеосводок в адрес ГУГМС КА из штабов партизанского движения, партизанских бригад и отрядов» [4, л. 251, 251об.]. Он обязывал начальников штабов и командиров бригад назначать лиц, ответственных за организацию метеонаблюдений и своевременное поступление данных, создавать все необходимые условия для их работы. Передача материалов наблюдений должна была обеспечиваться через средства связи штаба отряда в приоритетном порядке.

Этот основополагающий документ положил начало дальнейшей детализации уже на региональном уровне. К примеру, 9 сентября 1943 г. начальником Белорусского штаба Партизанского движения (далее – БШПД) была утверждена Инструкция для комендантов партизанских посадочных площадок и метеорологических наблюдателей. Документ объявлял наблюдателей представителями БШПД и АДД, предписывал им проводить наблюдения и передавать их результаты дважды в сутки (утром и вечером) (рис. 2).

Рис. 2. Метеонаблюдения и передача их результатов в партизанском отряде

Наблюдатели-партизаны были официально прикреплены к АДД. Именно она являлась ключевым потребителем гидрометеорологической информации из-за линии фронта, потому что от ее наличия и качества зависел успех решения боевых задач в тылу противника. Об этом свидетельствует обращение командующего АДД генерал-полковника А. Е. Голованова к начальникам Центрального и Украинского штабов Партизанского движения от 6 октября 1943 г.: «Авиация дальнего действия в своей работе крайне заинтересована в получении метеорологических данных с территории временно оккупированной противником. Отсутствие этих сведений не дает возможности точно ориентироваться в условиях погоды при полетах АДД, а это приводит к срыву операций и непроизводительной трате материально-технического ресурса и горючего. В связи с этим считаю чрезвычайно важным мероприятием организацию метеорологических наблюдений в партизанских отрядах. Прошу усилить проводимую Вами совместно с Главным управлением гидрометеорологической службы заброску метеонаблюдателей в партизанские отряды, с тем, чтобы в самый короткий срок организовать метеонаблюдения не менее чем в 100 отрядах..., обязать командиров партизанских отрядов приравнять передачу донесений о погоде к боевой работе и обеспечить своевременную и бесперебойную передачу этих донесений в установленные ГУГМС СССР сроки» [2, с. 116].

Для выполнения этих задач потребовалось значительное количество специалистов необходимой квалификации. К проведению гидрометеорологических наблюдений в партизанских отрядах привлекались несколько категорий лиц. Наиболее многочисленными были сотрудники научно-исследовательских и оперативных подразделений ГУГМС СССР, оставшиеся на оккупированной территории и примкнувшие к партизанским отрядам. В ходе мобилизации гидрометеорологической отрасли часть специалистов была призвана на военную службу и приступила к гидрометеорологическому обеспечению Красной армии. При этом часть метеорологов не успела эвакуироваться, осталась на территории республики и примкнула к партизанскому движению.

Не менее распространенным явлением была подготовка добровольцев в специальном отношении с последующей заброской в тыл противника. Так, в конце декабря 1942 г. при ГУГМС КА прошли обучение и были направлены в партизанские отряды 21 наблюдатель из числа комсомольцев. Впоследствии подготовка наблюдателей осуществлялась уже в региональных штабах Партизанского движения.

Имело место командирование в партизанские отряды специалистов научно-исследовательских и оперативных учреждений ГУГМС КА. Ярким примером выступает деятельность оперативного подразделения Главной геофизической обсерватории. Находясь в кольце Ленинградской блокады и располагая незначительным количеством специалистов, эта организация в 1943 г. направила в партизанскую бригаду, действовавшую в районе Пскова, ряд сотрудников.

Кроме того, в связи с особой сложностью составления авиационных прогнозов над территорией глубокого тыла противника, при подготовке и проведении наиболее ответственных мероприятий прогнозисты частей и соединений АДД командировались в тыл противника и работали в расположении партизанских отрядов.

Существенным вопросом являлось обеспечение партизан необходимым количеством средств наблюдения за погодой. Как правило, в распоряжении каждого пункта наблюдений был небольшой набор приборов, позволяющих регистрировать основные параметры атмосферы (рис. 3). Для их переноски использовался брезентовый мешок или ящик. В качестве инструкции к комплекту прилагалась «Памятка наблюдателю».

Рис. 3. Ящик с метеоприборами

Проводились изыскания по созданию автоматических метеорологических станций, которые можно было бы забрасывать в тыл противника с парашютом. В начале Великой Отечественной войны группа инженеров ГУГМС КА успешно провела испытания такого устройства в районе, контролируемом партизанами. Однако подобные станции, передававшие данные из одного и того же места в одно и то же время, были уязвимы перед противником. Известны единичные случаи, когда автоматические станции

проводили наблюдения и передавали их результаты, находясь при этом в расположении партизанских отрядов.

Для передачи данных наблюдений метеорологи в тылу противника пользовались возможностями связи партизанских отрядов. К концу 1943 г. была создана централизованная система партизанской связи, благодаря чему данные наблюдений оперативно доставлялись в региональные и ЦШПД, в штаб АДД, в оперативно-прогностические органы ГУГМС КА. Кроме того, ряд крупнейших аэродромов ВВС Красной армии, расположенных в прифронтовой полосе, был связан с метеорологическими наблюдателями в партизанских отрядах напрямую.

Благодаря проведению масштабной работы, к осени 1943 г. к западу от линии фронта появилось около 100 пунктов наблюдения за погодой, укомплектованных специалистами и техническими средствами, ведущих работу по единой методике, объединенных друг с другом и с потребителями сетью связи. В подавляющем большинстве это были метеорологические посты при партизанских отрядах, объем наблюдений в которых характеризовался необходимым минимумом. Партизаны наблюдали за явлениями погоды, визуально оценивали направление и скорость ветра, дальность видимости, количество облачности. Инструментально измеряли температуру воздуха и атмосферное давление.

Отличным образом обстояли дела на партизанских аэродромах. В 1943 г. только партизанами Белоруссии было оборудовано 18 крупных аэродромов. На некоторых из них обслуживающая команда превышала 65 человек. При них работали практически полноценные метеостанции под руководством инженеров-синоптиков.

Необходимо отметить, что при поддержке партизан некоторые довоенные пункты наблюдения, даже оказавшись в тылу противника, не прекращали работы на протяжении всей Великой Отечественной войны. К примеру, на Украине, несмотря на оккупацию, с риском для жизни сотрудников, тайно для противника около 60 пунктов наблюдения за погодой функционировали на протяжении всей Великой Отечественной войны, допуская перерывы только в отдельные самые напряженные моменты. Эта работа позволила обеспечить бесценные ряды непрерывных наблюдений.

Благодаря организации гидрометеорологических наблюдений в тылу противника, достигался ряд важных целей, представленных на схеме. Партизаны обеспечивали гидрометеорологов Красной армии фактической информацией о погоде за линией фронта на участках действия их частей и соединений. Она использовалась при составлении прогнозов погоды, при планировании ведения боевых действий. Особую ценность сведения от партизан приобретали при планировании и обеспечении высадки воздушных десантов. В боевых порядках партизан находился ответственный за прием десанта, и высадка не осуществлялась без его доклада на командный пункт об условиях обстановки в районе приземления, в том числе гидрометеорологических (рис. 4).

По мере переноса военных действий Красной армии на территорию Европы, во многих странах активизировались силы сопротивления. Для оперативно-прогностической помощи Партизанскому движению в Югославию были откомандированы специалисты ГУГМС СССР и ГАМС ВВС.

По отзывам командиров авиационных частей, работников региональных и ЦШПД, работа метеонаблюдателей имела большое значение для воздушного сообщения. В тех пунктах, откуда своевременно поступали метеосводки, почти полностью избавились от авиапроисшествий, самолеты перестали возвращаться на базу, не выполнив задание по метеорологическим условиям.

Подводя итог рассмотрению вопроса участия партизанского движения в гидрометеорологическом обеспечении Красной армии в годы Великой Отечественной войны, можно сделать выводы:

- осознание необходимости и первые попытки организации гидрометеорологических наблюдений в тылу противника датированы первыми месяцами войны, но масштабный и системный характер эта работа приобрела в середине 1943 г.;

- данные о погоде из-за линии фронта требовались для составления прогнозов по территории СССР, для гидрометеорологического обеспечения сухопутных войск и авиации, однако в наибольшей степени от них зависела боевая работа АДД;

- в партизанских отрядах было организовано более 100 пунктов наблюдения за погодой. Благодаря отлаженной системе связи данные наблюдений от партизан оперативно передавались на территорию СССР, включались во всесоюзную сводку;

- наблюдения за погодой, организованные в партизанских отрядах, сыграли важную роль в гидрометеорологическом обеспечении Красной армии, а, следовательно, в приближении Победы в Великой Отечественной войне.

Список источников

1. Федоров Е. К. Гидрометслужба СССР в годы Великой Отечественной войны // Метеорология и гидрология. 1975. № 5. С. 3–8.

2. Прямыцын В. Н. Организация гидрометеорологических наблюдений в тылу противника в годы Великой Отечественной войны // Метеорология и гидрология. 2022. № 7. С. 115–117.

3. ЦАМО РФ Ф. 35. Оп. 11264. Д. 10. Л. 40.

4. ЦАМО РФ Ф. 35. Оп. 11264. Д. 10. Л. 251, 251об.

5. ЦАМО РФ Ф. 35. Оп. 11264. Д. 110. Л. 116.

А. А. Романов, ассистент кафедры ИРМиРЦ
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

КРАТКИЙ ОБЗОР БОЕВОГО ПУТИ 62-й СТРЕЛКОВОЙ БОРИСОВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ОРДЕНОВ СУВОРОВА, КУТУЗОВА И ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ДИВИЗИИ (ТРЕТЬЕГО ФОРМИРОВАНИЯ) В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье описывается боевой путь 62-й стрелковой дивизии с момента ее формирования в апреле 1943 г. до окончания Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 62-я стрелковая дивизия, бои за Смоленск, освобождение Прибалтики

Abstract. The article describes the combat path of the 62nd Infantry Division from the moment of its formation in April 1943 to the end of the Great Patriotic War.

Keywords: The Great Patriotic War, 62nd Infantry Division, battles for Smolensk, liberation of the Baltic States

В третий раз 62-я стрелковая дивизия была сформирована в апреле 1943 г. на основе ранее существовавшей 44-й отдельной стрелковой бригады: большинство солдат, сержантов и офицеров ранее проходили службу в этом подразделении. 44-я бригада ранее отлично показала себя в боях под Москвой и в Ленинградской области, следовательно костяком дивизии являлся личный состав с огромным боевым опытом. Также в качестве пополнения в состав дивизии вошли курсанты Владимирского военного пехотного училища. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на момент формирования в 62-й стрелковой дивизии подавляющем большинстве личный состав либо имел боевой опыт, либо проходил качественную боевую подготовку [1].

Формирование и комплектование дивизии проходило на территории Калужской области в районе станции Суходрев. На тот момент дивизией командовал генерал-майор Ефремов, заместителем по политической части являлся подполковник Салдаев. До 26 мая 1943 г. в дивизии осуществлялась боевая подготовка личного состава. В этот же день началась переброска частей дивизии в район города Юхнов, где личный состав дивизии продолжил проходить боевую подготовку. 11 июля 1943 г. дивизия в пешем порядке была переброшена в Знаменский район Смоленской области, где обучение личного состава было продолжено.

В свой первый бой вновь сформированная дивизия вступила 13 августа 1943 г., приняв участие в освобождении Смоленской области. Части дивизии вели бои с немецкими войсками в районе деревень Потапово

и Вестеры, где силами Вермахта была выстроена серьезная оборона на господствующих высотах. Немецкие войска также поддерживались тяжелой бронетехникой.

Несмотря на ожесточенное сопротивление немецких войск, оборона Вермахта в районе Потапово – Вестеры была прорвана, после чего силы дивизии устремились в прорыв и продвинулись вперед до 100 км. В дальнейшем дивизия продолжила наступление и к 1 октября 1943 г. вошла на территорию Белорусской ССР, с боем заняв несколько деревень в Витебской области.

В дальнейшем 62-я дивизия заняла оборону в районе населенных пунктов Козьяны и Лопыревщина. Эти позиции силами дивизии удерживались на протяжении восьми с половиной месяцев. Оборону дивизия занимала в тяжелых условиях на открытой местности. К тому же, из-за тактики выжженной земли, применяемой немцами, в ближайшей местности не осталось населенных пунктов, что также осложняло оборону [2].

30 марта 1944 г. командование дивизией принял генерал-майор Бородкин, а в начале апреля 62-я дивизия вошла в состав 31-й армии. Началась подготовка к наступательным действиям. 21 июня 1944 г. части дивизии были перестроены в наступательные порядки, а саперы начали разминирование позиций на пути будущего наступления. 23 июня 1944 г. началась операция «Багратион», в ходе которой была освобождена территория Белорусской ССР. В первые два дня операции активное участие в наступательных действиях принял 104-й стрелковый полк, прорвавший укрепленные позиции противника по фронту дивизии. В ночь на 26 июня в наступление перешли и остальные части дивизии. К 12:00 27 июня дивизия находилась в 7 км южнее от города Орша, на берегу Днепра. В этот же день г. Орша был освобожден силами соседних соединений РККА, после чего 62-я дивизия начала форсирование Днепра на своем участке фронта, после чего продолжила наступательные действия.

В дальнейшем 2 июля 1944 г. силами дивизии была форсирована река Березина в районе населенного пункта Большие Ухолоды, после чего дивизия содействовала освобождению города Борисов – важнейшего оборонительного рубежа Вермахта на подступах к Минску. В дальнейшем дивизия принимала активное участие в окружении и окончательном разгроме основных сил немецкой группы армий «Центр». Конкретной задачей 62-й стрелковой дивизии в ходе разгрома противника являлось сдерживание немецкой группировки внутри формируемого «котла», чтобы не позволить частям Вермахта организованно отступить и избежать полного разгрома.

В ночь на 5 июля 1944 г. усиленный отряд 2-го стрелкового батальона 123-го стрелкового полка при поддержке батареи 76-миллиметровых орудий и батарей самоходных артиллерийских установок был направлен в район населенного пункта Волма с задачей не допустить выхода противника на Минскую магистраль. Этими силами на протяжении двух дней сдерживалась крупная группировка противника. В конечном итоге поставленная задача была выполнена [3].

Утром 6 июля 1944 г. дивизия начала наступление в направлении населенных пунктов Колядичи, поселка имени Сталина и Щитомиричи. К утру 7 июля силы дивизии вышли на западный берег реки Свислочь в районе населенных пунктов Лишница, Михановичи, Синело, Каралищевичи, таким образом окончательно отрезав пути отхода для немецких войск. Несмотря на свое полное окружение, силы Вермахта продолжали оказывать упорное сопротивление, в связи с чем зачистка «котла» вплоть до 9 июля 1944 г.

В результате боевых действий, направленных на ликвидацию группировки немецких войск, окруженной южнее Минска, 62-я стрелковая дивизия нанесла противнику следующие потери: убито 4 000 солдат и офицеров противника, взято в плен 4 200 солдат и офицеров. Также были захвачены трофеи, среди которых: 8 танков, 50 орудий разных калибров, 57 пулеметов, 2 000 винтовок и автоматов и 474 единицы транспорта.

В дальнейшем, начиная с 9 июля 1944 г., части дивизии продолжали преследовать оставшиеся разрозненные группы противника, с ходу овладели населенными пунктами Ивенец, Ивье, Двор, городом Лида и в конечном итоге вышли к реке Неман.

В 12:00 16 июля 1944 г. отдельные подразделения дивизии достигли границы Литовской ССР по реке Неман, форсирование которой началось незамедлительно. Форсирование усложнял тот факт, что артиллерия дивизии отстала от пехоты и преодолевать водную преграду пришлось при поддержке минометов и полковых орудий [4].

Факт отсутствия полноценной огневой поддержки, а также прицельный огонь бронетехники противника по подразделениям, форсирующим Неман, привел к большим потерям в 123-м стрелковом полку дивизии. Несмотря на потери, пересечь реку все же удалось, во многом благодаря тому факту, что через нее к тому моменту на другом участке переправилась 174-я стрелковая дивизия, что сделало бессмысленным оборону данного рубежа для противника.

К 5:00 17 июля 1944 г. была закончена переправа всех частей дивизии, после чего наступление на позиции противника было продолжено. Против 62-й стрелковой дивизии выступала 131-я пехотная дивизия Вермахта, которая занимала оборону в районе населенного пункта Лейпуны. К 22 июля 1944 г. частям дивизии удалось овладеть данным населенным пунктом, однако к вечеру, в результате контратаки немецких войск, силы 62-й стрелковой дивизии отступили из поселка.

29 июля 1944 г. в 3 часа ночи немецкие войска по фронту перед 62-й дивизией начали отход в северо-западном и западном направлениях. Частями дивизии, в свою очередь, было организовано преследование отступающего противника, завязались упорные бои на промежуточных рубежах обороны немцев, за отдельные переправы и высоты. Из Литовской ССР к 11 августа 1944 г. 62-я дивизия вошла на территорию Польши. На следующий день – 12 августа 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 62-я Стрелковая Борисовская ордена Трудового Красного

Знамени дивизия за образцовое выполнение заданий, в первую очередь за свои действия в Белоруссии и при форсировании Немана, была награждена орденом Красного Знамени. Таким же орденом отдельно был награжден 123-й полк дивизии, а 104-й стрелковый полк получил наименование «Неманский».

14 сентября 1944 г. в дивизии вновь сменился командир, им стал Гвардии полковник С. С. Левин. Под новым командованием 62-я дивизия 13 октября 1944 г. сменила части 16-й Гвардейской стрелковой дивизии на оборонительном рубеже Леполаты – Подлюбówek и начала подготовку к скорому прорыву обороны противника. Через пять дней, рано утром 17 октября 1944 г., после короткой артиллерийской подготовки части дивизии начали осуществлять прорыв оборонительных рубежей противника. К вечеру этого дня силам дивизии удалось продвинуться вперед на 13 км.

К 22 октября 1944 г. части дивизии перешли государственную границу Германии и овладели первыми населенными пунктами на территории Восточной Пруссии. На следующий день дивизия перешла к обороне, после выполнения всех поставленных задач в ходе наступления. До января 1945 г. на участке обороны 62 стрелковой дивизии фронт был относительно стабилен. В ночь с 4 на 5 января силы Вермахта предприняли наступление на оборонительные позиции дивизии с целью вернуть под свой контроль населенный пункт Филиппов. На протяжении двух суток дивизия вела тяжелые оборонительные бои, в ходе которых наступающему противнику было нанесено сокрушительное поражение – немцы потеряли более 300 человек убитыми, однако и части 62-й дивизии понесли чувствительные потери.

До 22 января 62-я дивизия восстанавливалась после тяжелых оборонительных боев, вечером же этого дня полки дивизии перешли в наступление. Продвижение РККА было настолько стремительным, что к вечеру следующего дня на пути наступления дивизии было взято более 40 населенных пунктов. Утром 25 января 1945 г. части дивизии начали бои за город Летцен, который являлся стратегически важным населенным пунктом, так как через него осуществлялось снабжение немецких войск на территории Восточной Пруссии. На следующий день город был взят, что способствовало скорому освобождению Восточной Пруссии от немецких войск. После взятия города Летцена дивизия продолжила преследование противника и к 29 января выбила противника из города Бишофштайн. В ходе боев во второй половине января силами дивизии было захвачено большое количество вооружений и транспорта.

В период с 31 января по 4 февраля 1945 г. дивизия вела активную оборону в районе населенных пунктов Хайльсберг и Ландсберг, а 4 февраля вновь перешла в наступление в направлении города Хоофе. 28 февраля 1945 г. были подведены итоги боев. Дивизия продвинулась на 60 км вперед, заняв много населенных пунктов и уничтожив около 3 500 вражеских солдат и офицеров.

В марте 1945 г. 62-я дивизия продолжила вести наступательные бои, достигнув к 19 марта населенного пункта Томсдорф, овладеть которым с ходу части дивизии были не в состоянии, ввиду удобного расположения населенного пункта для обороняющейся стороны и больших потерь, которые понесла дивизия за время своего наступления. Город удалось занять лишь к 25 марта 1945 г. К 29 марта была окончательно ликвидирована немецкая группировка в Восточной Пруссии, после чего был получен приказ о перегруппировке. 1 апреля 1945 г. дивизия выдвинулась на место своей новой дислокации – городу Гудник, где и занимала позиции вплоть до капитуляции Германии [5].

Таким образом, можно повести итог, что за время со своего формирования в апреле 1943 года до момента капитуляции нацистской Германии, 62 дивизия приняла участие в нескольких стратегических наступательных операциях, дважды участвовала в окончательном разгроме окруженных группировок войск противника и освободила сотни населенных пунктов как на территории СССР, так и в Польше и самой Германии. Отсюда следует, что 62-я стрелковая Борисовская Краснознамённая орденов Суворова, Кутузова и Трудового Красного Знамени дивизия показала высокую эффективность за время своего боевого пути в Великой Отечественной войне.

Список источников

1. Память народа: [сайт]. 2025. URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=452565900&backurl=q%5C62%20%D1%81%D0%B4::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie (дата обращения: 12.01.2025). Текст: электронный.

2. Сайт РККА. Энциклопедия. Стрелковые дивизии. Количественный состав: [сайт]. 2012. URL: <https://www.webcitation.org/65OTPMdKn?url=http://rkka.ru/ihandbook.htm> (дата обращения: 12.01.2025). Текст: электронный.

3. Сборник приказов РВСР, РВС СССР, НКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР частей, соединений и учреждений ВС СССР: сборник приказов / Управление делами Министерства обороны СССР. М., 1967. Часть I. 1920–1944 гг. С. 113–115.

4. Сборник приказов РВСР, РВС СССР, НКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР частей, соединений и учреждений ВС СССР: сборник приказов / Управление делами Министерства обороны СССР. М., 1967. Часть I. 1920–1944 гг. С. 254–256.

5. Сборник приказов РВСР, РВС СССР, НКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР частей, соединений и учреждений ВС СССР: сборник приказов / Управление делами Министерства обороны СССР. М., 1967. Часть I. 1920–1944 гг. С. 459–462.

ЧАСТЬ 4. СОВЕТСКИЙ ТЫЛ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

УДК 93/94

А. П. Дворецкая, кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного института
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
advoreckaya@mail.ru

ДИКСОН. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Память о событиях на Диксоне запечатлена не только в документах и воспоминаниях современников, но и памятниках. Памятники являются частью наследия североморцев и помогают потомкам составить свое представление о событиях прошлого. Памятники на Диксоне связаны с обороной Советского Заполярья и защитой Северного пути. Они увековечили стойкость и мужество защитников Диксона и являются частью военно-мемориальной культуры советской эпохи.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, оборона Советского Заполярья, Диксон, «Дежнев (СКР-19)», «А. Сибиряков»*

Abstract. The memory of the events on Dikson is captured not only in documents and memoirs of contemporaries, but also in monuments. Monuments are part of the legacy of the Northern Fleet sailors and help descendants form their own understanding of the past events. Monuments on Dikson are associated with the defense of the Soviet Arctic and the protection of the Northern Route. They immortalized the fortitude and courage of the defenders of Dikson and are part of the military memorial culture of the Soviet era.

Keywords: *World War II, defense of the Soviet Arctic, Dikson, «Dezhnev (SKR-19)», «A. Sibiriyakov»*

В Красноярском крае не так много исторических мест, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Наиболее известны из них те, что связаны с обороной Советского Заполярья и защитой Северного пути. Знаковыми здесь являются боевые действия на о. Диксон в 1942 г. Коллективный подвиг защитников острова во время боя 27 августа 1942 г. с фашистским крейсером «Адмирал Шеер» породил множественные отклики современников, воспоминания, исторические научно-популярные и популярные работы. Так, высоко оценил коллективный подвиг защитников Диксона адмирал А. Г. Головкин, командовавший Северным флотом в годы Великой Отечественной войны: «Преклоняюсь перед мужеством и героиз-

мом полярников – экипажа и персонала научной станции на борту “Сибирякова”, экипажей “Дежнева” и “Революционера”, артиллеристов и портовиков Диксона – все они исполнили свой долг советских патриотов...» [1, с. 105].

В ходе боевых действий погиб почти полностью экипаж парохода «А. Сибиряков», а также его пассажиры-полярники.

Из 104 человек¹, находящихся на борту, погибло 85, в плен попали 18 человек вместе с израненным капитаном. Только одному члену экипажа – котельному машинисту П. И. Вавилову – удалось спрятаться среди обломков и доплыть до острова Белуха. Спустя 36 суток он был снят летчиком И. И. Черевичным [2].

До 1944 г. советские моряки находились в концлагере в Данциге (Гданьске). 15 человек из плененных выжили в немецких лагерях и были освобождены после окончания войны. Командир ледокольного парохода «А. Сибиряков» Анатолий Алексеевич Качарава после возвращения из плена был награжден орденом Красного Знамени Приказом Командующего Северным флотом № 061 от 13.09.1945.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29.04.1961 «За мужество и стойкость, проявленные членами экипажа Краснознаменного ледокольного парохода “А. Сибиряков” в бою с фашистским крейсером “Адмирал Шеер” в период Великой Отечественной войны», награждены:

орденом Отечественной войны I степени:

Бочурко Николай Григорьевич, Никифорова Семен Федорович, Элимелаш Зелик Абрамович;

орденом Красной Звезды:

Алексеев Иван Алексеевич, Герсга Серафим Изосимович, Копытов Иван Федорович, Павловский Андрей Тихонович, Седунов Федор Васильевич [3, с. 113].

Во время налета на Диксон наибольший урон понес «СКР-19» («Дежнев»). Смертью храбрых пали семь моряков из экипажа «Дежнева»: П. Г. Ульянова, В. И. Давыдов, А. М. Карагаев, Г. И. Майсюк, Ф. Хайруллин, В. И. Суслов, А. П. Борисихин. Более 20 человек были ранены в ходе боя. Их оперировали хирурги В. Е. Родионов, С. М. Смирнов и операционная сестра Д. И. Макуха, доставленные на Диксон из Норильска [4, с. 114].

На могиле героев североморцев с «Дежнева (СКР-19)» в 1942 г. поставлена по решению исполкома колонка со звездой. На колонке доска с надписью: «Здесь погребены погибшие смертью героев в неравном бою с фашистами при защите острова Диксон 27 августа 1942 г. моряки-североморцы: старшина первой статьи Ульянов П. П., старшина второй статьи Карагаев, старший краснофлотец Майсюк Г. И., краснофлотцы Хайруллин Ф., Суслов В. Н., Борисихин А. П.». Состояние хорошее [5, л. 15, 17].

¹ Большинство исследователей приводит эту цифру, однако в именном списке членов экипажа и гражданских лиц, находившихся на корабле «Александр Сибиряков» на момент боя, указывается 99 человек.

В 1982 г. прах североморцев был перенесен из братской могилы в центр островного поселка к памятнику. На месте нового захоронения над могилой – постамент с бетонной бескозыркой [6, л. 2].

Именами дежневцев, погибших 27 августа 1942 г. на Диксоне в бою с фашистским крейсером «Адмирал Шеер», названы семь островов к северу-востоку от Диксона. Восемь островов носят имена погибших сибиряковцев. На острове Белуха поставлена 18-метровая башня – памятник с мемориальной доской, на которой выбиты слова: «Башня установлена гидрографами Диксонской гидрографической базы в память ледокольного парохода «А. Сибиряков», погибшего 25 августа 1942 г. в бою с немецко-фашистским линкором. Вечная слава героям!». Это и памятник подвигу моряков арктического «Варяга» – ледокольного парохода «Александр Сибиряков», и действующий маяк, указывающий безопасный путь судам. Пароходы, проходя мимо острова Белуха, в честь героев приспускают флаги и над Арктикой плывут протяжные гудки.

Два памятника установлены на самом Диксоне. Один – в островной его части, на могиле дежневцев-моряков СКР-19. Другой – в материковой части поселка, на горе Южной. Это памятник всем защитникам сибирской Арктики [7, с. 228].

Остров Диксон. Памятник морякам-североморцам, защищавшим Диксон в годы войны, в виде гранитного куба, поста, поставленный на обширный постамент из известковых плит. В левом углу зацементирована плоскость, на которой расположены барельефы четырех матросов. Венчает памятник фигура североморца с автоматом. На верхней части постамента надпись: «Моряки-североморцы: старшина 1 ст. П. П. Ульянов, старшина 2 ст. А. Карагаев, стр. краснофлотец Г. И. Май-сюк, краснофлотцы Ф. Хайруллин, В. Н. Суслов, А. П. Борисихин». Воздвигнут в 1972 г. по решению исполкома [5, л. 15, 17, 18].

П. Диксон – памятник героям североморцам. Первоначальный памятник сооружен в 1967 г. решением исполкома. Находился на территории Морского порта. Он представлял из себя каменную стену с неправильным усечением, на которой была прикреплена мраморная доска, высечен якорь, внизу находился лавровый венок и надпись «Героям – североморцам от полярников Диксона (1941–1945 гг.). Памятник был приподнят, имел две ступеньки с фасада, ограждался четырьмя невысокими цементными столбиками, соединенными с трех сторон якорной цепью [5, л. 15, 16].

В настоящее время от него осталась только часть. На бетонной площадке среди камней установлены якорь, якорная цепь и мраморная плита с надписью: «Героям североморцам от полярников Диксона 1941–1945 гг.». Первоначально эта плита была установлена на отдельно стоящем памятнике «Героям-североморцам от полярников Диксона». Но в связи с началом строительства нового здания управления Диксонского морского порта, памятник оказался на площадке застройки. Было принято решение о переносе плиты к военно-историческому мемориальному комплексу на горе «Южная». Фрагменты (плита, якорь и якорная цепь) памятника

«Героям-североморцам от полярников Диксона» были перенесены в скалы возле главного монумента памятника-стелы. Таким образом, сам памятник «Героям-североморцам от полярников Диксона» в 1987 г. был утрачен.

В 1982 г. также в береговом поселке Диксон был установлен военно-исторический мемориальный комплекс, посвященный героическим защитникам острова 27 августа 1942 г. Обелиск защитникам Диксона – морякам-североморцам и бойцам народного ополчения – представляет собой три взметнувшихся к небу бетонных штыка, символизирующих три рода войск – флот, авиацию и пехоту, – прикрывают выступающее снизу Северное полушарие. Автор – В. В. Королев. Кроме имен семи погибших моряков-дежневцев, на лицевой стороне бетонного постаменты высечены уже упомянутые слова О. Берггольц: «НИКТО НЕ ЗАБЫТ – НИЧТО НЕ ЗАБЫТО (август 1942 г.)».

На правой боковой поверхности бетонного постаменты установлена бронзовая доска с именами погибших членов экипажа ледокольного парохода «А. Сибиряков», принявших неравный бой с фашистским крейсером в районе о. Белуха [7, с. 82, 83].

Кроме этого, на Диксоне установлена на бетонном постаменте зенитная 45-миллиметровая пушка. Она является символом главной ударной силы обороны Диксона – артиллерии, которая состояла из двух 152-миллиметровых пушек/гаубиц. Пушка была доставлена с мыса Челюскин, где во время Великой Отечественной войны также была расположена такая батарея.

Возглавлял подразделение в то время лейтенант Николай Михайлович Корняков (1915–1985), склеп с прахом которого находится также на острове. Четырехгранное сооружение высотой 2,5 м выполнено из дерева. Кровля 4-скатная с небольшим шпилем. Установлен в 1985 г. В 2002 г. заменен на склеп, выполненный из нержавеющей стали в виде вертикально стоящего артиллерийского снаряда высотой порядка 2 м на железобетонном основании в виде пятиконечной звезды. Ограждение по периметру основания выполнено из столбиков в виде небольших снарядов, соединенных декоративной решеткой и якорной цепью. Автор: Г. И. Лубнин, инженер Диксонского порта. Изготовитель – Норильский горно-металлургический комбинат [8, с. 93, 94].

Памятник-маяк в честь героического боя л/п «Александр Сибиряков» с фашистским рейдером 25 августа 1942 г. построен в 1967 г. Диксонской гидробазой на острове Белуха вместо деревянного навигационного знака. Внесен в Лоцию и книгу «Огни и знаки...» под названием «Белуха». На верху башни – фонарь. Остров ежегодно посещается гидрографами, башня поддерживается в хорошем состоянии. В 1975 г. укреплен памятник-доска. В 1978 г. башня покрашена в красный цвет [6, л. 3].

Таким образом, память о событиях на Диксоне запечатлена не только в документах и воспоминаниях современников, но и памятниках. Памятники являются частью наследия североморцев и помогают потомкам составить свое представление о произошедших событиях прошлого.

Список источников

1. ДИКСОН – снежной Арктики столица. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 2005. 174 с.
2. Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири. Красноярск : Изд-во СФУ, 2022. Т. 2. 1942 год. 272 с.
3. Филиппов В. В. Енисейский Север: хроники обороны Арктики. 1940–1945. Красноярск : Поликор, 2020. 372 с.
4. Таймыр: история и современность: фотоальбом / сост. С. Богданова [и др.]. Красноярск : ПК «Sitall», 2011. 262, [2] с.
5. Таймырский районный архив. Ф. 22. Оп. 1. Д. 136. Л. 15, 17.
6. Таймырский районный архив. Ф. 22. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.
7. Красноярский материк. Времена, люди, документы. Красноярск : Гротеск, 1998. 1000 с.
8. Памятные места в суровом краю. Диксон. Красноярск, 2016. 94 с.

Д. Д. Горчатова¹,
А. В. Толмачева²

^{1,2} Красноярский государственный педагогический университет

им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

¹ danagorchatova@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В данной статье рассмотрены различные аспекты проведения социальной политики в отношении инвалидов Первой мировой и Великой Отечественной войн. На основании изученного материала по итогам социальной защиты инвалидов Первой мировой и Великой Отечественной войн проведен сравнительный анализ.

Ключевые слова: социальная защита инвалидов, социальная политика, социальная помощь, Первая мировая война, Великая отечественная война

Abstract. This article discusses various aspects of the implementation of social policy in relation to the disabled of the First World War and the Great Patriotic War. On the basis of the studied material on the results of social protection of disabled people of the First World War and the Great Patriotic War, a comparative analysis was carried out.

Keywords: social protection of the disabled, social policy, social assistance, World War I, Great Patriotic War

Первая мировая и Великая отечественная – самые кровопролитные войны в истории России XX в., миллионы потерь, миллионы искалеченных судеб героев, которые отдали всё, что имели, за Родину. Разные итоги войн, разные политические обстоятельства привели к различному решению проблемы организации социальной защиты инвалидов.

Социальная ситуация нашего времени определила необходимость исследовать исторический опыт в отношении организации помощи инвалидам, чтобы не совершить ошибок прошедших лет.

Актуальность данной темы заключается в малоисследованности подхода к решению проблемы организации социальной защиты в годы Первой мировой и Великой отечественной войн.

Проблема реабилитации инвалидов периода Российской империи рассматривается в многочисленных исследованиях. Зальцман, изучая деятельность общественных и государственных организаций по развитию системы помощи инвалидам, пришел к выводу, что «необходимым условием реализации качественной социальной политики является государственное регулирование помощи инвалидам».

В начале XX в. в рамках реализации социальной политики в Российской империи активно развивалась система социальной помощи инвали-

дам. В этот период в связи со сложностью внутривнутриполитической ситуации в стране и ростом числа инвалидов в обществе растет популярность общественных организаций социальной помощи инвалидам.

Социальная помощь оказывалась в таких сферах, как жилищные условия, социальное обеспечение, образование, социальное обеспечение и других, что способствовало их реабилитации и адаптации в обществе. Совместные усилия государства и общества позволили создать современную по тем временам инфраструктуру помощи инвалидам.

К социальной сфере помощи относилось использование специальных средств, приспособлений, необходимых для реабилитации и адаптации инвалидов. Техническими новшествами стали специальные лари, лифт, канализация с системой самоочистки.

В сфере образования инвалиды имели возможность посещать сапожно-швейные курсы, организованные «Обществом помощи семьям нижних чинов запаса и воинам ополчения Вятской губернии, призванным по мобилизации 1914 года», и президентом этого общества был губернатором.

В это время в качестве социально-психологической помощи раненым воинам и инвалидам войны был организован кружок «О приказании раненых и больных воинов к разумному и полезному занятию и развлечению».

В сфере социального обеспечения в стране проводились различные мероприятия, направленные на сбор пожертвований для инвалидов войны.

Таким образом, совместные усилия органов власти и общественных организаций позволили оказать помощь инвалидам в различных сферах их жизни.

Неизбежным следствием ведения боевых действий стало появление инвалидов-ветеранов Великой Отечественной войны, новой категории людей, нуждающихся в социальной защите.

Между серединой 1950-х и серединой 1980-х гг. в архивах накапливаются материалы по истории войны, затем начинается публикация некоторых из них. Появление источниковой базы создало условия для того, чтобы к тому времени появился ряд фундаментальных работ по истории Великой Отечественной войны. В них впервые анализируются важнейшие решения партии и Советского государства в социальной сфере, приводятся обобщенные данные о развитии здравоохранения, торговли, общественного питания и жилищного строительства.

Социальная защита инвалидов происходила в таких сферах, как трудоустройство, образование, также происходило материальное обеспечение посредством пенсий, обеспечение жильём.

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР от 06.05.1942 «О трудоустройстве инвалидов Отечественной войны» трудоустройство инвалидов войны становилось обязанностью управления компаниями и учреждениями. Большой поток демобилизованных хлынул на рынок труда, однако особых условий для осуществления профессиональной деятельности создано не было. В данном случае наглядно показана двойная система социальной поддержки инвалидов ВОВ.

В соответствии со ст. 56 Закона от 01.09.1939 инвалиды имели право на получение государственных пенсий. Размер пенсий был мал, инвалиды начинали нищенствовать, собирая милостыню на площадях и вокзалах. Из-за дефицита ресурсов местные власти активизировали население страны на помощь инвалидам войны.

10 июля 1945 г. СНК РСФСР обязал исполкомы местных Советов принять решения о первоочередной службе инвалидов-ветеранов Великой Отечественной войны в лечебных учреждениях, столовых, банях, прачечных, парикмахерских, швейных и ремонтных мастерских, городском транспорте, а также по приоритетной подаче топлива и ремонту квартир.

Также были установлены льготы на строительство и восстановление жилых домов, заключающиеся в выдаче ссуды в сумме от 5 до 10 тыс. рублей со сроком погашения от 5 до 10 лет. При этом 10 % жилого фонда необходимо было заселять нуждающимися демобилизованными, семьями военнослужащих, инвалидами ВОВ и семьями погибших воинов. Исполкомы и Совнаркомы республик обязаны отводить лесосеки на заготовку строительного материала, обеспечивать топливом в первоочередном порядке. Расширению жизненного пространства инвалидов ВОВ способствовало предоставление им мотоколясок (Постановление Совмин СССР от 03.07.1948 № 2 442).

Изучив материалы по проведению социальной политики в период Первой мировой и Великой Отечественной войн, можно сделать выводы о том, что интегрирование участников войн и инвалидов в мирный социум происходило дифференцированно и зависело от исторического периода. Я считаю, что в сравнении с Первой мировой войной социальная политика в период Великой Отечественной войны была более эффективна и стабильна. После Первой Мировой войны гражданское общество всегда относилось к героям уважительно и справедливо, однако действия со стороны государства носили волнообразный характер. После Великой Отечественной войны существовало огромное количество проблем в организации социальной помощи, однако большую роль в поддержке инвалидов играло государство. Несмотря на все трудности, социальная организация защиты инвалидов была показателем эффективной политики государства и развивала чувства патриотизма. Опыт прошедших лет показал нам, что социальная политика не должна быть завуалирована в стандартных обещаниях и программах к очередному мероприятию. Они ждут реальной помощи.

Список источников

1. Ведомость о числе населения по городам и уездам Вятской губернии за 1915 г. // Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. 1916.

2. Льготы ветеранам войны, воинам-интернационалистам и другим категориям граждан СССР: Сборник нормативных актов / под ред. В. А. Дзюбы. М., 2021.

3. Перемибеда П. А. Социально-экономический анализ проблемы комплексной реабилитации инвалидов войны и военной службы//Военно-социологические исследования : сб. ст. № 3. М., 2018.

4. Синицын А. М. Забота о раненых фронтовиках и инвалидах в годы Отечественной войны // История СССР. 2017. № 1.

5. Суркова И. Ю. Система социальной защиты участников ВОВ в СССР// Социология. К 65-летию Великой Победы. 2010. № 2.

О. Н. Калинин, начальник учебной части – заместитель начальника кафедры ракетно-артиллерийского вооружения Военного учебного центра *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

РОЛЬ ОБОРОННО-СПОРТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ФОРМИРОВАНИИ У НАСЕЛЕНИЯ СССР ВОЕННО-ПРИКЛАДНЫХ НАВЫКОВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1939–1945)

Аннотация. В статье рассматривается содержание утвержденных накануне Великой Отечественной войны программ подготовки стрелковых кадров в организациях Осоавиахима, нормы «Готов к ПВХО» и «Готов к санитарной обороне СССР». На основе анализа структуры и содержания этих программ делается вывод не только об их выраженном военно-прикладном и воспитательном характере, но и о незначительном бюджете учебного времени на их прохождение. При этом последнее не способствовало прочному усвоению населением военных знаний и прикладных навыков.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, оборонные комплексы СССР, ворошиловский стрелок, «Готов к ПВХО», «Готов к санитарной обороне»*

Abstract. The article examines the content of the programs approved on the eve of the Great Patriotic War for the training of rifle personnel in the organizations of Osoaviakhim, the norms «Ready for air defense» and «Ready for the sanitary defense of the USSR». Based on the analysis of the structure and content of these programs, it is concluded not only about their pronounced military-applied and educational nature, but also about the insignificant budget of educational time for their passage. At the same time, the latter did not contribute to the solid assimilation of military knowledge and applied skills by the population.

Keywords: *The Great Patriotic War, defense complexes of the USSR, Voroshilov shooter, «Ready for air defense», «Ready for sanitary defense»*

Накануне Великой Отечественной войны в Советском Союзе, осознавая неизбежность втягивания в начавшуюся 1 сентября 1939 г. Вторую мировую войну, большое внимание уделялось наращиванию оборонительного потенциала страны, в том числе подготовке военно-обученного резерва. Одним из направлений этой работы являлось привитие нужных военно-прикладных навыков широким слоям населения вневойсковым способом посредством вовлечения его в добровольные общества (Осоавиахим, Красного Креста и Красного Полумесяца) и сдачу соответствующих оборонных норм. При этом в организации «массово-политической» работы среди молодежи активное участие принимали комсомольские организации.

Главная же роль в военной подготовке населения отводилась Осоавиахиму, который обучал стрелков (юных ворошиловских стрелков (ЮВС), ворошиловских стрелков 1-й и 2-й ступеней (ВС-1, ВС-2)), а также основам противовоздушной и противохимической обороны («Готов

к ПВХО»). В свою очередь, на общество Красного Креста возлагалась задача по подготовке санитарных кадров и обучение населения по программе «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО).

Следует отметить, что обучение по программам ворошиловских стрелков, ГСО, ПВХО велось еще с середины 30-х гг. и для вовлечения не только взрослого населения, но и школьников предусматривало два этапа: первый – для учащихся в возрасте 13–16 лет (ЮВС, БГСО, ЮПВХО), второй – для граждан старше 16 лет (ВС-1, ВС-2, ПВХО, ГСО).

Вместе с тем накануне Великой Отечественной войны были пересмотрены все действовавшие к тому моменту программы. Так, 27 марта 1940 г. президиумом ЦС Осоавиахим СССР и РСФСР были утверждены программы подготовки стрелковых кадров (ЮВС, ВС-1, ВС-2) в организациях Осоавиахима. Их конечной целью являлась подготовка «беззаветно преданных социалистической родине дисциплинированных, инициативных, выносливых и самоотверженных стрелков, обладающих практическими навыками и знаниями для решительных действий в боевой обстановке». Обучение велось на основе уставов и наставлений Красной Армии в кружках первичных организаций и стрелковых клубах Осоавиахима. Сами же программы были построены из расчета поэтапной и последовательной подготовки стрелков. В возрасте 13–16 лет учащиеся осваивали нормы юных ворошиловских стрелков, после чего переходили к нормам ворошиловского стрелка 1-й ступени, а через год-полтора уже допускалась сдача на нормы ВС-2. При этом ворошиловские стрелки 1-й и 2-й ступеней рассматривались как военно-обученный резерв Красной Армии, в связи с чем в первую очередь готовились из числа физически здоровых, годных к военной службе членов Осоавиахима [1].

Вместе с тем, исходя из заложенного в систему подготовки принципа поэтапной подготовки, цели на каждой стадии обучения корректировались. Так, если целью ЮВС ставилось дать учащейся молодежи элементарные военные знания и практические навыки по строевой подготовке, стрелковому делу и физическому развитию. То целью ВС-1 – дать трудящейся молодежи основные начальные военные знания и практические навыки по строевой, тактической и стрелковой подготовке, а также физическому развитию. Соответственно, целью программы ВС-2 стало совершенствование имеющихся знаний и навыков – дать трудящейся молодежи основу военных знаний и практические навыки по строевой, огневой, тактической и физической подготовке для действия в боевой обстановке как самостоятельно так и в составе стрелкового отделения.

Перечень разделов программ и бюджет учебного времени, отведенного на их освоение, приведены в табл. 1. Количество изучаемых разделов увеличивалось по мере усложнения программы, но неизменно наибольшее внимание уделялось огневой, строевой и тактической подготовкам. Вместе с тем не менее интересно и содержание самих разделов. Так, в рамках уставов изучались правила воинской вежливости, а также обязанности военнослужащих и лиц внутреннего наряда.

Таблица 1

Сравнение разделов и учебного времени на их освоение
в осоавиахимовских программах подготовки стрелковых кадров 1940 г.

Раздел	Время, отводимое на изучение, в программах		
	ЮВС	ВС-1	ВС-2
1. Политическая подготовка	5	8	10
2. Устав внутренней службы	4	4	3
3. Строевая подготовка	10	22	12
4. Огневая подготовка	35	37	45
5. Топография	6	6	10
6. Химическая подготовка	4	6	6
7. Физическая подготовка	0	0	0
8. Устав караульной службы	0	6	6
9. Тактическая подготовка	0	18	38
10. Саперная подготовка	0	0	6
11. Санитарная подготовка	0	0	6
12. Зачетные испытания	6	8	8
Итого	70	115	150

В рамках политической подготовки рассматривались вопросы текущей политики, тематика которых утверждались региональными партийными органами.

В ходе строевой подготовки велось обучение строевым приемам с оружием и без оружия, на месте и в движении, в одиночном порядке и в составе подразделения.

На занятиях по огневой подготовке изучалась материальная часть малокалиберной винтовки (ТОЗ-8, ТОЗ-9), 7,62-мм винтовки образца 1890/1930 г., ручной гранаты образца 1933 г. (РГД-33), правила безопасного обращения с оружием и его обслуживания и сбережения. По 4 часа отводилось на выполнение подготовительных упражнений стрельбы из малокалиберной винтовки и метании ручных гранат.

На топографии велось обучение работе с топографической картой, на химической подготовке – пользованию противогазом и проведению дегазации оружия.

В ходе тактической подготовки, проводившейся с молодежью старше 16 лет, отрабатывались навыки скрытного перемещения, выбора огневой позиции в наступлении и обороне, ведению наблюдения за местностью и развитию глазомера.

На физическую подготовку отдельного времени не выделялось, так как предполагалось, что в ее зачет шла сдача норм на значок ГТО 1-й ступени, проводимый физкультурными организациями. Не имевшие этого значка сдавали норматив по лыжной подготовке (переход на 10 км) и преодоление с винтовкой 150-метровой полосы препятствий. Кроме того, перед каждым занятием в стрелковых клубах и кружках предусматривалось проведение 10–15 минутной физзарядки [2].

Весь учебный процесс строился с соблюдением твердой воинской дисциплины. Сдавшим испытания по стрельбе и гранатометанию вручались значки в торжественной обстановке на общем собрании первичной организации Осоавиахима.

8 апреля 1941 г. председателем ЦС Осоавиахим СССР генерал-майором авиации П. Кобелевым были утверждены новые нормы «Готов к ПВХО» 1-й ступени для населения страны, достигшего 16-летнего возраста, которые включали четыре нормы: защита от фугасных и осколочных бомб (7 часов); защита от зажигательных средств (6 часов); защита от отравляющих веществ (9 часов); обязанности и правила поведения населения в условиях ПВО (4 часа). Всего на прохождение программы учебным планом выделялось 28 часов [3].

При изучении первых трех норм основной упор делался на развитие практических навыков. Так, в ходе отработки первой нормы обучаемые должны были научиться: производить отрывку простейших земляных укрытий для защиты от авиабомб и быстро их занимать в случае опасности; разбирать завалы и извлекать из-под них пострадавших; оказывать им первую медицинскую помощь подручными средствами; переносить пострадавших различными способами; оказывать доврачебную помощь при обморожении и отравлении газами. При этом на отработку вопросов первой помощи пострадавшим при бомбардировке бомбами отводилось 4 часа, а на доврачебную помощь при поражении отравляющими веществами — 2 часа.

В ходе отработки второй нормы требовалось уметь: бороться с зажигательными средствами при помощи штатных средств пожаротушения (огнетушители, пожарные краны) и подручными средствами (песок, вода); оказывать доврачебную помощь пострадавшим при ожогах.

В ходе отработки третьей нормы требовалось уметь: правильно подобрать себе по размеру противогаз и пользоваться им в условиях применения противником отравляющих веществ не менее 1 часа; надеть противогаз на пострадавшего; преодолевать зараженные участки местности; пользоваться противохимическим пакетом; предохранять от заражения продукты питания и воду.

Четвертая норма носила теоретический характер и была направлена на изучение: организации противовоздушной обороны жилых домов, предприятий и учреждений, а также учебных заведений; правил поведения населения при пожаре, по сигналам «Воздушная тревога», «Химическая тревога» и их отмене.

Непосредственно подготовка населения к сдаче норм ПВХО 1-й ступени должна была проводиться в нерабочее время силами первичных организаций Осоавиахима, создававшихся по месту работы или учебы. С этой целью создавались осоавиахимовские кружки ПВХО численностью 20–25 человек, в которых занятия на безвозмездной основе проводили назначенные инструкторы-общественники. Школьники в возрасте 10–15 лет проходили обучение по отдельной упрощенной программе. Наряду

с проведением занятий в кружках практиковалось проведение массовых лекций, просмотр кинофильмов и чтение специализированной литературы по ПВХО.

Прием норм производился комиссиями (численностью не менее трех человек), состав которых утверждался райсоветом Осоавиахима и обязательно с проверкой практических навыков обучаемых. При этом каждая норма принималась по отдельности, в форме действий по вводным [4].

Тремя месяцами ранее, 9 января 1941 г., первым заместителем Наркомата Здравоохранения СССР, который одновременно являлся и председателем исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР С. А. Колесниковым были утверждены новые нормы «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО) для двух профилей подготовки. Непосредственно первый профиль предназначался для обучения призывников и военнообязанных навыкам оказания доврачебной самопомощи и взаимопомощи на поле боя при ранении или поражении боевыми отравляющими веществами. В рамках оказания первой помощи обучаемые получали навыки остановки кровотечения и наложения повязок при ранении и переломах, оказании помощи при ожогах, обморожении, обмороках, тепловом или электрическом ударах, отравлении, утонувшим. Велось обучение различным способам переноски раненых одним человеком или группой. Кроме того, допризывники и военнообязанные получали основные знания о мерах по борьбе с заразными болезнями. Всего на освоение этой программы отводилось 22 часа, из них 14 часов практических занятий и 8 часов – теория [5].

Второй профиль предназначался для обучения остальной части взрослого населения (включая женскую часть и невоеннообязанных мужчин) правилам: оказания первой медицинской помощи пострадавшим и их транспортировке, ухода за больными, общественной гигиены на производстве и в домашнем хозяйстве, предупреждения возникновения и распространения инфекционных заболеваний. На прохождение этой программы отводилось 34 часа, из которых теоретический курс составлял 10 часов. Примечательно, что раздел, посвященный уходу за больными, подлежал отработке при лечебных учреждениях амбулаторного и стационарного типов [6]. Сравнение разделов программы ГСО 1941 г. для первого и второго профилей приведено в табл. 2.

Учащиеся старших классов и им соответствующие готовились по упрощенной программе БГСО.

Подготовка населения по нормам ГСО должна была вестись в кружках под руководством медицинских работников, помощь которым могли оказывать успешно освоившие программу ГСО активисты-отличники. К сдаче норм 2-го профиля допуск производился только при предъявлении справки из медицинских учреждений о прохождении там перевязочной и процедурной 13-часовой практики, с перечнем процедур и манипуляций, выполненных обучаемым.

Таблица 2

Сравнение разделов программы ГСО 1941 г.
для первого и второго профилей

Раздел	Первый профиль, ч		Второй профиль, ч	
	теория	практика	теория	практика
1. Задачи Красного Креста	2	0	2	0
2. Первая медицинская помощь	4	8	4	8
3. Переноска раненых, больных и пораженных БОВ	0	4	0	3
4. Заразные болезни и их предупреждение	2	2	4	0
5. Уход за больными	0		0	13
Всего часов	8	14	10	24

В условиях военного времени еще острее встал вопрос необходимости подготовки не только обученных резервов для действующей армии, но и развертывания местной системы ПВХО. Эту работу требовалось провести с охватом миллионов человек в наиболее сжатые сроки, но без существенной потери качества. В связи с этим осенью 1941 г. программы добровольных обществ были скорректированы с учетом новых требований. Например, 14 октября 1941 г. была утверждена новая, единая для всего взрослого населения СССР сокращенная 16-часовая (в т. ч. 11 часов практических занятий) программа ГСО, содержащая разделы, аналогичные предыдущей программе этого же года.

Вместе с тем, анализируя содержание рассмотренных в статье программ, можно сделать вывод о том, что существовавшие в Советском Союзе оборонно-спортивные комплексы имели явно выраженный военно-прикладной и воспитательный характер, были нацелены на привитие населению страны вневойсковым способом (в первую очередь призывникам и военнообязанным) только первичных военных навыков. Однако достижение этой цели было возможно при комплексном освоении всех трех программ (ворошиловский стрелок, ГСО, Готов к ПВХО), которые были относительно краткими, но хорошо дополняли друг друга. При этом стоит отметить, что незначительное количество учебного времени, отведенного на прохождение программы, не способствовало прочному усвоению населением военных знаний и прикладных навыков.

Список источников

1. Программы подготовки стрелковых кадров в организациях Осоавиахима (юных ворошиловских стрелков, ворошиловских стрелков 1-й ступени и ворошиловских стрелков 2-й ступени). М. : Муромский рабочий, 1940. 34 с.
2. ЦАМО РФ. Ф. 57. Оп. 12 305. Д. 3. Л. 19–22.
3. Нормы «Готов к ПВХО» первой ступени. М. : Редиздат ЦС Осоавиахима СССР. 1941. 22 с.

4. Нормы «Готов к ПВХО» первой ступени. Томск : Красное Знамя. 1941. 22 с.

5. Материалы по подготовке к сдаче норм «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО): 1-й профиль. Молотов : Молотовский ОГИЗ. 1941. 18 с.

6. Материалы по подготовке к сдаче норм «Готов к санитарной обороне СССР» (ГСО): 2-й профиль. Омск : Омская правда. 1941. 16 с.

Б. Б. Очирова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

wowbera@bk.ru

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945)

Аннотация. В статье рассказывается о промышленных переселениях в Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Описываются причины эвакуации промышленных предприятий из западных регионов СССР, процесс переселения и его влияние на экономику и общество края. Статья также освещает роль Красноярского края в обеспечении фронта стратегически важными ресурсами и техникой, а также его вклад в Победу над фашистской Германией.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Красноярский край, промышленные переселения, эвакуация предприятий, военная техника*

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) Красноярский край стал одним из ключевых регионов Советского Союза, где происходили массовые переселения промышленных предприятий. Это было обусловлено необходимостью сохранить производственные мощности и обеспечить фронт стратегически важными ресурсами и техникой. Эвакуация промышленных объектов в восточные районы страны, включая Красноярский край, стала важной частью военной стратегии, направленной на поддержание обороноспособности государства.

С началом войны многие промышленные предприятия, расположенные в западных регионах СССР, оказались под угрозой захвата врагом. Было принято решение об эвакуации заводов, фабрик и научных учреждений в более безопасные восточные районы. Красноярский край, благодаря своему географическому положению и развивающейся инфраструктуре, стал одним из приоритетных направлений для переселения (табл. 1).

Эвакуация промышленных предприятий в Красноярский край происходила в несколько этапов. Сначала были сформированы специальные комиссии, которые оценили возможности переноса производств и определили наиболее подходящие места для их размещения. В процессе эвакуации предприятия разбирали, упаковывали оборудование и отправляли его по железной дороге в Красноярск и другие города края.

Эвакуация промышленных предприятий оказала значительное влияние на экономику Красноярского края. Промышленные мощности, которые были перенесены в регион, не только увеличили объем производства, но и способствовали созданию новых рабочих мест. Множество людей, в том числе эвакуированных рабочих и специалистов, переселились в край, что привело к росту населения и изменению социальной структуры.

Таблица 1

Предприятия, эвакуированные в Красноярский край

Предприятие	Место эвакуации
Брянский машиностроительный завод	Сибтяжмаш в г. Красноярске
Коломенский завод № 4	Красноярский машиностроительный завод («Красмаш»)
Тульский авиационный завод	Красноярский авиаремонтный завод
Запорожский комбайновый завод и Люберецкий завод сельскохозяйственной техники	Красноярский ликеро-водочный завод (впоследствии Красноярский комбайновый завод)
Шосткинский пороховой завод, кислородный цех Каменск-Шахтинского химического комбината, гидролизный завод № 13, Новомосковский химический комбинат № 100	Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат (впоследствии на основе эвакуированных предприятий образовался отдельный химкомбинат «Енисей»)
Каменск-Шахтинский химический комбинат	Красноярск, Пермь, Соликамск, Реж, Казань, Стерлитамак, Краснокамск Ленинградский НИИ «Вектор»
Ленинградский завод № 9	Корпуса Сибирского лесотехнического и Красноярского технологического институтов (Красноярский радиотехнический завод)
Онежский машиностроительный завод	Красноярский механический завод (впоследствии «Краслесмаш»)
Шосткинская киноплёночная фабрика	Здание спортивно-стрелкового штаба Осоавиахима (завод «Квант»)
Мончегорский комбинат «Североникель»	Норильский металлургический комбинат
Высоковская прядильно-ткацкая фабрика, Озерецкий хлопчатобумажный комбинат, Ленинградская фабрика «Красная нить»	Канский хлопчатобумажный комбинат

Кроме того, в Красноярском крае активно развивалась инфраструктура: строились новые дороги, увеличивались объёмы поставок сырья и материалов, что способствовало не только военным нуждам, но и развитию региона в послевоенный период.

Эвакуация также затронула научные учреждения. В Красноярск были перемещены ряд научно-исследовательских институтов, которые продолжали свою работу над разработками, необходимыми для фронта. Например, Ленинградский НИИ «Вектор» стал активно заниматься разработкой новых технологий и материалов для нужд армии.

Промышленные переселения в Красноярский край в годы Великой Отечественной войны стали важным этапом в истории региона. Эвакуация предприятий не только позволила сохранить производственные мощности, но и значительно укрепила экономику края, создав основу для его дальнейшего развития в послевоенные годы. Вклад Красноярского края в победу над фашизмом был значительным, и его роль в обеспечении фронта стратегически важными ресурсами и техникой невозможно переоценить.

Список источников

1. <https://memorial24.ru/krasnoyarsk-kak-gorod-trudovoy-doblesti> (дата обращения: 10.11.2024).
2. Вост.-Сиб. правда. 1941. 19 дек.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 561. Л. 307.
4. Шевченко В. Н. Организация оборонной промышленности в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Теория и история. 2002. № 1.
5. Архивное Агентство Администрации Красноярского края (ААА КК). Ф. п-26. Оп. 4. Д. 165. Л. 103, 104.

А. В. Черноусов

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассмотрена история функционирования оборонной промышленности в Красноярском крае в период с 1941 по 1945 г. Описан второй этап формирования ВПК СССР. Особое внимание уделяется организации производства, мобилизации человеческих ресурсов и поддержки фронта.

Ключевые слова: ВПК, Красноярский край, оборонная промышленность, производство, мобилизация, медицина, военные формирования

Abstract. The article “Military industrial complex of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War” examines the history of the functioning of the defense industry in the Krasnoyarsk Territory in the period from 1941 to 1945. The article discusses the second stage of the formation of the military-industrial complex of the USSR. Special attention is paid to the organization of production, the mobilization of human resources and the maintenance of the front.

Keywords: Military industrial complex, Krasnoyarsk Territory, defense industry, production, mobilization, medicine, military formations

Великая Отечественная война стала одним из самых значительных и трагических событий в истории России, оказавшим глубокое влияние на все сферы жизни общества. В условиях жестокой борьбы с фашизмом, когда каждая минута и каждая тонна боеприпасов имели решающее значение, военно-промышленный комплекс (ВПК) приобрел особую актуальность. В этом контексте Красноярский край, находящийся в центре Сибири, стал важным стратегическим регионом, который не только обеспечивал фронт необходимыми ресурсами, но и активно участвовал в формировании военных подразделений, что делает его вклад в общую победу неоценимым.

Во время Великой Отечественной войны Красноярский край стал важным звеном в системе ВПК Советского Союза. С началом войны на территории края активизировались работы по мобилизации, начавшиеся 22 июня 1941 г., когда в Красноярске заработали два мобилизационных пункта. Эти структуры сыграли решающую роль в формировании и укомплектовании стрелковых дивизий и добровольческих батальонов. Именно здесь был мобилизован значительный контингент местных жителей, что позволило обеспечить фронт необходимыми ресурсами и силами: «за годы Великой Отечественной войны на фронт было призвано почти 500 тысяч жителей Красноярского края» [1, с. 1 056].

Кроме того, одно из приоритетных направлений работы края – создание и развитие оборонной промышленности. С сентября 1941 г. по февраль 1942 г. на территорию Восточной Сибири было эвакуировано 32 завода, занимающихся оборонной продукцией, которые стали основой местной военной промышленности. К концу 1942 г. на базе эвакуированных заводов появились оборонные предприятия Красноярского края и Иркутской области. При этом не только увеличилось количество оборонных предприятий, но также изменился подход к размещению промышленности. Появились совершенно новые отрасли – производство паровозов, сельскохозяйственное машиностроение, гидролизная промышленность и производство жидкого топлива, артиллерийских и минометных вооружений, боеприпасов и киноплёнки. Авиационная промышленность достигла нового, более высокого уровня [2, с. 45]. Непосредственно на местах проходили восстановление и модернизация предприятий, которые специализировались на производстве различной военной техники. В оборонной промышленности лучше всего развивалась авиационная, которая была представлена тремя небольшими предприятиями. Одним из таких примеров стало открытие Красноярского авиационного ремонтного завода, который значительно увеличил свои мощности и стал ключевым для обеспечения фронта авиационной техникой и ее ремонта [3, с. 244]. Завод и другие предприятия активно работали на удовлетворение нужд армии, что способствовало успешному лестничному развитию оборонной промышленности региона.

Важно отметить, что Красноярский край стал важным узлом для транспортировки грузов, особенно для обеспечения воздушных систем сообщения, проложенных между Уэлькалем и Красноярском. Эта воздушная трасса имела ключевое значение как для фронта, так и для глубокого тыла, поскольку через нее осуществлялась подача необходимых ресурсов и военной техники. Это позволяет говорить о значительном историческом и военном значении маршрута и инфраструктуры. Строительство военного аэродрома воздушной трассы Красноярск – Уэлькаль в Нижне-Илимске явилось хорошей основой для дальнейшего развития воздушного транспорта в Среднем Приангарье, Нижне-Илимском районе после окончания Великой Отечественной войны [4, с. 152]. Местные жители, конкретно рабочие и инженеры, проявили исключительную самоотверженность. Они регулярно преодолевали трудности, связанные с отсутствием необходимых материалов и критической нехваткой рабочей силы. Именно трудовые усилия людей, которые обеспечили выполнение производственных планов, оказали решающее влияние на развитие всей военно-промышленной базы Красноярского края в годы войны.

Не менее значимой была роль женщин, стариков и детей, которые заполнили вакантные места на производстве [4, с. 151]. В условиях дефицита рабочей силы и постоянного напряжения, вызванного войной, эти категории населения стали основой производственной мощи, что немало способствовало усилиям региона по выполнению государственных планов.

Параллельно с военными действиями на фронте Красноярский край столкнулся с важной задачей медицинского обеспечения. Система тылового медобслуживания была структурирована таким образом, чтобы максимально эффективно реагировать на потребности военных и местного населения. Несмотря на резкое сокращение работников, помощь медицинским периферийным учреждениям, расположенным на территории края в полтора миллиона квадратных километров, оказывалась квалифицированно и своевременно. Работники многих учреждений работали с удлинённым рабочим днем и очень часто круглосуточно [5, с. 4]. Создание эвакогоспиталей стало ответом на острые нужды фронта и позволило обеспечить медицинскую помощь раненым. Работа эвакуационных госпиталей, несмотря на кадровые, материальные, дисциплинарные, межведомственные, профессиональные и другие проблемы, с течением времени только улучшалась: медперсонал получал необходимую квалификацию, организация сортировочных госпиталей способствовала эффективности распределения потоков раненых, военные комиссары госпиталей добивались жёсткой дисциплины. Но главное, госпитали добились серьёзных показателей по спасению раненых солдат и офицеров: «Процент умерших в госпиталях края был небольшим – всего 0,99–1,16 %». А «выписка в строй составляла 70–75 %» [6, с. 50]. Однако сложные условия, в которых приходилось работать медицинским работникам, не могли не сказаться на качестве обслуживания. Несмотря на все препятствия, медицинская служба края делала все возможное для спасения жизней.

Жизненные реалии жителей Красноярского края в годы войны во многом определялись не только мужеством, но и необходимостью борьбы за выживание в условиях нехватки ресурсов и постоянной угрозы. Каждый член общества, независимо от роли, внес свою долю в общий вклад в дело победы. Красноярцы не только стали героями на различных фронтах, но и ежедневно преодолевали трудности, проявляя неимоверную стойкость и преданность делу, что впоследствии увековечило их имена в истории.

В годы Великой Отечественной войны производственные достижения Красноярского края стали значимым вкладом в общую победу страны. Эвакуация более 32 предприятий в регион сыграла критическую роль в наращивании оборонной мощи. В частности, осуществлялась передислокация заводов машиностроения и металлургии, которые быстро перенаправили свои усилия на выпуск военной продукции, включая танки, оружие и боеприпасы. В результате Красноярский край стал одним из тех мест, где произошел мощный рост производительных сил и серьезное обновление технической базы [1, с. 1057]. Для обеспечения оборонных нужд активно развивались новые технологии и производственные процессы. Множество ранее мирных предприятий переключилось на выпуск военной техники. К примеру, знаменитый завод «Сибсельмаш» организовал массовое производство дизельных и гусеничных машин, которые были неразрывно связаны с потребностями фронта [3, с. 246]. В условиях войны важ-

но было не только наладить широкоразмерное производство, но и организовать на местах системы обучения рабочих профессиям, что также стало частью стратегии усиления ВПК [7, с. 265].

Не менее важным аспектом работы в Красноярском крае была организация оборонно-массовой работы, которая обеспечивала мобилизацию местных ресурсов и широкое вовлечение населения в значимые задачи. Одной из ключевых организаций в этом процессе был Осоавиахим, занимавшийся подготовкой резервистов и укреплением оборонного потенциала. Спортивные и военные клубы также призывали молодое поколение активно участвовать в патриотических акциях и мероприятиях, формируя тем самым дух общности [8, с. 68].

Стоит отметить, что Красноярский край, обладая богатейшими природными ресурсами и развитой промышленной базой, стал одним из центров производства военной техники и вооружения. Местные предприятия были перепрофилированы для нужд фронта, что позволило значительно увеличить объемы производства. Это стало возможным благодаря высокому уровню организованности и мобилизации человеческих ресурсов, что, в свою очередь, свидетельствует о мужестве и патриотизме местного населения. Люди, несмотря на трудности и лишения, активно включались в работу на заводах, в полях и на строительстве оборонительных сооружений, демонстрируя невероятную стойкость и преданность своей стране. Следует выделить значимость медицинской помощи и роль медицины в условиях войны. Красноярский край стал не только производственным, но и медицинским центром, где оказывалась помощь раненым солдатам. Местные медицинские учреждения и работники здравоохранения проявили героизм, обеспечивая лечение и реабилитацию бойцов, что также способствовало поддержанию боеспособности армии.

Вклад Красноярского края в победу над фашизмом был значительным и многогранным. Это не только достижения в сфере военного производства, но и мужество, стойкость и самоотверженность местного населения, которое, несмотря на все трудности, продолжало работать на благо своей страны.

Список источников

1. Черемисинова М. М., Любимова В. В., Томилина К. А., Антипова Н. М., Бабуева А. Р. Вклад красноярского края в дело победы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2020. № 3. С. 1056–1058.
2. Оборонная промышленность Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : монография / Н. В. Пахомова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2012. 160 с.
3. Шевченко В. Н. Организация военно-промышленного строительства в Сибири в начальный период Великой Отечественной войны // Известия АлтГУ. 2009. № 4-1. С. 243–249.

4. Фромич Ю. В., Ступин В. П. Аэродром Красноярской особой воздушной трассы // Наука без границ. 2018. № 4 (21). С. 146–153.
5. Горяев Д. В., Филатова С. А., Тевеленок О. Г. 72 года Победы: санитарно-эпидемиологическая служба Красноярского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // ЗНиСО. 2017. № 5(290). С. 4–6.
6. Кожевников С. В. Проблемы эвакогоспиталей Красноярского края в 1941–1943 гг. И вклад в их преодоление В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) // СибСкрипт. 2018. №1 (73). С. 46–52.
7. Шевченко В. Н. Вклад промышленности Сибири в укрепление обороноспособности страны в годы Великой Отечественной войны // Известия АлтГУ. 2009. № 4. С. 263–270.
8. Гарин Е. Н., Гарин Е. Е., Леопа А. В. Оборонно-массовая работа партийно-государственных и общественных организаций Красноярского края (1939–1940 гг.) // ВИЖ. 2020. № 9. С. 67–71.

ЧАСТЬ 5. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ И ЕГО РОЛЬ В ГОСУДАРСТВЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

УДК 323.1+323.2+32.019.51+327.3+327.8

Р. Ю. Батищев, кандидат политических наук,
доцент кафедры истории и теории государства и права
Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия
romanbatishhev@rambler.ru

ОБРАЗЫ ВОЙН ПРОШЛОГО В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются основные стратегии и функции образов военного прошлого в политике памяти российских регионов. Основные стратегии регионов России выстроены вокруг репрезентации советского прошлого, восстановления «исторической справедливости» и поиска новых образов прошлого. Функции образов военного прошлого варьируются от консолидации и выстраивания региональной идентичности до конкуренции за финансовые и туристические потоки. В отличие от федерального центра политика памяти ряда регионов России имеет ясное концептуальное оформление и цельность. Кроме того, существует тенденция перехватывания ряда региональных коммеморативных практик федеральным центром, а также борьба регионов за федеральную мемориальную повестку.

Ключевые слова: политика памяти, региональная политика памяти, культурная травма, война, военные коммеморации, российский федерализм

Abstract. The article deals with regional politics of memory's main strategies and functions of the images of war past. Russian regions' main strategies are based on the representations of Soviet past, the restoration of "historical justice" and the finding of new images of past. War past images' functions vary from consolidation and construction of regional identity to competition for financial and tourist flows. It is noticed, in contrast to federal center, some Russian regions' politics of memory has a conceptual design and wholeness. Besides, there are a trend from federal center to intercept some regional commemorative practices and a competition between regions for a federal memorial agenda.

Keywords: politics of memory, regional politics of memory, cultural trauma, war commemorations, Russian federalism

Предваряя дальнейшие теоретико-методологические рассуждения, стоит подчеркнуть, что в России только в последние годы сформировалось чёткое понимание важности сохранения исторической памяти. До этого

времени регионы страны активно занимались созданием собственных представлений о прошлом, в том числе о военных событиях.

Рассматривая политику памяти на региональном уровне как отдельный феномен, который иногда может противоречить официальной позиции государства, стоит обратиться к общественно-политической ситуации 1990-х гг.

Распад СССР и стремление регионов к независимости в 1990-е гг. стали причиной формирования региональных репрезентаций прошлого и началом развития политики памяти на региональном уровне. Исследователь Д. А. Аникин справедливо отмечает, что фраза первого президента РФ Б. Н. Ельцина, который разрешил регионам РСФСР брать столько суверенитета, сколько они смогут «переварить», стала толчком к формированию региональных политико-исторических представлений [1, с. 123].

В выстраивании собственной политики памяти регионы России в основном придерживаются трёх основных стратегий, выделенных исследователем Д.А. Аникиным:

- 1) репрезентация советского прошлого;
- 2) восстановление «исторической справедливости» (реконструкция досоветских или нессоветских образов прошлого);
- 3) поиск новых образов прошлого и стратегий их репрезентации [1, с. 124].

В некоторых регионах России, где особенно сильны были левые настроения среди населения, так называемый «красный пояс», стратегия представления советского прошлого казалась наиболее подходящей. Региональные власти таким образом получали поддержку населения на фоне острых социально-экономических проблем и противостояния с «демократами» из федерального центра.

В противовес репрезентации советского прошлого, все постсоветские десятилетия региональные сообщества России формировали политику памяти, основанную на идее восстановления исторической справедливости. Можно выделить четыре основных направления мемориальной политики:

1. Коммеморация дореволюционного периода. В ходе этих мероприятий происходило восстановление исторических названий улиц и населённых пунктов, а также установка монументов в честь деятелей дореволюционной эпохи. Одним из актуальных трендов в настоящее время является увековечивание памяти о событиях Первой мировой войны [2].

2. Коммеморация нес советской истории. К этой сфере деятельности относятся мероприятия, посвящённые памяти участников «белого движения» и других сил, противостоявших советской власти. В отличие от первого направления, эти мероприятия часто носят ярко выраженный политический характер и могут быть связаны с конфликтами и скандалами. Например, большой резонанс в обществе вызвали попытки установить памятную доску К. Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге [3], попытки реабилитации нацистских пособников П. Н. Краснова [4] и А. Г. Шкуро [5] в южных регионах России.

3. Коммеморация жертв политических репрессий. В настоящее время можно отметить, что общественные организации проявляют большую активность в этой сфере, чем государственные структуры. Что касается участия органов власти субъектов Российской Федерации в мероприятиях, посвящённых политическим репрессиям, то оно чаще всего связано с определённым направлением региональной политики памяти – трагедиями народов, связанными с депортациями в 1940-е гг. Это особенно актуально для некоторых регионов России (северокавказские республики [6], Республика Калмыкия [7] и т. д.).

4. Коммеморация постсоветской истории России. Особенно ярко это проявляется в регионах, где жил и работал первый президент России Борис Ельцин. В его честь названы улицы, Уральский федеральный университет, создан «Ельцин-центр» в Екатеринбурге.

В некоторых регионах пытаются создать новые образы прошлого, которые не были отражены в дореволюционных и советских образах. К примеру, так называемый Утёс Степана Разина в Саратовской области или легенды об атамане Кудеяре в Липецкой области. Это делается для того, чтобы привлечь туристов и инвесторов. Кроме того, такие коммеморативные практики в целом менее политизированные и резонансные.

Важность региональной политики памяти для современной России объясняется несколькими причинами. Во-первых, в стране существует большое культурное разнообразие, и каждый регион имеет свои уникальные традиции и историю. Во-вторых, федеральный центр не всегда имеет чёткую политическую позицию по этому вопросу, поэтому региональные практики памяти могут быть более актуальными.

Один из ярких примеров – акция «Бессмертный полк», которая изначально возникла в Томске, но стала одним из самых значимых мероприятий в России и за её пределами. В ней активно участвуют первые лица государства. Эта практика не нова для России, так как многие памятные мероприятия были взяты из регионов и стали федеральными. К ним относится и День народного единства, который связан с активностью нижегородских историков и краеведов.

Иногда конкуренция между регионами за продвижение своей повестки на федеральный уровень может быть довольно острой. Например, Калужская область борется за то, чтобы «День окончания Великого стояния на реке Угре» получил общегосударственный статус, но сталкивается с сопротивлением Татарстана. Представители Татарстана, включая парламентариев, общественных деятелей и академические круги, единодушно выступают против введения такого праздника, считая его угрозой межнациональному согласию [8].

Анализируя политику памяти регионов России в отношении памятных дат военной истории, необходимо учитывать, что помимо официальных целей сохранения исторического наследия, героико-патриотического воспитания молодёжи и т. д., регионы часто используют военные коммеморации как инструмент повышения туристической привлекательности

своих территорий, а также как основу для формирования региональной идентичности и создания регионального бренда.

В современной России можно найти несколько примеров того, как образы прошлых войн, в частности Великой Отечественной войны, могут стать основой региональной идентичности субъектов РФ. В первую очередь это относится к Волгоградской области и памяти о Сталинградской битве, которая до сих пор остаётся самым значимым событием в массовом историческом сознании жителей Волгограда (данные социологического исследования 2019 г. от РФФИ и администрации Волгоградской области) [9]. Волгоградские исследователи рассматривают «образ Сталинграда и Мамаева кургана как основу культурно-символического пространства Волгоградского региона» [9, с. 111] и подчёркивают, что «смыслы и образы исторических побед страны остаются основными объединяющими конструкциями для расколотого [многолетним политическим и управленческим кризисом в регионе – *Р. Б.*] сознания населения Волгоградской области» [9], а «сталинградские мотивы» выступают «доминирующей социальной мифологемой в политической идентичности населения» [9]. В этом же контексте стоит рассматривать и периодически возобновляющиеся разговоры о возвращении Волгограду названия Сталинград [10].

Ещё один пример того, как военная история территории влияет на формирование региональной идентичности, – город федерального значения Севастополь. Исторические события, которые сформировали региональную идентичность жителей Севастополя, связаны с военными действиями. Это оборона города в 1854–1855 гг., события Гражданской войны (Севастополь как один из пунктов, куда направлялись участники белого движения), оборона города в 1941–1942 гг. Интересно, что севастопольская модель идентичности, основанная на образах военного прошлого, имеет чёткую географическую привязку. Это позволяет чётко разделять понятия «Севастополь» и «Крым» [11, с. 206]. Кроме того, подчёркивается, что сохранение региональной (и локальной) самобытности севастопольцев тесно связано с усилением их вовлечённости в памятные мероприятия, посвящённые, главным образом, военным эпизодам из истории города [12].

В последнее время можно заметить, как некоторые регионы России соперничают за право быть главным хранителем памяти о важных событиях военного прошлого. Это не только повышает их имидж, но и приносит коммерческую выгоду, например, увеличивает туристический поток и привлекает федеральное финансирование. Одним из таких событий является битва на Курской дуге, переломное сражение Великой Отечественной войны. Курская, Орловская и Белгородская области претендуют на то, чтобы считаться главными хранителями памяти об этом сражении. Хотя в историографии и учебниках принято называть это сражение «битвой на Курской дуге», Курская область не стала главным хранителем памяти о нём. Этот статус получила Белгородская область, которая в 1990-е гг. создала масштабный мемориальный комплекс «Прохоровское поле». Организация и строительство комплекса были под личным контролем губернатора Бел-

городской области Е. С. Савченко, который организовал сбор пожертвований и финансовую поддержку проекта в трудные 1990-е гг. [13]. В свою очередь, есть попытки со стороны орловской общественности высказать свои претензии на символический капитал битвы на Курской дуге через изменение его названия на «Орловско-Курскую дугу»: данное название встречается в ряде советских источников [14], однако в основном такое наименование локализовано в пределах самой Орловской области и используется исследователями из Орловской области [15–17].

Таким образом, субъекты Российской Федерации можно рассматривать как полноценных участников процесса формирования исторической памяти. Они способны создавать собственную повестку, оказывать влияние на федеральный центр и конкурировать друг с другом. Взаимодействие регионов с федеральным центром в сфере исторической памяти не может быть описано с помощью модели «вертикали власти». Для анализа их отношений требуется более сложная модель. В политике памяти российских регионов образы военного прошлого выполняют различные функции. Они могут использоваться для укрепления региональной идентичности, а также в коммерческих целях, для регионального брендинга и как инструмент конкуренции за бюджетные средства и туристические потоки.

Список источников

1. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. № 3 (18), 2012. Волгоград: Волгоградский государственный университет. С. 121–126.

2. Пахалюк К. А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации первой мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109–131.

3. Мерзликин П. Доска Маннергейму в Петербурге: зачем открыли, кто поддержал и почему ее не хотели снимать // «Бумага» (14.10.2016). URL: <https://paperpaper.ru/doska/>.

4. Гавриленко А. Поход на Краснова. Сносить ли памятник казачьему атаману? // «Российская газета» – Юг России. №160 (7028) (21.07.2016) URL: <https://rg.ru/2016/07/21/reg-ufo/zhiteli-dona-potrebovali-snesti-pamiatnik-atamanu-krasnovu.html>.

5. Майсурян А. В детском саду № 221 Краснодара славят генерала СС Шкуро // Maysuryan. LiveJournal (24.08.2018) URL: <https://maysuryan.livejournal.com/700417.html>.

6. Рахаев Д. Я. Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // ЛиТ. Исторический альманах. 2014. №5. С. 350–380.

7. Сангаджиева Д. В. Мемориальный комплекс «Исход и возвращение» в Элисте – память о депортации калмыцкого народа // Искусство Евразии. 2020. № 1 (16). С. 306–318.

8. Рахматуллин Т. Депутаты о памятной дате стояния на Угре: «Не приглашать татар – это нонсенс, такого быть не должно!» // «Реальное время» (27.08.2019). URL: https://realnoevremya.ru/articles/149492-v-tatarstane-otvergli-ideyu-prazdnovat-stoyanie-na-reke-ugre?utm_source=mobile&utm_medium=redirect&utm_campaign=mobile.

9. Мариненко В. И. Проблемы формирования региональной идентичности ненациональных регионов на примере Волгоградской области // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2021. № 2. С. 39–45.

10. Ефанова Е. В. Историческая справедливость в контексте современного дискурса «Царицын-Сталинград-Волгоград» // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции, Санкт-Петербург, 15–17 ноября 2018 года. Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2018. С. 207–208.

11. Сибиряков И. В. Севастополь и севастопольцы: проблемы локальной советской идентичности // Дискурсология: методология, теория, практика. 2016. Т. 1. №. 10. С. 197–208.

12. Тучина О. Р. Исторический опыт и коммеморативные практики в контексте национальной и локальной идентичности: кроссрегиональный анализ (Севастополь – Новороссийск) // Гуманизация образования. 2021. № 5. С. 45–59. DOI 10.24411/1029-3388-2020-10190.

13. Борзунов С. Белогорье. Прохоровское поле // «Наш современник». Очерк и публицистика, № 3, 2003. URL: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2003&n=5&id=10>.

14. Курская дуга или Орловско-Курская дуга – как правильно? // Малоархангельск. Неофициальный сайт г. Малоархангельск (Орловская область) (05.07.2016) URL: <https://maloarhangelsk.ru/kurskaya-duga/>.

15. Губаненкова С. М. К вопросу о роли России во второй мировой войне: современный политико-исторический аспект // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2015. С. 297–304.

16. Извеков Ф. С. Курская битва глазами рядового артиллериста // Стратегия развития индустрии гостеприимства и туризма : материалы VII Международной интернет-конференции. Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2018. С. 303–306.

17. Ливцов В. А., Пожидаев А. С., Нилаева К. С. Проблема фальсификации истории второй мировой войны: Орловско-Курская дуга // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 100–107.

Л. В. Белгородская, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
blv.kr@yandex.ru

УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ В СОСТАВЕ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ ПОЗДНЕСТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей исторического образования и бытования корпорации историков в позднесталинской России (1946–1953 гг.). Рассмотрены предписанные и реальные модели поведения студентов-фронтовиков в учебной, научной деятельности, выявлено их отношение к внутривнутриполитической ситуации в стране.

Ключевые слова: визуальный поворот, 1946–1953 гг., студенты-историки, фронтовики-историки, воспоминания советских историков, образы советских студентов на фотографиях

Abstract. The article is devoted to identifying the peculiarities of historical education and the existence of a corporation of historians in late Stalinist Russia (1946–1953). Models of prescribed and real behavior patterns of front-line students in educational and scientific activities are considered, and their attitude to the internal political situation in the country is revealed.

Keywords: visual turn, 1946–1953, history students, war veterans-historians, memoirs of Soviet historians, images of Soviet students in photographs

В современной научной литературе рассмотрены этапы и особенности развития исторического образования в позднесталинском СССР, специфика историографического быта советских ученых-историков [1]. Цель настоящей публикации состоит в изучении морально-психологического состояния историков в первые послевоенные годы и исследовании роли фронтовиков-студентов в составе корпорации историков. Задача заключается в оценке отношений и настроений «снизу»: через восприятие этими студентами процесса образования, истории как науки, выяснение их отношения к политическим акциям.

Автор также выясняет, какая роль отводилась историческому знанию в послевоенной стране, каким образом шла трансляция информации по истории, как студенты участвовали в идеологических кампаниях. Для реализации задач привлечены следующие группы исторических источников: визуальные, устные, письменные. Ценным источником стали фотографии студентов-историков 1945–1953 гг.

В конце XX в. в гуманитарных науках произошел так называемый «визуальный поворот» (*visual turn*). Исследователи осознали, что изобра-

жений, подобно текстам и устным свидетельствам, являются важным историческим источником. Российские историки постепенно осознают, что для современной науки визуальное не менее информативно, чем нарративные материалы, начинают постигать визуальные тексты. Однако до сих пор мало кто из авторов пользуется возможностью изучать изобразительные источники, чаще их используют лишь для иллюстрации выводов, к которым исследователь пришел другим путем [2, с. 8, 9, 13].

Термин «эго-документы» был введен в конце XX в. Так принято называть группу источников, исходящих от конкретного человека и, как правило, написанных от первого лица. Самые распространенные виды эго-документов, изучаемые специалистами, – это дневники и письма. Кроме того, к числу таких источников относят записные книжки, мемуары и автобиографии, устные свидетельства. Для понимания исторического контекста и психологии людей послевоенного времени изучены письменные и устные воспоминания отечественных ученых-историков, которые были студентами/аспирантами исторических факультетов. Интерес представляют опубликованные воспоминания и дневники фронтовиков-историков: А. М. Некрича, В. В. Цаплина. Основная ценность доступных дневников кроется в том, что долгие годы они были эмоциональным и политическим убежищем для историков.

Лицам, окончившим среднюю школу с золотыми и серебряными медалями, после Великой Отечественной войны было предоставлено право поступать в вузы без сдачи приёмных экзаменов [3, с. 84]. Участники Великой Отечественной войны, успешно сдавшие экзамены, зачислялись в вузы вне конкурса. Кроме того, эта категория студентов освобождалась от платы за обучение на подготовительных отделениях и курсах. Льготы распространялись также на имевших законченное среднее образование (средняя школа, техникум, педагогическое училище). Для наиболее способных студентов устанавливались именные стипендии им. И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина и других государственных деятелей.

На фотографии студентов МГУ, сделанной 1 сентября 1945 г. в Большой Коммунистической аудитории (обычно там читались лекции студентам гуманитарных факультетов), на первом плане видим девушку и юношу в военной форме. В 1950 г. в МГУ 60 % всех мест предоставлено медалистам. В числе абитуриентов – 132 коммуниста и 4 976 комсомольцев; 155 абитуриентов имели правительственные награды. Среди поступающих 125 человек – участники Великой Отечественной войны. Самый высокий конкурс был в тот год на историческом факультете [4].

Рис. 1. Большая Коммунистическая аудитория МГУ. 1 сентября 1945 г.

Будущий доктор исторических наук Н. Н. Сабуров потерял зрение в ходе военных действий в 1941 г. В 1943 г. поступил в Московский университет, позднее перевелся в Ленинградский университет, окончил аспирантуру. Николай Николаевич был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, восьмью медалями. Фронтовикам в университетах приходилось преодолевать физические и нравственные сложности, например, снобизм столичных выпускников. Литературный герой А. И. Солженицына на слова молодого кандидата наук, спросившего провинциала-капитана с высокомерием «Вы, собственно... из какой местности?» достойно ответил: «Вам не пришлось там побывать. Из фронтовой местности. Из поселка Блиндажный» [5, с. 299]. Знаменитый снайпер Людмила Павлюченко ещё в 1937 г. поступила на исторический факультет Киевского университета, после войны успешно защитила диплом и стала старшим научным сотрудником Главного штаба ВМФ СССР.

Член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин поступил на исторический факультет Ленинградского университета сразу после школы. Подчеркнем, что пятилетнее обучение на истфаках восстановлено решением СМ СССР в послевоенном 1946 г. В опубликованных воспоминаниях, устных выступлениях перед коллегами в начале двухтысячных, в личных разговорах с автором публикации историк рассказывал о большой роли студентов-участников войны в жизни факультета, их независимом поведении в сложной политической и нравственной атмосфере в университете. Весной 1949 г. была проведена антикосмополитическая конференция на историческом факультете ЛГУ, незабываемая для всех, кто на ней присутствовал. «Почти каждый из наших учителей должен был выступить с признанием собственных антипатриотических или иных методологических ошибок или с обличением в таковых коллег...» [6, с. 67–69]. Вспоминать об этом, говорил учёный в личном разговоре, было всегда больно и неприятно. Студенты должны были вести себя крайне осторожно, поскольку любая вольность в высказываниях могла иметь серьёзные последствия, но были и смельча-

ки. Р. Ш. Ганелину вторит выпускник ЛГУ, будущий академик А. Б. Давидсон.

Л. Н. Гумилёв поступил в 1934 г. на восстановленный исторический факультет ЛГУ, позднее был осужден. В 1944 г. Туруханским районным военкоматом призван в Красную армию, участвовал в Берлинской операции. После демобилизации окончил экстерном университет. В 1948 г. в ЛГУ чудом состоялась защита им кандидатской диссертации. Р. Ш. Ганелин, присутствовавший на защите фронтовика, по памяти привёл характеристику диссертанта, в то время работавшего библиотекарем больницы для душевнобольных на Васильевском острове: «Дана Гумилёву Льву Николаевичу в том, что он работает в психиатрической больнице им. Белинского. К книжному фонду относится бережно. Пользуется заслуженным авторитетом среди персонала и больных». Вскоре после защиты участника войны, кандидата наук вновь отправили в лагерь.

Первые послевоенные годы были исключительно сложными для внутреннего развития страны. Продолжались политические репрессии, в чём-то их масштаб превосходил размах репрессий в годы «большого террора». 1949 г. был особенно важным годом в позднесталинской истории СССР. Это год похолодания международной обстановки, год оформления НАТО, создания ядерного оружия в СССР. Рассматривая общественно-политические настроения в университетах и институтах, нельзя не сказать об идеологических кампаниях послевоенных лет: борьбе с аполитичностью, формализмом, низкопоклонством перед Западом, космополитизмом. Сложное положение сложилось для исторической науки и системы профессионального и базового исторического образования в целом.

Еще в 1947 г. Совет МГУ принял решение «О патриотическом долге учёных», в котором отмечено, что «в трудах отдельных учёных МГУ проявлялись элементы низкопоклонства перед буржуазной наукой и культурой, недооценка достижений науки и культуры народов Советского Союза, игнорирование роли отечественных учёных в развитии мировой науки» [7]. В течение трёх дней (25, 26 и 28 марта 1949 г.) происходило заседание Учёного совета исторического факультета, посвященное вопросу о борьбе с буржуазным космополитизмом в советской исторической науке.

На рубеже 1940–50-х гг. приём в аспирантуру обязательно производился по анкетным данным, так как преподаватели общественных наук должны были утверждаться партийными органами. С. С. Дмитриев вспоминал, что его ученику, блестящему выпускнику истфака МГУ, не светило место в аспирантуре, поскольку его отец был репрессирован [8, с. 184].

Капитан А. М. Некрич после демобилизации решил поступить в аспирантуру МГУ. «Сначала я, конечно, пришел на истфак, но атмосфера, царившая там, мне не понравилась. Кто-то посоветовал мне сходить на Волхонку, в Институт истории Академии наук СССР». Фронтовик вспоминал: «Кампания против космополитов заставила меня глубоко и серьезно задуматься над тем, что происходит в нашей стране. Ведь я знал многих из преследуемых историков лично, и никакие речи или газетные статьи

или даже постановления ЦК не могли меня убедить в том, что эти люди относятся враждебно к нашему государству или переметнулись на сторону врагов. Кстати, сразу возникал вопрос, кто же эти враги? Их стало слишком много» [9, с. 44]. Историк начал работу над историей Великой Отечественной войны. В 1965 г. издательство «Наука» выпустило его книгу «1941, 22 июня». Автор использовал новые нарративные источники, эго-документы; впервые заявил о пренебрежении руководства страны к информации о готовящейся агрессии. Специальная глава исследования так и называлась «Предупреждения, которыми пренебрегли». Автора исключили из партии за извращение политики партии в начальный период войны.

Студент Историко-архивного института В. В. Цаплин не поступил в аспирантуру, поскольку пересдавал на отличную оценку экзамен по основам марксизма-ленинизма. Фронтовику, обучающемуся в вузе под тотальным контролем НКВД, постоянно чистившем свой личный архив, хватило мужества сохранить записи, сделанные в 1949 г.: «Я на все хочу иметь собственное мнение и мыслить своими мозгами...», «Интересно, когда прекратится поток излияний верноподданнических чувств «дорогому и любимому И. В. С... Читать противно» [10, с. 38].

В изученных коллекциях фотографий удалось обнаружить коллективные снимки студентов истфаков региональных вузов – Пензенского педагогического института 1947–1948 гг. и Иркутского пединститута 1949, 1950 гг. На пензенском снимке девушек в два раза больше, чем юношей (20 против 11), на другом снимке девушек больше уже в три раза (29 против 10). Один из студентов Пензы в военной форме с медалью и орденом на груди. Иркутский снимок историков 1949 г. сделан на фоне огромного портрета И. В. Сталина в полный рост. Примечательно, что снимок следующего года той же группы студентов в том же месте сделан так, что портрет вождя практически не вошел в кадр. Сложно предположить, что это сделано умышленно, но это примечательный факт, учитывая дальнейшее развитие политической ситуации в стране. Фотограф невольно, а может и умышленно, уменьшил значимость визуальной фигуры лидера страны.

Сложная ситуация с кадровыми чистками сложилась в конце 1940-х гг. в сибирских вузах. Исторический факультет открылся в Красноярском пединституте только в 1942 г. Среди его первых студентов был в будущем известный историк, участник Великой Отечественной войны Д. Волкогонов. Позднее он окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. Остро не хватало квалифицированных специалистов, но в 1950 г. Красноярский крайком партии по собственной инициативе направил в ЦК ВКП(б) служебную записку «О крупных недостатках в работе Красноярского государственного педагогического института». Политические ошибки в преподавании и «засорение» преподавательского состава лицами, не внушающими доверия, стоили ректору вуза потери должности. Новый ректор В. Ф. Голосов и руководитель учебной части – будущий академик Л. В. Киренский – подверглись жесткой критике за защиту опальных преподавателей и студентов [11, с. 40]. Доцент кафедры истории

СССР П. К. Сменян был репрессирован за хранение в домашней библиотеке якобы националистической литературы. Позднее он был реабилитирован.

В 1948 г. в Красноярском пединституте стал работать М. Б. Шейнфельд. Был призван в РККА в 1940 г., в возрасте 18 лет. Служил танкистом в составе 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, в бой вступил уже в конце июня, участвовал в Смоленском сражении и обороне Москвы. К осени 1941 г. – командир танка БТ-7. 11 декабря на Наро-Фоминском направлении в танк, которым командовал М. Б. Шейнфельд, попал снаряд и машина загорелась. Потеряв обе ноги и правую руку, Михаил Борисович был комиссован из армии. Он научился сначала ходить на протезах с костылями, а затем и вовсе с тростью. В 1943 г. после выхода из госпиталя поступает на исторический факультет Томского университета, был Сталинским стипендиатом, по окончании вуза в 1948 г. был направлен на работу в Красноярский пединститут. По устным воспоминаниям М. Б. Шейнфельда после университета Красноярский педагогический институт выглядел несколько провинциальным, «... в 1948 г. я пришел работать на кафедру истории СССР ассистентом, на историческом отделении работало только два кандидата наук». Участник войны, будущий доктор исторических наук П. Н. Павлов окончил после войны Ленинградский пединститут и начал работу на истфаке Красноярска в 1951 г.

На фотографиях послевоенных лет один из самых популярных сюжетов – это образы студентов, тщательно конспектирующих книги. В воспоминаниях заслуженного профессора МГУ В. П. Смирнова подчеркивается, что преподаватели истории, марксизма-ленинизма и социально-экономических дисциплин более всего ценили подробные конспекты и знание работ классиков марксизма-ленинизма и решений партии. Особенно важным считалось знание цитат и умение воспроизводить их близко к тексту. Автор пишет, что перед экзаменом студенты задавали друг другу проверочные вопросы, на которые надо было ответить точно словами из «Краткого курса», «Основ ленинизма». «Куда ушёл Плеханов? Ушёл в кусты, отписавшись парой незначительных статей фельетонно-критического характера» [10]. В студенческих работах больше всего ценили удачные цитаты. Практика подготовки к занятиям через постоянное конспектирование рекомендованных работ отражала реалии образования послевоенных лет. Многие герои романа А. И. Солженицына «В круге первом» тоже постоянно конспектируют классиков. Лейтенант Тюкин, например, точно знал, что на политзанятии «главное было не ответить, а представить конспект» [12, с. 12].

Система исторического и политического просвещения в послевоенном СССР включала в себя все группы населения, независимо от возраста и уровня образования. Понедельник был по всему Советскому Союзу днём политучёбы. В этот день школьники старших классов, домохозяйки, пенсионеры с шести до восьми часов садились за парты и разворачивали конспекты, написанные в воскресенье. Прочитаем ещё строки романа А. И. Солженицына «В круге первом», действие которого происходит

в печально знаменитом 1949 г. «Историю партии Нового Типа прорабатывали очень углублённо. Каждый год, начиная с 1 октября, изучали ошибки народников, ошибки Плеханова и борьбу Ленина-Сталина с экономизмом, легальным марксизмом, оппортунизмом, хвостизмом, ревизионизмом, анархизмом, отзовизмом, ликвидаторством, богоискательством и интеллигентской бесхребетностью... Так шло повсюду каждый год и за годом год». «...На политучебке спрашивали «почему на втором съезде надо было размежеваться, и это правильно, на пятом объединиться, и это снова правильно, а с шестого съезда опять всяк себе, и это опять-таки правильно» [5, с. 509]. Так что читающие и конспектирующие студенты на послевоенных фотографиях могли готовиться не только к учебным, а и к так называемым политзанятиям или к выступлениям «перед трудящимися». Преподаватели внушали студентам с первого курса, что историки – это прежде всего бойцы идеологического фронта.

Послевоенные годы принесли историкам невольную защиту. Праздновались 800-летие Москвы в 1947 г., 70-летие И. В. Сталина, когда вся страна готовилась к важным событиям и всё было пронизано желанием показать успехи в социалистическом строительстве под руководством лидера партии. Событие требовало участия историков в прославлении вождя. К тому же в стране широко отмечалось 225-летие учреждения Академии наук. С. И. Вавилов в Ленинграде на юбилейной сессии Общего собрания и отделения наук СССР призвал «восстановить историческую правду, показать историческое высокое место отечественной науки в мировой культуре» [9, с. 48]. Историки понадобились для прославления достижений отечественной науки. Примечательно, что пятнадцатилетие восстановления исторических факультетов в 1934 г., которое отмечалось корпорацией историков, было омрачено сложной внутривополитической ситуацией. Даже банкетирование преподавателей МГУ по этому поводу в знаменитом ресторане «Москва» прошло, по словам историка С. С. Дмитриева, «шумно и невесело» [8, с. 193].

Таким образом, рассмотренные источники дают материал для понимания места студентов-фронтовиков среди историков, нравственно-психологического состояния студентов в послевоенные годы. Острое желание учиться, исследовать прошлое, изучать историю войны, быть успешным в профессии соединялось с необходимостью штудировать идеологизированные материалы, ссылаться на оценки классиков марксизма-ленинизма; учебная деятельность была больше направлена на запоминание, а не на размышление. Мастерство студентов часто сводилось к конспектированию текстов, а не оценке убедительности и аргументированности тезисов авторов.

Эмоциональный мир и модели поведения студентов и преподавателей, которые считались допустимыми и общественно-одобряемыми в рассмотренной группе источников, – скромность, сдержанность, единомыслие, серьезность. Публичные поведенческие модели состояли в следовании

и неследовании предписанным правилам и стандартам поведения будущих идеологических работников.

В число студентов исторических факультетов столиц и провинций влилось в рассмотренные годы большое число фронтовиков. Они «задавали тон жизни» для вузов, часто были примером и образцом для всех остальных в учебной, научной деятельности, поведении в сложной общественной ситуации.

Список источников

1. Виноградов Д. Е. Кампания по борьбе с космополитизмом в исторической науке (по воспоминаниям историков) // Рязановские чтения (Восьмые) : м-лы науч. конф. М., 2023. С. 225–236; Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (сер. 1940-х–1953). М.: СПб, 2016. 424 с.; Ушмаева К. А. Основные этапы и особенности развития исторического образования в вузах России 20–90-е гг. XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2011. 51 с.
2. Бёрк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю. М. : Эксмо, 2023. 368 с.
3. Высшая школа. Основные постановления, приказы, инструкции. М., 1948.
4. Московский университет. 1950. 10 авг.
5. Солженицын А. И. В круге первом: роман. М. : Книжная Палата, 1990. 592 с.
6. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чём они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х–1970-х годах. СПб: Изд-во «Нестор-История», 2004. 216 с.
7. Московский университет. 1947. 29 сент.
8. Дмитриев С. С. Дневники: в 4 т. Т. 1. 1941–1960. СПб. : Алетейя, 2023. 1378 с.
9. Некрич А. М. Отрекшись от страха. Воспоминания историка. London: Overseas publications Interchange Ltd., 1979. 417 с.
10. Черешня А. Г. «Я на всё хочу иметь собственное мнение...» дневник архивиста В. В. Цаплина 16 июня 1952 – не ранее 6 января 1955 г. // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 83–112.
11. Генина Е. С. Наступление на научно-педагогическую интеллигенцию Сибири в период борьбы с космополитизмом (1949–1953 гг.) // Известия Алтайского госуниверситета. 2008. № 4–5 (60). С. 38–45.
12. Смирнов В. П. От Сталина до Ельцина: автопортрет на фоне эпохи. М. : Новый хронограф, 2011. 504 с.

Т. В. Дядкина, учитель истории и обществознания,
руководитель поискового отряда «Наследие»
МКОУ «Береславская СШ», Береславка, Россия
tatyana-dyadkina@yandex.ru

СТРАНИЦЫ БИТВЫ НА ВОЛГЕ: АЛЮМИНИЕВЫЙ ТЮБИК

Аннотация. В 2018 г., во время поискового выезда-разведки в район бывшего хутора Кравцов (территория Береславского сельского поселения, Калачевского района, Волгоградской области), отрядом «Наследие» был найден алюминиевый предмет, совсем неприметный с виду. Но, приглядевшись к нему, обнаружили надписи на немецком языке: «Бона», сыр «Тильзитер», «20 %», «1942 г», «125 г». Кто его оставил в нашей Сталинградской степи в 1942 г.? Поиск ответа на этот вопрос открыл для нас новые страницы Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Бранденбург-800, диверсанты, 66 ОМСБр, поисковый отряд «Наследие», алюминиевый тубик

Abstract. In 2018, during a reconnaissance search trip to the area of the former Kravtsov farm (the territory of Bereslavsky rural settlement, Kalachevsky district, Volgograd region), the Heritage detachment found an aluminum object completely inconspicuous in appearance. But after looking at it closely, they found an inscription in German. "Bona", cheese "Tilsiter", "20 %", "1942", "125 g". Who left him in our Stalingrad steppe in 1942? The search for an answer to this question has opened new pages of the Battle of Stalingrad for us.

Keywords: Brandenburg-800, saboteurs, 66 OMSBr, search party "Heritage", aluminum tube

Нам было очень интересно и важно узнать об этом артефакте. Мы даже не предполагали какие страницы истории битвы на Волге мы для себя откроем. Поиск ответа на наши вопросы по поводу немецкого алюминиевого тубика из-под сыра занял два года, собирали по крупицам. Сведения в интернете, на поисковых сайтах дали информацию о том, что в немецкой армии существовали «специальные рационы». Они производились для солдат, выполняющих задачу в особых условиях, и такой сыр входил в состав 48-часового пайка немецких парашютистов-диверсантов.

В интернете мы нашли рассказ краеведа и исследователя Сталинградской битвы Артёма Чунихина [2] и узнали о том, что в Сталинградской битве участвовали диверсанты полка «Бранденбург-800». 800-й полк особого назначения «Бранденбург» (с 1943 г. – дивизия) – специальное формирование германских вооружённых сил, созданное в 1940 г. на основе батальона особого назначения по инициативе гауптмана Теодора фон Хиппеля, при активном участии руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса.

С 1939 г. первое (базовое) подразделение и роты, и батальона, и полка «Бранденбург» всегда было укомплектовано лицами, прекрасно знающими русский язык и условия Восточной Европы.

Их явно готовили не для войны с англичанами и не для покорения бедуинов. Еще задолго до начала войны с СССР личный состав «Бранденбурга» был укомплектован советской военной формой (в том числе и самой престижной и внушающей страх – «нквэдэшной»), советским оружием, транспортом.

«Бранденбуржцев» старались использовать именно для диверсионных действий в ближайшем тылу советских войск.

Участию этого подразделения в Сталинградской битве посвящена статья А. С. Трофимова «Бранденбурги под Сталинградом». «В конце августа бранденбурги сумели даже при плотной и серьёзной нашей обороне организовать разведывательный заход в город Красноармейск. И, убедившись, что высота 133,7, господствующая над местностью, была очень хорошо укреплена, генералом Толбухиным, командующим 57 армией, немецкое командование отказалось от наступления на Красноармейск с юга. И в это же время произошёл успешный прорыв танков Паулюса к Волге на севере. И планы захвата Сталинграда поменялись.

Известна неудачная попытка диверсантов «Бранденбург» захвата моста через реку Червлёная для создания плацдарма в районе Абганерово. Имитировалась погоня двух немецких танков за нашим грузовиком в котором сидели переодетые в красноармейцев немцы. Но при въезде автомашины на мост он был взорван. То ли что заподозрили, то ли решили не рисковать. Танки также удалось подбить» [4].

Река Червленная сейчас является частью канала Волга – Дон, а до его постройки на берегу реки стояли села и хутора: Рокотино, Береславка, Кравцов, Скляров.

На сайтах ОБД «Мемориал» «Память народа» есть сведения о том, что по приказу командарма 64-й армии М. С. Шумилова на 29 августа 1942 г. 157 СД, 66-я ОМСБр, должны отступить держась направления балка Самородная, х. Скляров – х. Береславский, переходить через плотину на восточный берег реки Червленная и занимать позиции.

Подтверждения, что в этих балках понесли большие потери выходящие части 64-й армии, находятся в воспоминаниях и других материалах, опубликованных на интернет-ресурсах [1].

В тяжелом положении оказались 66-я и 154-я морские стрелковые бригады, 115-й Укрепрайон и несколько батальонов Орджоникидзевского пехотного училища. Они лишь успели дойти до внутреннего оборонительного обвода, как 31 августа противник танковыми соединениями перекрыл единственный ведущий к Волге (по железнодорожной линии Сталинград – Донская) узкий коридор. Все вышеуказанные части, за исключением 154-й морской стрелковой бригады, уже к 1 сентября оказались в окружении в районе станции Карповская. Удалось установить, что только 66-я морская бригада полковника Державина с 31 августа по 3 сентября потеряла

без вести пропавшими 761 человека, в том числе 60 командиров. Потери 66-й ОМСБр при этом отходе составили более 1 000 человек. Вышедшая в район Верхней Ельшанки она насчитывала в боевых порядках около 200 человек.

В 2019–2020 гг. к юбилею Победы мы начали сбор сведений о каждом бойце 66-й морской стрелковой бригады, 157-й стрелковой дивизии павшем или пропавшем без вести на территории нашего Береславского сельского поселения 30 августа – 1 сентября 1942 гг. В нашей картотеке собралась информация о многих из них. Писали запросы, изучали данные сайтов «ОБД-Мемориал», «Память народа». Собрали сведения и о военветвраче 3 ранга 66-й ОМСБр Александре Федоровиче Быстрове. По данным о потерях 66 ОМСБр, он пропал без вести в районе х. Береславский. Оказалось, что он не пропал без вести, а попал в плен, в районе х. Береславский, выжил и после освобождения из плена воевал до Победы. О чем свидетельствовали его награды. В апреле – мае 2020 г., благодаря интернет-проекту «Дороги Победы», мы обнаружили фото военветврача, капитана 3 ранга А. Ф. Быстрова, которое разместили его родные. В сопровождающей информации сообщалось о том, что он пропал без вести в районе х. Береславский. Мы посчитали, что родные не знают о том, что А. Ф. Быстров выжил, и решили связаться с ними через администраторов сайта. Благодаря им завязалась переписка с внуком капитана 3 ранга, военветврача 66-й ОМСБр. Оказалось, что после войны А. Ф. Быстров воссоединился со своими родными и прожил ещё много лет. Он оставил воспоминания «Семейные хроники Быстрова», которые прислал нам его внук.

«СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ» VII121. В конце августа или в начале сентября 1942 г. большой обоз вспомогательных служб ночью передвигался в предписанное ему место по изрезанной балками Сталинградской степи. Старший ветврач Быстров находился на своей подводе и старался хоть немного соснуть под скрип колёс и тряску. Под утро пал туман и стало прохладно. Спать уже не хотелось. Впереди через дымку тумана показались военные регулировщики и флажками стали указывать обозу двигаться вниз, в очередную степную балку. Как только весь сонный обоз заполз в низину, на выходе из неё, на самом верху показался танк со свастикой. И вскоре другой такой же закрыл и вход в балку. Мышеловка захлопнулась. Умелые немецкие диверсанты легко разыграли роль советских военных регулировщиков. Мысль старшего ветврача работала автоматически. Сопротивление бессмысленно, бежать некуда. Значит плен».

О диверсантах в этом районе содержатся сведения на сайте «Память народа» в журнале боевых действий 104 гв. с. п. 64-й армии от 03.09.1942.

Вот откуда в нашей степи под Сталинградом оказался немецкий тубик сыра 1942 г. В этом же месте в период следующей поисковой разведки мы нашли еще два таких же тубика. Эта история нашла отражение в музейной экспозиции поискового исследовательского отряда «Наследие» и открыла для нас новые страницы Сталинградской битвы, новые страницы мужества и героизма защитников Родины. Какого врага победили!

Список источников

1. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ba9f4488f17a800aa4e222a/suhoi-paek-vermahta-pochemu-nikto-ne-znaet-o-specialnyh-racionah-5ffb2accaf142f0b17aa82aa>.
2. Чунихин Артем. Август 1942 года. Бои южнее Сталинграда. URL: vladimirkrym.livejournal.com/9613219.html.
3. «Бранденбург 800»: как действовали диверсанты Гитлера на территории СССР. URL: https://news.rambler.ru/other/40467236/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink; <https://news.rambler.ru/other/40467236-brandenburg-800-kak-deystvovali-diversanty-gitlera-na-territorii-sssr/>
4. Трофимов А. С. «Бранденбурги под Сталинградом». <https://proza.ru/2021/01/04/437>.
5. Бои на южных подступах к г. Сталинград 25.08 – 13.09.1942 г. URL: <https://waralbum.ru/community/ww2/13/paged/4/>.
6. Рыбчинский М. Б. 76-я гвардейская десантно-штурмовая Черниговская Краснознаменная дивизия: исторический очерк. Псков, 2009.
7. «Память народа». Журнал боевых действий 104 гв. сп период с 03.09.1942 по 02.02.194.
8. Быстров А. Ф. «Семейные хроники».
9. Чунихин Артем. Забытый Сталинград. На флангах великого сражения. URL: <https://iknigi.net/avtor-artem-chunihin/193287-zabytyy-stalingrad-na-flangah-velikogo-srazheniya-artem-chunihin.html>

Л. Л. Москалев

*Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева, Красноярск, Россия*

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЯХ ИСТОРИИ

Аннотация. Показаны возможности военно-исторического наследия региона как инструмента сохранения памяти о значимых событиях истории России, реализации государственной политики в области исторического просвещения, направленной на формирование общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти.

Ключевые слова: *военно-историческое наследие, государственная политика в области исторического просвещения, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, общероссийская гражданская идентичность, коллективная историческая память, военно-историческая реконструкция*

Abstract. The possibilities of the military historical heritage of the region as a tool for preserving the memory of significant events in the history of Russia, the implementation of state policy in the field of historical education aimed at the formation of the all-Russian civil identity and collective historical memory are shown.

Keywords: *military historical heritage, state policy in the field of historical education, traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values, all-Russian civil identity, collective historical memory, military historical reconstruction*

Важное место в реализации государственной политики в области исторического просвещения, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, формирование научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти [1], занимает сохранение военно-исторического наследия России.

Патриотическое воспитание на основе военно-исторического наследия, российская и региональная самоидентификация подрастающего поколения и в целом жителей – это одна из актуальных проблем сибирских регионов. Молодежь зачастую слабо ценит роль историко-культурного наследия как мощного инструмента самореализации и саморазвития в достижении жизненных целей. В то же время сибирский регион обладает уникальным военно-историческим наследием, опираясь на который возможно формировать традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, такие как патриотизм, гражданствен-

ность, служение Отечеству. Сибирские регионы на протяжении многих лет были пограничной территорией, что сформировало их предназначение в истории России, военно-историческую специализацию. Эти регионы стали полем битвы русских первопроходцев и кочевников. Возведение острогов и форпостов было вызвано необходимостью осуществлять контроль пограничных территорий. Строительство острогов решило несколько задач: они стали щитом для поселения русских крестьян и отправной точкой для дальнейшего движения на юг российской государственности и культуры. Сегодня этот богатейший и уникальный историко-культурный капитал практически не используется в рамках патриотического воспитания, у жителей Сибирского региона, особенно молодежи, наблюдается недостаточный уровень знаний в области истории родного края.

В преддверии 400-летия города Красноярска обращение к военно-историческому наследию края может послужить одной из важнейших составляющих работы по историко-патриотической деятельности, направленной на историческое просвещение, формирование уважительного отношения к историческому прошлому, сохранение исторической памяти о защитниках Отечества, о значимых событиях истории России. К ним, безусловно, относится освоение Сибири в XVI–XVII вв.

Цели и задачи формирования общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти определены в Указе Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». В числе задач указана господдержка общественных объединений, деятельность которых направлена на сохранение исторической памяти, и проектов, реализуемых в данной сфере, в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России.

Значительную роль в историческом просвещении на основе военно-исторического наследия Сибири играют такие субъекты государственной политики, как общественные объединения энтузиастов, реконструирующих военную историю, в том числе события, связанные с освоением огромных сибирских территорий в XVI–XVII вв. События XVII в. – прекрасный пример храбрости, целеустремлённости, умения оборонять себя и при этом стремления к миру. Это ключ к ответам на вопросы, актуальные до сих пор. Осмысление обстоятельств, причин и последствий сражений – прочная основа для гармоничных отношений русского и других народов, иллюстрация пути от противостояния к совместному развитию. Период освоения Сибири – очень значительный, в то время шло формирование на евразийских просторах российского государства-цивилизации.

В регионах Сибирского федерального округа накоплен значительный опыт сохранения военно-исторического наследия периода освоения Сибири средствами военно-исторической реконструкции, что свидетельствует о запросе на патриотику, самоидентификацию в российском обществе, об интересе к истории страны, которой можно гордиться.

К характерным особенностям деятельности по сохранению военно-исторического наследия данного периода в Сибири можно отнести следующие:

- привязка к региональной и исторической специфике;
- воссоздание материальной культуры русских воинов, хозяйственно-бытового уклада русского и коренного населения;
- усилившаяся в последние годы тенденция на акцентирование не столько материальной, сколько духовной культуры, традиционных духовно-нравственных и историко-культурных ценностей;
- сотрудничество реконструкторов с органами государственной власти и местного управления;
- взаимодействие реконструкторов с научными, музейными организациями, в том числе изготовление реплик для музейных экспозиций;
- использование при проведении мероприятий подлинных или реконструированных материальных объектов;
- привлечение к военно-исторической реконструкции обучающихся образовательных организаций и воспитанников молодежных объединений, в том числе, организация детского военно-исторического лагеря;
- проведение мероприятий военно-исторической реконструкции с привязкой к государственным праздникам, памятным датам, дням города (поселения);
- межрегиональное сотрудничество военно-исторических общественных объединений при проведении мероприятий в сибирских регионах;
- успешный опыт сотрудничества военно-исторических общественных объединений по привлечению федеральных и региональных грантовых средств для реализации деятельности по сохранению военно-исторического наследия;
- ориентация проектов по сохранению военно-исторического наследия на просветительскую, образовательную функцию.

Так, в Омской области военно-исторический клуб «Кованая рать – служилые люди Сибири» занимается изучением военной истории Омского региона XVI–XX вв. и реконструкцией предметов материальной культуры русских воинов. Историческая реконструкция подразумевает достоверное воссоздание образов военных различных периодов российской истории посредством изготовления точных копий элементов гражданского и военного костюмов. В клубе создана инфраструктура – мастерские, позволяющая реализовывать поставленные популяризаторские задачи. Существуют обширные связи с другими военно-историческими клубами Омского региона и России. Сегодня клубом создано более 800 реплик старинных предметов: холодное оружие, доспехи, модели стрелкового оружия, исторические костюмы и др. В 2016 г. в дни празднования трехсотлетия Омска состоялся молодежный межрегиональный военно-исторический фестиваль «Сибирское царство». В нем участвовали более 80 представителей военно-исторических клубов из Томска, Екатеринбурга, Экибастуза, Павлодара,

Новосибирска, Омска и районов Омской области. Организатором проекта выступил клуб реконструкции «Кованая рать – служилые люди Сибири», руководитель – В. Минин. Партнер клуба – Омский НПЗ, на грант которого был достроен Барабинский острог, соответствующий реальным острогам, которые возводили сибирские казаки. Внешний облик острога воссоздан по историческим источникам, которые сохранились в архивах. Клуб «Кованая рать – служилые люди Сибири» проводит для детей экскурсии по Барабинскому острогу, который представляет собой музей. В помещениях по стенам развешано средневековое оружие, металлические кольчуги воинов, шкуры диких зверей. За два дня фестиваля гости узнали много нового о процессе присоединения Сибири к Московскому царству, традициях и образе жизни людей того времени, познакомились с материальной культурой XVI–XVII вв., увидели лучный турнир, пушкарские и стрелецкие состязания и ладейный бой. Кроме того, участники фестиваля показали батальную сцену времен взятия Сибири. Сражение представляло собой реконструкцию отражения русскими атаки калмыков на Барабинский острог. Все эти события действительно происходили на территории региона в XVI в. Всего за два дня фестиваль посетили несколько тысяч человек. И они увидели не только эффектное зрелищное действо, но и смогли узнать многое о жизни наших предков, осваивавших Сибирь более 400 лет назад, узнать о ратном деле и быте той эпохи. В 2021 г. в Омске в День России в Омской крепости прошел военно-исторический фестиваль «Служилые люди Сибири: веками на страже границ». Омичи стали свидетелями реконструированного боя с кочевниками, поучаствовали в интерактивных площадках. Для зрителей подготовили реконструкцию исторических событий в Барабинских степях XVII в. На берегу Иртыша набег кочевников отражали русские воины. В основу батальной постановки «Защита ясачного населения» легли события, происходившие в Барабинских степях в XVII в. В тот период служилые люди Московского царства после присоединения территорий Западной Сибири выстраивали границы, приводили к присяге русскому царю местное население, а затем отстаивали их интересы, защищая от набегов кочевников. В сложном бою русские воины одержали победу, несмотря на превосходящие силы кочевников. После реконструкции битвы омичи приняли участие в интерактивных площадках. Организаторы фестиваля разбили территорию Омской крепости на секции, участвуя в которых омичи могли познакомиться и сравнить русскую армию XVII и XXI вв. На площадке «Лекарская» омичи узнали, как оказывали первую помощь раненым бойцам в XVII в. – военным в основном прижигали раны, лечили травами, бальзамами, молитвами и лечебными амулетами.

В Кемеровской области в 2017 г. на территории музея-заповедника «Кузнецкая крепость» состоялась военно-историческая реконструкция «Кузнецкий рубеж. Сибирь в войнах XVII в.». Это проект Кемеровского государственного университета, который проводился при поддержке Федерального агентства по делам молодежи в рамках реализации программы

«Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.». Проект посвящен реконструкции одного из сражений, произошедшего осенью 1682 г. близ Кузнецкого острога между русским казачьим войском (к которому примкнули абинцы и выезджие телеуты), возглавляемым кузнецким воеводой Петром Дубровским, и отрядом кыргызов, тувинцев и телеутов под руководством князя Матура-тайши. Кроме того, в рамках мероприятия воссоздавался повседневный быт народов, населяющих Кузнецкий уезд, в том числе русских и шорцев, для более полного погружения участников и зрителей в реконструируемую эпоху, а также для более тесного знакомства с народами, населяющими Сибирь. Участниками реконструкции стали представители Омской городской общественной организации «Военно-исторический клуб живой истории “Кованая рать – Служилые люди Сибири”» и Томской региональной общественной организации «Военно-историческое объединение “Служилые люди Сибири – Томский острог”», которые реконструируют служилое сословие Сибири XVI–XVII в. Они воссоздали сражение русского казачьего отряда с людьми князя Матура-тайши. Лаборатория этносоциальных и этноэкологических исследований КемГУ в декабре 2018 г. организовала в музее-заповеднике «Кузнецкая крепость» военно-историческую реконструкцию «Сибирь на рубеже веков: от войны к миру». Любители истории стреляли из луков и ручниц, бились саблями и демонстрировали древние приёмы маневрирования и строя, а операторы сняли фильм о грозной эпохе освоения Сибири. Реконструкция посвящена сражению 1690 г. между гарнизоном Кузнецкого острога и отрядом инородцев, в основном енисейских кыргызов, под руководством Магитка, сына кыргызского князя Таин Ирка. Ремесленники давали мастер-классы гончарного и кузнецкого ремесла: гости своими руками пытались сделать горшок, выковать нож или сапожную подковку. Для самых активных и крепких мужчин организовали молодецкие игры – перетягивание каната, метание бревна. В проект «Сибирь на рубеже веков: от войны к миру» вошла не только реконструкция сражения, но и большое мероприятие в музее «Кузнецкая крепость», и серия лекций для школьников об этом важном периоде. В проекте было важно рассмотреть не просто битву, а весь комплекс отношений пришлых русских людей и местного населения – телеутов, шорцев, енисейских кыргызов.

С 2019 г. военно-исторические клубы Сибири собираются в Кузбассе на межрегиональный фестиваль исторической реконструкции «Каменная Книга», посвященный событиям XVII в., связанным с освоением Сибири. В 2019 г. около 100 человек в общей сложности приняли участие в театрализованном сражении у Верхотомского острога на территории музея-заповедника «Томская писаница» и показали, каким был повседневный быт сибиряков три и более столетия тому назад. Под залпы сибирских оружейников и пушечные выстрелы кемеровчане и гости фестиваля смогли погрузиться в атмосферу разных исторических эпох. Военно-исторические клубы из Новосибирска, Томска, Омска, Кемерово разбили на территории кузбасского музея-заповедника «Томская писаница» насто-

ящий исторический лагерь, который объединил на своих площадках сразу несколько эпох. Здесь можно было познакомиться с викингами, воинами раннего средневековья и сибирскими стрельцами XVI–XVII вв. Гости фестиваля могли поучаствовать в рыцарских турнирах, освоить древние ремесла, оседлать коня и пострелять из лука. Подобные мероприятия проводились впервые и предлагали кемеровчанам новый духовный взгляд на историю, пояснил в свою очередь один из организаторов мероприятия Илья Арефьев. «Необходимо показывать не материальную культуру, а именно духовную. Сейчас нет проблемы отлить пушку, сковать меч, пошить костюм. Сложнее интерпретировать эпоху в нужном правильном ключе, показать историю повседневности, рассказать о том, как на самом деле складывалась жизнь в ту или иную эпоху. С помощью формата таких исторических реконструкций это можно сделать лучше всего». Место для исторического фестиваля выбрано неслучайно: музей-заповедник «Томская писаница» – первый в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства – располагается севернее города Кемерово недалеко от села Верхотомское. Во второй половине XVII в. на этих землях был возведен одноименный Верхотомский острог, чтобы защитить от набегов государственные пашни. Накануне фестиваля на территории музея-заповедника даже специально построили точную копию башни Верхотомского острога, у подножия которого и развернулись театральные инсценировки исторического сражения. Копия острога в полную величину вошла в архитектурно-этнографический комплекс. Музей-заповедник сейчас старается уйти от традиционных форм взаимодействия с посетителями – экскурсий, концертных программ – и внедряет интерактивную составляющую в культурно-массовых мероприятиях. Идея фестиваля в Кузбассе родилась в местном военно-историческом клубе «Единорог». Его кульминацией стало постановочное сражение битвы у Верхотомского острога, только в нем приняли участие около 70 реконструкторов из исторических клубов Кемерово, Омска, Томска, Новосибирска и других сибирских городов. В 2019 г. сделали основной темой XVII в., освоение Сибири. За основу взяли довольно подробные упоминания о конфликте у Верхотомского острога, когда один местный киргизский князек Шалдычко решил пограбить Томские земли – разорял деревни, монастыри и в 1679 г., дойдя до Верхотомского острога, попытался взять его в осаду. Но сотник Старков из Томска его поймал, победил, и набег был отражен. Инициатива реконструкторов получила поддержку Фонда президентских грантов в размере почти полумиллиона рублей. Средства гранта направили на организацию постановочного сражения – вооружение, костюмы, доспехи – все доподлинно отражает исторический колорит эпохи и ее событий.

Каждый год на фестивале «Каменная книга» иллюстрируется сюжет из истории земли Кузнецкой. В 2023 г. реконструкторы показали, как в 1639 г. произошёл погром в Кузнецком торге: случился конфликт местного населения с острожными казаками. Казаки отстояли острог. Именно этот реальный факт из жизни Кузнецкого острога научные сотрудники му-

зея «подняли в архивах». Кроме театрализованной программы, посетители музея побывали на «Ярмарочной площади», где были представлены изделия и прошли мастер-классы по старинным ремёслам: гончарному, кузнечному, ткацкому и бондарному (изготовление бочек из дерева). Работала локация «Трапезный стол», где каждый желающий мог попробовать уху – традиционное блюдо того времени. В рамках фестиваля прошел чемпионат по стрельбе из лука и чемпионат по современному мечевому бою. Каждый желающий мог попробовать себя в роли казака или джунгарина. Для детей работали интерактивные площадки с традиционными русскими играми. Всего в 2023 г. участие приняли более 2 500 зрителей, 200 реконструкторов, ремесленников, представителей творческих коллективов из Кузбасса, Новосибирска, Бийска, Абакана. Как отмечают историки, этот праздник очень важен. Благодаря созданию историко-архитектурного комплекса «Сибирский острог», люди могут представить себе события того времени, знакомиться с историей ратного дела, бытом русских первопроходцев, а также коренного населения в XVII–XVIII вв. По замыслам организаторов межрегионального фестиваля, «Каменная книга» стала ежегодным мероприятием, нацеленным на погружение в историю Сибири.

Фестиваль исторической реконструкции «Сибирский огонь» в Новосибирской области – одно из крупнейших ежегодных событий России. Впервые мероприятие прошло в 2012 г. На площади в несколько квадратных километров участники фестиваля реконструируют быт и восстанавливают события различных исторических периодов. Тематика праздника охватывает эпохи от времен покорения Сибири до Великой Отечественной войны. В Новосибирской области в 2019 г. состоялся межрегиональный фестиваль исторической реконструкции «От варягов до острогов». Директор АНО «Историческое общество Сибирского федерального округа» Е. Болдырева подчеркнула, что задача фестиваля – акцентировать внимание на исторической памяти о наших предках, сибиряках, о наиболее значимых исторических датах России и Сибири. Очень важно, чтобы, в первую очередь, молодёжь проявляла интерес к истории Отечества. Фестиваль прошел в парке культуры и отдыха «Заельцовский» в областном центре. Мероприятие организовано АНО «Историческое общества СФО» в рамках проекта «Интерактивная история Сибири», который реализуется при поддержке Фонда Президентских грантов и Правительства Новосибирской области. На мероприятии были представлены период становления русской государственности в IX–X вв. и период освоения Сибири в XVII–XVIII вв. Была возведена исторически достоверная копия башни Умревинского острога, построенного в 1703 г., и исторические ремесленные промыслы Сибири, где зрители смогли наблюдать за ремесленниками, а также попробовать свои силы в кузнечной ковке, гончарном ремесле. Также работала школа колокольных звонарей от Новосибирской Митрополии Русской Православной Церкви, где любой желающий смог попрактиковаться в звонарском искусстве.

В Иркутской области в 2023 г. в Ангарской деревне состоялась историческая реконструкция, посвященная 392-летию Братска Острожного. На праздник собрались братчане, которым была представлена историческая реконструкция на тему освоения Сибири в XVII в. Реконструкторы местного клуба исторической реконструкции «Братский острог», гости из Красноярска и из поселка Усть-Ордынский приняли участие в театрализованном действии на берегу Братского моря, где причалил струг XVII в., доставленный в Братск из Красноярска. Зрителям показали несколько сцен, рассказывающих о прибытии в Сибирь русских служилых людей, об их знакомстве с местными племенами, о гадании шамана, штурме Братского острога и принятии присяги русскому государю. Все герои реконструкции были в соответствующих костюмах и использовали оружие того времени, такие как специально изготовленные пушки, луки, копья и пищали. Организаторы мероприятия хотели показать взаимоотношения русских служивых людей с коренными народами, с братскими людьми, с тунгусами и прочими племенами, показать, что история Сибири многогранна и сложна. По окончании официальной части братчан пригласили на развлекательную локацию «Гадание у шамана», провели мастер-классы по стрельбе из лука и пищалей. Также можно было подняться на струг и сфотографироваться.

Клубы в Омске и Томске ведут систематическую работу с детьми. Созданные настоящими энтузиастами и нашедшие поддержку образовательных учреждений, они выполняют задачи военно-патриотического воспитания, растят поколение людей, которые будут знать и чтить историю своей страны и родного края. Подростки не просто ходят в клуб развлекаться. Почти военная дисциплина, первый опыт руководства, ответственности за себя и других. Чтобы изготовить доспех, члены клуба изучают археологические материалы, плотно работают с музеями, учатся работать с металлом, тканью, деревом. Все детали облачения – от заклёпок на доспехе до пороховниц – «берендеек» изготавливают своими руками.

В Красноярском крае преддверии 400-летия Енисейска и 400-летия Красноярска Красноярским обществом любителей военной истории был разработан проект-концепция «Освоение Сибири. XVII в.».

Цели проекта

1. Популяризация истории Сибири и её освоения.
2. Реконструкция путей (маршрутов) освоения Восточной Сибири по территории современного Красноярского края.
3. Реконструкция острогов и других опорных пунктов.
4. Участие в праздновании и проведение межрегионального фестиваля этнографической и военно-исторической реконструкции, посвященного 400-летию основания Енисейского и Красноярского острогов.
5. Создание инфраструктуры и средств историко-туристических маршрутов по Красноярскому краю.
6. Проведение (участие) праздников, посвященных историческим датам.

7. Сохранение и возрождение традиционных ремесел на Руси и в Сибири XVI–XVIII вв.

Задачи проекта

1. Создание речных средств передвижения отрядов первопроходцев, типа коч, дощаник или струг в количестве 3–4 шт.

2. Формирование групп реконструкции служивых людей и общей численностью до 100 человек в городах Красноярске, Енисейске, Лесосибирске и других районах края.

3. Разработка и организация маршрутов продвижения пеших, конных и речных отрядов.

4. Разработка схем и сценариев и отработка организации мероприятий (фестивалей, праздников, походов и пр.) в городах Красноярске, Енисейске и других.

5. Организация и создание конных групп реконструкции.

6. Организация и проведение историко-археологических экспедиций по «Маковскому волоку».

7. Организация и создание промежуточных баз постоянных маршрутов.

8. Реконструкция обмундирования, вооружения, предметов быта, инструмента, ремесел, технологии строительства и транспортировки грузов.

9. Организация и создание базы строительства и хранения речных судов.

10. Организация и создание инфраструктуры пошива одежды, амуниции и изготовления макетов оружия.

11. Проектирование и строительство военно-исторического, архитектурно-этнографического и культурно-развлекательного комплекса – «Музей живой истории «Красноярский острог» в г. Красноярске.

Красноярским обществом любителей военной истории в 2013 г. при поддержке администрации г. Красноярска в День России в рамках празднования «Дня города» был проведен Фестиваль этнографической и военно-исторической реконструкции «Казацкая застава на Енисее». В фестивале приняли активное участие группы реконструкции и учебные заведения г. Красноярска, г. Лесосибирска (Красноярский край), г. Омска и г. Экибастуза (Казахстан). До начала фестиваля на острове Татышев (в центре г. Красноярска) силами участников была построена казацкая застава и поставлен палаточный лагерь. За тыном заставы расположились ремесленный посад и жилища местного народа – кетов. Фестиваль открылся парадом участников на пл. Мира, на том самом месте, где когда-то стоял Красноярский острог. По окончании приветственных речей представителей администрации г. Красноярска и руководителей клубов, участники произвели два ружейных залпа в честь 385-летия основания г. Красноярска. После парада на острове Татышев на месте установки казацкой заставы была разыграна реконструкция событий далеких времен – прихода отряда казаков на Качинскую землю под руководством Андрея Дубенского: «приведение к высочайшей государевой руке» (принятие шерти) местного качинского князя Татуша, сбор ясака (дани), взятие аманата (заложника),

штурм и оборона заставы с использованием пищалей и пушек. Жители г. Красноярска и гости города впервые увидели и прочувствовали трудную и опасную жизнь служилых людей в Сибири, их полную героизма и лишений историю присоединения Сибири к Российскому государству.

Необходимость сохранения российского, и в том числе сибирского, военно-исторического наследия на данный момент ни у кого не вызывает сомнений. Однако для успешного осуществления данной задачи необходимо найти механизмы, которые позволят комплексам успешно функционировать и реализовывать указанную выше задачу. В этом случае, безусловно, необходимо использовать широкий мировой и российский опыт, накопленный в области функционирования и создания «музеев под открытым небом». Не стоит забывать зарубежный и отечественный опыт в области военно-исторической реконструкции, представляющей собой наиболее развитое общественное явление в виде квинтэссенции «живой истории» – воссоздания быта, костюма, ремесел, поведения, образа жизни людей определенных исторических эпох, которое, безусловно, наполняет живым содержанием военно-исторические комплексы.

Наиболее оптимальным в текущих экономических условиях является создание самодостаточных и самоокупаемых «исторических парков» на базе партнерства государства, общества и бизнеса, с широким внедрением в их деятельности, кроме собственно военно-исторической составляющей, – программ «живой истории», с добавлением большого спектра услуг развлекательного характера и активного отдыха.

С целью воссоздания военно-исторической и архитектурно-этнографической среды Приенисейского края времен освоения Сибири в XVII в., для реализации задачи патриотического воспитания наших граждан, в особенности молодежи, сохранения народных ремесел, демонстрации яркой этнографической самобытности народов России, населявших территорию нынешнего Красноярского края, а также учитывая, что приближается 400-летие основания Красноярска, возникла реальная необходимость создания в военно-исторического, архитектурно-этнографического и культурно-развлекательного комплекса «Музей живой истории “Красноярский острог”».

Красноярский комплекс – музей «живой истории» под открытым небом станет «жемчужиной» г. Красноярска, наравне со Столбами, рекой Енисеем и историческим центром, одной из основных площадок для реализации основных городских и краевых патриотических, исторических, фольклорных, этнографических, национальных, культурных, мероприятий и программ, будет способствовать развитию гражданского общества и межнационального согласия, выведет Красноярск на лидерские позиции в области познавательного туризма и станет примером бережного отношения власти, общества и бизнеса к историческому наследию и памяти прошлого.

Наличие в г. Красноярске серьезного опыта военно-исторической реконструкции, используемого в деятельности комплекса – музея «живой ис-

тории», чрезвычайно оживит «статичные» памятники деревянного зодчества и наполнит новым динамичным содержанием, создаваемые экспозиции под открытым небом, что позволит реализовать широкий пласт образовательных патриотических программ, как для молодежи, так и для всего населения края.

Функционально комплекс может разделяться на группы сооружений – экспозиций «Острог», «Посад», «Кочевье», «Город» и «Промысел», которые будут включать в себя комплексы зданий в соответствии с историческим и фактическим предназначением:

«Острог» – полная реконструкция оборонительных сооружений и внутренних острожных строений XVII – середины XVIII вв. «Малого Красноярского острога».

«Посад» – жилые, общественные, торговые и ремесленные здания-памятники и здания-новоделы, отражающие быт городского, сельского населения XVII–XIX вв. (избы, крестьянские и казацкие усадьбы, «татарская деревня», ремесленные и торговые лавки и проч.).

«Кочевье» – жилища, капища, промысловые экспозиции кочевых народов Приенисейского края XVII–XX вв. (юрты, яранги, ритуальные места и пр.).

«Город» – жилые, общественные, торговые и иные здания – памятники деревянного зодчества, отражающие быт населения Красноярска XVII – нач. XX вв.

«Промысел» – памятники-оригиналы и новоделы зданий и сооружений промышленного назначения (кузницы, амбары, мельницы, прииски, пристань, рыбацкие и охотничьи заимки) XVII – нач. XX вв.

Музейный комплекс «Красноярский острог» полностью воссоздается как «новодел» на основе научных архитектурных и исторических изысканий по имеющимся обмерам и образцам реального Красноярского острога. Его ввод в строй является первостепенным. В идеале «Острог» должен представлять собой полностью сформированную локальную систему, функционирующую как «музей живой истории» и круглогодично открытую для посетителей. «Острог» должен представлять собой образец «музея живой истории», служить «визитной карточкой» комплекса и экспериментальной площадкой для апробирования дальнейших путей развития всего комплекса.

«Посад» предлагается формировать за счет участия муниципальных образований Красноярского края путем транслоцирования имеющихся на территориях городов и районов края памятников деревянного зодчества, нуждающихся в охране и реставрации, с дальнейшим использованием данных объектов после реставрационных работ и в виде классических экспозиций под открытым небом, и в виде «подворий» – представительств территорий края, в т. ч. и с размещением экспозиций по местной истории. Также «Посад» может формироваться и при участии различных краевых национально-культурных автономий, на базе типовых жилищ или иных

объектов некоренных народов и народностей, проживающих в Сибири (немцы, украинцы, эстонцы, армяне, евреи и пр.).

«Кочевье» формируется из памятников и новоделов жилищ, хозяйственной инфраструктуры и религиозных объектов кочевых народов Приенисейского края и подразделяется на «северную» и «южную» зоны экспонирования. «Северная» зона включает в подворья эвенков, кетов, ненцев, якутов и других коренных народностей Севера. «Южная» зона, соответственно предоставляется для качинцев, хакасов и иных тюркоязычных народов юга Средней Сибири.

Формирование экспозиции «Город» предполагается в виде типовой улицы г. Красноярска периода конца XVIII–XIX вв., на которой будут размещены транслированные жилые, общественные, административные, торговые, ремесленные и промышленные здания указанного периода.

Экспозиция «Промысел» может формироваться за счет привлечения спонсорских средств промышленных предприятий Красноярска и края, имеющих желание отразить историю своей отрасли путем формирования как действующих моделей промышленных и кустарно-ремесленных объектов, так и транслкации и реставрации сохранившихся и выявленных объектов промышленного значения XVII – нач. XX вв.

Историческая реконструкция на базе музея живой истории, посвященная юбилейному мероприятию – 400-летию Красноярска, будет иметь результирующим эффектом познание населением истории, материальной и духовной культуры региона, формирование российской и региональной идентичности, гражданско-патриотическое воспитание молодежи ценностей на основе традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, традиций коренных жителей и русского населения, возрождение исторической памяти, формирование преемственности поколений, вовлечение населения в мемориальные акции по увековечиванию памяти о воинах-сибиряках, развитие интереса молодежи к изучению малоизвестных страниц истории края, развитие инновационных форм изучения военно-исторического наследия, формирование чувства причастности к значимым событиям истории Красноярска и всей страны.

Список источников

1. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения [Электронный ресурс] : Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

Е. А. Романова, кандидат исторических наук, доцент,
зав. Выставочным центром
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия
afinaadr@mail.ru

ГАЗЕТА «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ФАШИЗМА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1945 ГОДА)

Аннотация. Статья посвящена высокой оценке роли простого человека в Великой Отечественной войне, подведению итогов ВОВ в виде военных процессов в СССР и Германии, изучению послевоенного состояния европейского фашизма из западных газет, часть публикаций которых была помещена в газете «Красноярский рабочий». Это создавало у жителей Красноярского края ощущение, что после Победы внутри страны продолжилась жесткая борьба с военными преступниками, фашизмом, а в Европе денацификация еще не произошла, хотя отдельные политические лидеры и представители народов понимали его страшные последствия.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, газета «Красноярский рабочий», зарубежная печать, итоги, пропаганда, фашизм*

Abstract. The article is devoted to appreciating the great role of a common man in the Great Patriotic War, summing up the results of the war in the form of military trials in the USSR and Germany, studying the post-war state of European fascism from Western newspapers as some of their publications were placed in the newspaper “Krasnoyarsk Worker”. It resulted in realizing by the residents of the Krasnoyarsk Territory that after the Victory, a tough fight against war criminals and fascism continued within the country, and in Europe complete denazification had not yet occurred, although some political leaders and peoples’ representatives understood its terrible consequences.

Keywords: *The Great Patriotic War, the newspaper “Krasnoyarsk Worker”, foreign press, results, propaganda, fascism*

Газета «Красноярский рабочий» является важным источником изучения фашизма после завершения Великой Отечественной войны во второй половине 1945 г. Все публикации можно разделить на несколько групп: определение основного победителя – простого советского солдата, наказание нацистских преступников в Германии и СССР, позитивные факты по борьбе с фашизмом в Европе и сохранение там симпатий к нему.

В Великой Отечественной войне русский народ, воодушевленный высоким духом патриотизма, продемонстрировал перед всем миром свое величие, отстоял свое государство, доказал незыблемость своей независимости, утвердил свое национальное достоинство. Очень образно об этих событиях сказал заслуженный артист РСФСР А. Волгин, художественный руководитель театра имени А. С. Пушкина: «В течение четырех лет небы-

валой в истории войны народы нашей страны противостояли нашествию современных гуннов... Красная Армия, детище советского народа, нанесла сокрушительный удар врагу, водрузив знамя победы над логовом хищника» [7, с. 3].

25 июня 1945 г. на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы И. В. Сталин отметил роль самых обычных людей: «Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незavidное. За людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился – и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это люди, которые держат нас, как основание держит вершину...». Это сочеталось с характеристикой русского народа, данной И. В. Сталиным в беседе с А. Коллонтай (1939), где он отмечал такие качества, как ясный ум, призвание помогать другим нациям, великую смелость, стойкость, инициативность, надежность, неодолимость и неисчерпаемость [18, с. 1].

Главным символом Победы и справедливости послевоенного мира было наказание фашистских преступников на военном процессе в Нюрнберге, где приводились высказывания известных нацистов в соответствии с теорией расового господства. 5 марта 1943 г. рейхскомиссар Украины Кох в своей речи в Киеве говорил: «Мы являемся расой господ и должны управлять жестоко... Население должно работать, работать и ещё раз работать. Некоторые из этих людей истощаются, так как население не получает достаточно пищи... Мы приехали сюда для того, чтобы создать базу нашей победы. Мы являемся расой господ и мы должны помнить, что самый низший германский рабочий в расовом и биологическом отношении в тысячу раз ценнее, чем здешнее население».

4 октября 1943 г. руководитель гестапо рейхсleiter СС Гиммлер произнес в Познани на совещании эсэсовских генералов речь, в которой он заявил: «Меня не интересует ни в малейшей степени, что случится с русскими или чехами. То, что эти нации могут предложить из своих расово чистых ресурсов, мы возьмем, даже путем увоза детей отсюда. Будут ли эти нации жить в условиях благоденствия или они будут умирать голодной смертью, интересует меня лишь постольку, поскольку мы нуждаемся в них как в рабах в интересах нашей культуры. Ни с какой другой стороны они меня не интересуют. Упадут ли от истощения 10 тысяч русских женщин в то время, как они роют противотанковый ров, интересует меня лишь с одной точки зрения: закончен этот ров для Германии».

Меморандум, одобренный Розенбергом, был оглашен 12 июля 1944 г. В нем говорилось об эвакуации молодежи с территорий, занятых

группой «Центр»: «Армейская группа «Центр» имеет намерение отправить на территорию империи 40–50 тысяч подростков в возрасте от 10 до 14 лет...Эта акция имеет целью не только предотвратить усиление военной мощи врага, но также сократить его биологический потенциал в будущем». Всё это подтверждало справедливость Победы советского народа в Великой Отечественной войне [19, 3–4].

Символами Победы для всей страны и жителей Красноярского края были и судебные процессы, которые прошли по материалам фашистских зверств в Ленинградской области, Орловской, Брянской, Бобруйской, Смоленской и других областях.

В судебном процессе по Ленинградской области председателем был генерал-майор юстиции Исаенков, члены трибунала – подполковники юстиции Омлев и Петров, государственное обвинение поддерживал генерал-майор Петровский. По назначению от суда выступали адвокаты Зимин, Галепский, Борхов, Кроленко, Волков. К судебной ответственности привлечено 11 человек. Они расстреляли, повесили, сожгли и замучили 52 355 мирных жителей. 404 230 человек было насильственно угнано в рабство. Они полностью или частично разрушили 20 городов, 3 135 сел, деревень и других населенных пунктов. В Ленинградской области немцами сожжено, разрушено и повреждено 152 338 домов, 3 783 промышленных предприятия, 19 933 школы, 256 лечебных учреждений, 235 детских домов, садов и яслей. 1 019 театров, кинотеатров, клубов, красных уголков и музеев, 795 магазинов. Франк Ремлингер был военным комендантом Пскова в 1943–1944 гг. Он был единственным обвиняемым на этом судебном процессе, который не признал себя виновным [24, с. 3].

Судебный процесс по зверствам в Смоленске и Смоленской области, где председателем был генерал-майор Горячев, государственным обвинителем – старший советник юстиции Смирнов, защитниками по назначению суда – адвокаты Казначеев, Белов, Луговской и Сидоренко, начался 15 декабря 1945 г. К ответственности были привлечены 10 человек, которых обвиняли в массовых убийствах и истязаниях гражданского населения и пленных красноармейцев в период временной оккупации Смоленска и Смоленской области в 1941–1943 гг. Среди них был лекарский помощник германского военного лазарета Модис Рудольф, который в качестве эксперимента искусственно заражал кровь у раненых военнопленных и ежедневно так погибало 180–200 человек, а всего за время его службы в лазарете – 3 500–4 000 человек; брал в большем, чем можно объеме, кровь детей для немецких раненых, и дети умирали; у здоровых советских людей извлекал части роговой оболочки глаза, которая потом пересаживалась раненым немецким офицерам.

Обвиняемые расстреливали, вешали, умерщвляли газами (с помощью машины «душегубки») и угоняли в рабство советских людей, сжигали и разрушали города, деревни, грабили и уничтожали промышленные предприятия, колхозы и культурные учреждения. Только в Смоленске было разрушено 96 промышленных предприятий, 7 300 домов, в районах – свы-

ше 125 000 жилых домов. В Смоленске уничтожены: городская электростанция, 326 магазинов и баз, телеграф, телефонная станция, железнодорожный узел, 18 больниц, 3 кинотеатра, 21 школа, 6 институтов, 3 музея. Приказы отдавал командующий войсками по охране тыла армейской группы «Центр» генерал фон Шенкендорф, которого до судебного процесса не нашли (умер от сердечного приступа летом 1943 г. во время лечения в польском городе Карпач). Погибло свыше 135 тыс. советских граждан. Непосредственное участие в уничтожении людей принимали 335 и 490 охранные батальоны. Массовые расправы были в лагере военнопленных, именуемом немцами «Дулаг-126», № 21, а также при конвоировании колонны через Смоленск в октябре 1941 г. и при перевозках по железным дорогам [25, с. 3]. Свидетель В. И. Скворцов из деревни Еловки Бобруйской области рассказал, что в 1941 г. оккупанты почти ежедневно осуществляли массовые расстрелы советских граждан в пригороде Бобруйска, в районе урочища Лысых гор. Он даже видел, как один, заживо погребенный, выбирался из могилы тяжело раненым. С приближением Красной Армии в августе 1943 г. гитлеровцы, боясь возмездия, стали замечать следы, начали извлекать трупы расстрелянных и в течение месяца их сжигать [23, с. 3].

Все процессы были открытыми и везде были назначенные судом адвокаты, что свидетельствовало о достаточно демократической форме их проведения, несмотря на геноцид советского народа и тотальное разрушение страны, её городов и экономики.

Постепенно менялось отношение к фашизму и в Европе. По сведениям римской печати, в декабре 1945 г. в Милане был раскрыт новый центр подпольной фашистской организации, помещавшейся в здании «папской комиссии помощи беженцам и ветеранам войны». Там находили приют фашисты, бежавшие из тюрем и лагерей. Полицией было арестовано 19 человек. При обыске захвачено много фашистской пропагандистской литературы и оружие [20, с. 4].

Также 7 декабря 1945 г. миланская полиция арестовала семь руководителей подпольной фашистской организации, известной под названием САМ (скуадра ационе Муссолини). Их арестовали в то время, когда они явились в подпольный штаб на окраине Милана. Среди арестованных находился глава САМ де Мартинис. При обыске у фашистов взяли оружие, пропагандистские материалы, списки лиц, принадлежащих к организации.

Агентство «АНСА» передало, что в Северной Италии арестован фашистский палач Гульельмо Полластрини, который терроризировал Рим во время немецкой оккупации в качестве главы полиции. В штабе был специальный карцер для пыток и убийств итальянских патриотов.

Союзными войсками был арестован военный преступник Лазар Прокич, который под именем Альдо Романо работал при американских учреждениях в Риме. Прокич во время гитлеровской оккупации Югославии был руководителем германской пропагандистской службы в Сербии, специальным представителем министерства Геббельса в странах Юго-Восточной Европы [3, с. 4].

Римское радио передало, что 15 декабря в Милане был арестован бывший секретарь фашистской партии Карло Скорца. Агентство «*Orbis*» сообщило, что он укрывался в тайном убежище, которое открыли с большим трудом [4, с. 4].

Газета «*Daily Worker*» пишет, что английский фашизм «угрожает снова вернуться со всей своей прежней наглостью, развязностью и антисемитизмом». Газета заявила: «Для Геринга, Гесса, Риббентропа и компании будет действительно ободряющей вестью, что знамя фашизма снова развернуто в Лондоне и что Освальд Мосли, «кандидат в английские фюреры», вернулся на общественную арену». Английская общественность выражает глубокое возмущение по поводу состоявшегося 15 декабря в Лондоне фашистского собрания. Рядовые англичане испытали удивление по поводу того, что подобные собрания разрешаются властями. Пока ещё нет официальной реакции со стороны правительства [5, с. 4].

По сообщению газеты «*Daily Express*», 13 декабря 1945 г. 12 мужчин и 2 женщины совершили налет на Кингдом-хауз – штаб-квартиру фашистской организации «Легион христианских реформистов» в Суссексе. Участники налета оставили в Кингдом-хаузе записку, в которой говорится, что эта операция была проведена группой молодых английских офицеров, служивших в заокеанских частях, «потому, что власти, по-видимому, ничего не предпринимают против введения гитлеровского культа в Англии» [12, с. 4].

По сообщению американской информационной службы в Германии, стало известно, что американский военный суд приговорил к смертной казни 36 обвиняемых в преступлениях в концлагере Дахау, один обвиняемый приговорен к пожизненному тюремному заключению, три – к 10 годам тюремного заключения [14, с. 4].

Лондонское радио сообщило, что 13 декабря были повешены бывший комендант концлагеря в Бельзене Крамер и 10 других обвиняемых, приговоренных одновременно с ним на процессе в Лютенбурге к смертной казни [11, с. 4].

Будапештский народный суд вынес приговор по делу одного из главных военных преступников Палфи Фидела, являвшегося министром земледелия и фашистском правительстве Салаши. Он приговорен к смертной казни с конфискацией имущества [22, с. 4].

Венгерская газета «*Kish uyszag*» сообщила 14 декабря 1945 г., что на имя председателя национального собрания Венгрии поступил запрос известного деятеля независимой партии мелких сельских хозяев депутата Шуйока Пеже о разоружении и возвращении в Венгрию остатков салашистской венгерской армии, находящихся на территории Германии. Шуйок Пеже, указав на наличие в Германии 12 000 вооруженных сил Салаши, спросил, знает ли об этом правительство и что оно намеревается предпринять для возвращения этих солдат и их немедленного разоружения [9, с. 4].

Госпожа Рузвельт согласилась занять пост почетного председателя «Американского комитета помощи Югославии». Она отметила: «Какая жесткая ирония заключается в том, что югославский народ получает меньше продовольствия, чем немцы. Орган ЮНРРА сообщил, что, по его подсчетам, каждый житель Югославии получает ежедневно 900–950 калорий, в то время как каждый немец получает 1 300–1 550 калорий [10, с. 4]

В Италии, Англии, Германии, Венгрии началась денацификация, прошли аресты нацистов, судебные процессы с наказанием в виде смертной казни и даже импульсивное нападение молодых английских офицеров на фашистские организации. При этом фашистское влияние в Европе оставалось достаточно сильным. Не последнюю роль в этом играли наши бывшие союзники.

В издающейся в Нюрнберге американской газете «*Neue Zeitung*» в декабре 1945 г. было помещено интервью Геринга, которое он дал через своего адвоката представителю агентства «*Associated Press*», в котором с циничной разновидностью восхвалял фашизм и гитлеровский режим. Главный обвинитель от СССР Руденко заявил по этому поводу протест, где указал на недопустимость такого положения, когда подсудимым не первый раз дается возможность использовать в целях пропаганды для немецкого населения печать, находящуюся в американской зоне оккупации Германии. Комитет обвинителей согласился с протестом Руденко и передал его на рассмотрение Трибунала [13, с. 4].

Английская профсоюзная делегация, ездившая в Германию, представила 19 декабря 1945 г. Генсовету конгресса тред-юнионов доклад, в котором говорится о продолжающемся использовании нацистов на административных постах в Руре, а это – значительный процент штата. Результатом данной ситуации были издевательства над людьми, возвращающимися из концлагерей и тюрем [2, с. 4].

Противоречивая позиция сложилась в британской Палате общин 20 декабря 1945 г., где обсуждался вопрос о деятельности бывшего лидера Британского союза фашистов Освальда Мосли, освобожденного из тюрьмы. С одной стороны, лейбористские члены парламента говорили о том, что он является угрозой для внутренней безопасности страны. На недавнем собрании фашистов присутствовало 800 человек, которые были в заключении во время Второй мировой войны. Представителя прессы удалили с собрания, так как он начал записывать речь Мосли, где тот грозился мстить своим политическим противникам. С другой стороны, министр внутренних дел Чатер Ид сказал, что он не может помешать созывать частные собрания [8, с. 4].

По информации американского информационного агентства «*Associated Press*» из Вашингтона, председатель подкомиссии по вопросам военной мобилизации сенатской комиссии по военным делам Килгор, возвратившись из Германии, заявил, что он получил секретные германские документы, показывающие, что германские промышленники подготовили детальные планы перевооружения Германии и финансирования подполь-

ной деятельности нацистской партии. Крупным фирмам предлагалось организовать небольшие исследовательские отделения, не связанные с их предприятиями. Далее в документе говорится: «Эти бюро получают планы и чертежи новых видов оружия, а также документы, необходимые им для продолжения их исследований, причем нельзя, чтобы они попали в руки врага». Это будет до тех пор, пока нацистская партия не сделается достаточно сильной, чтобы восстановить свой контроль над Германией» [21, с. 2].

По сообщению шведской газеты «*Social-Demokraten*», датский Министр юстиции Эльмквист издал распоряжение об амнистии 59 лицам, находившимся в заключении за принадлежность к бывшей гитлеровской военно-строительной организации ТОДТ. Следователи, которые занимались этим делом, считали данную ситуацию самоуправством, могущим пошатнуть правовую систему [6, с. 3].

В послевоенной Европе частыми были побегі фашистов из концлагерей и тюрем. Среди бежавших – бывший фашистский префект города Кремона Аттилио Роммано. Это произошло около Милана. Стража была подкуплена. В итоге пятнадцать человек из охраны лагеря арестованы [15, с. 3]. Бывший член фашистской «черной бригады» Кампанини бежал из Падуанской тюрьмы через алтарь тюремной церкви во время религиозной службы. В Ливорно фашист Симонини, повинный в убийстве многих патриотов, выпущен «по ошибке», как полагают, при участии полицейского управления Венеции [16, с. 3].

21 декабря 1945 г. все газеты опубликовали сообщение из Люблина о том, что английские оккупационные власти задержали под Земмерингом (Южная Австрия) группу югославских пионеров, возвращающихся на родину из поездки в Чехословакию, и заключили в концентрационный лагерь вместе с устахами и четниками. Руководству этой группы пионеров удалось сообщить югославским властям об этом факте через одного юношу, бежавшего из лагеря. Эти пионеры во время войны находились как беженцы из Далмации в Египте и лишь несколько месяцев назад вернулись на родину. В Египте они создали свою театральную группу, которая по возвращении на Родину совершила турне по Югославии, а затем посетила Чехословакию. В Праге эти пионеры были приняты президентом Бенешем [17, с. 4]. Истинное лицо наших союзников отражали события, которые происходили в Европе после окончания Второй мировой войны.

О противоречивой позиции союзников и симпатиях к фашистам в Европе свидетельствовали свободное интервью Геринга из заключения, сохранение нацистов на административных постах в Руре, свободное проведение собраний фашистов в Британии и амнистия многих в Европе, их бегство из тюрем, арест югославских пионеров.

Данная ситуация создавала у жителей Красноярского края ощущение, что после Победы внутри страны продолжилась жесткая борьба с военными преступниками, фашизмом, а в Европе полная денацификация еще не произошла, хотя отдельные политические лидеры и представители

народов понимали его страшные последствия. Это способствовало дальнейшему развитию гражданской идентичности советских граждан.

Список источников

1. Агентство Рейтер об активности фашистов // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.
2. Английская профсоюзная делегация о нынешней роли гитлеровцев в Руре // Красноярский рабочий. 1945. 28 декабря. № 261 (8131). С. 4.
3. Аресты фашистов в Италии // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.
4. Арест Карло Скорца // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.
5. Возмущение в Англии деятельностью английских фашистов // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.
6. В Дании амнистировали 59 осужденных членов гитлеровской организации ТОДТ // Красноярский рабочий. 1945. 29 декабря. № 262 (8132). С. 3.
7. Заслуженный артист РСФСР А. Волгин, художественный руководитель театра имени Пушкина, постановщик спектакля «Иван Грозный». Пьеса о величии русского народа // Красноярский рабочий. 1945. 26 декабря. № 260 (8130). С. 3.
8. Запросы в палате общин о деятельности фашистов в Англии // Красноярский рабочий. 1945. 26 декабря. № 260 (8130). С. 4.
9. Запросы венгерского депутата о фашистских войсках Салаши в английской зоне оккупации // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.
10. Заявление госпожи Рузвельт на пресс-конференции // Красноярский рабочий. 1945. 28 декабря. № 261 (8131). С. 4.
11. Казнь 11 гитлеровских палачей из Бельзенского концлагеря // Красноярский рабочий. 1945. 18 декабря. № 254 (8124). С. 4.
12. Налеты на штаб фашистской организации в Англии // Красноярский рабочий. 1945. 18 декабря. № 254 (8124). С. 4.
13. Новые трюки фашистской пропаганды // Красноярский рабочий. 1945. 16 декабря. № 253 (8123). С. 4.
14. Палачи из концлагеря в Дахау приговорены к смертной казни // Красноярский рабочий. 1945. 18 декабря. № 254 (8124). С. 4.
15. Побег фашистов из итальянского концлагеря // Красноярский рабочий. 1945. 29 декабря. № 262 (8132). С. 3.
16. Попустительство в отношении фашистских преступников в Италии // Красноярский рабочий. 1945. 29 декабря. № 262 (8132). С. 3.
17. Прибытие в Вену делегации венгерского правительства // Красноярский рабочий. 1945. 26 декабря. № 260 (8130). С. 4.
18. Прием в Кремле в честь участников Парада Победы // Красноярский рабочий. 1945. 27 июня. № 129 (7999). С. 1.

19. Процесс главных немецких военных процессов в Нюрнберге. Вечернее заседание 6 декабря // Красноярский рабочий. 1945. 15 декабря. № 252 (8122). С. 3, 4.

20. Раскрытие подпольной фашистской организации в Италии // Красноярский рабочий. 1945. 28 декабря. № 261 (8131). С. 4.

21. Сенатор Килгор о нацистских планах перевооружения Германии // Красноярский рабочий. 1945. 27 июня. № 129 (7999). С. 2.

22. Смертный приговор венгерскому военному преступнику // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 4.

23. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Орловской, Брянской и Бобруйской области // Красноярский рабочий. 1945. 29 декабря. № 262 (8132). С. 3.

24. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области // Красноярский рабочий. 1945. 29 декабря. № 262 (8132). С. 3.

25. Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в г. Смоленске и Смоленской области // Красноярский рабочий. 1945. 19 декабря. № 255 (8125). С. 3.

И. А. Савченков¹, курсант кафедры Воздушно-космических сил
Военного учебного центра им. Героя Советского Союза Б. Г. Россохина,
А. П. Шерстнёв², старший преподаватель кафедры Воздушно-космических сил
Военного учебного центра им. Героя Советского Союза Б. Г. Россохина, подполковник
^{1,2} *Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия*
¹ saw4uk.vanya2017@yandex.ru, ² a.p.sherstnev@urfu.ru

РОЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ КУРСАНТА

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы влияния обучения в военном учебном центре на гражданскую жизнь курсанта.

Ключевые слова: *формирование жизненных ценностей, единение с народом России*

Abstract. The current issues of the impact of training in a military training center on the civilian life of a cadet are considered.

Keywords: *formation of life values, unity with the people of Russia*

Цель данной работы – обосновать важность военного образования отдельно взятого человека для страны и обозначить качества, которые необходимо формировать в рамках проведения военно-политической работы при освоении курсантами программы подготовки офицеров запаса в военном учебном центре.

Подготовка офицеров запаса является одной из основополагающих задач любого военного учебного центра. Необходимость формирования мобилизационного резерва страны ускорила темпы развития отрасли военного образования в мирное время. На текущий момент курсанты, окончившие военный учебный центр по программе подготовки офицера запаса, имеют право не проходить срочную службу в составе Вооруженных сил Российской Федерации.

Из военного учебного центра при Уральском федеральном университете каждый год выпускается около 900 офицеров запаса. В случае необходимости они будут призваны на военную службу, но большинство из них будет жить мирной жизнью, внося свой вклад в будущее своей страны на гражданском поприще. Одна из ключевых задач любого военного учебного заведения – сформировать гражданина-государственника, преданного своей стране и чтящего её основополагающие принципы и идеалы. И эта задача имеет не меньшее значение, чем формирование у будущего офицера требуемых военно-технических компетенций.

Развал Советского Союза был главной геополитической катастрофой XX в., но он произошел без крупномасштабных боевых действий. Войны, международный терроризм стали чудовищными последствиями отсутствия мощной, уравнивающей силы. Эта катастрофа показала, что возможность государства противостоять угрозам извне не гарантирует сохранение его территориальной целостности в будущем. Внутренняя устойчивость государства, его единство являются необходимым минимумом для формирования сильной и суверенной державы.

В последние годы Россия сталкивается с большим количеством вызовов, которые вызваны естественным желанием Российского народа жить так, как он считает правильным. Коллективный Запад намерен нанести России «стратегическое поражение» и это, не в последнюю очередь, касается борьбы за умы нашей молодежи. Человеческий капитал – неотъемлемая часть любой экономики, а для России люди всегда оставались главным ресурсом и сокровищем.

«Русские люди добросовестно и безвозмездно трудятся, если в обществе есть нравственная идея, праведная цель», – Фридрих Гегель, немецкий философ.

Фридрих Гегель жил в XIX в. Чуть менее чем за два века ничего не поменялось. Российское общество всегда консолидировалось вокруг общей цели, общей идеи. Так, например, в 1931 г. СССР показал рекордный за всю историю человечества рост экономики в 13,8 %. За счет чего был достигнут такой рост? Факторов очень много, от участия иностранных специалистов в стройках крупных предприятий и заводов до использования дешевых энергоресурсов, но все эти факторы не являются ключевыми. Народ СССР был убежден в важности построения страны, им двигала общая идея отстроить страну и каждый был причастен к этому, у каждого человека была своя роль. Пятилетки стали общенародной целью и, во многом, поэтому стране удалось достигнуть таких высоких темпов экономического роста.

Идеи коллективного запада и колониальный неолиберализм направлены на то, чтобы сейчас, в XXI в., разобщить народ России и народы других стран, чтобы Россия не смогла противостоять однополярному мироустройству Соединенных Штатов. Культурная политика направлена на то, чтобы убедить людей в преобладании их личных свобод над общественными и государственными свободами. Такие мысли убивают саму суть Российской государственности, основанную, во многом, на вере народа в общую судьбу и общее будущее, на готовности народа к самопожертвованию ради отечества.

Но самопожертвование – очень многогранное понятие, которое в текущих политических, экономических и временных реалиях раскрывается не только как истинный героизм, при котором человек отдает свою жизнь за свою родину, за жизни своих боевых товарищей, но и как образ гражданской, мирной жизни, в которой человек, упуская сиюминутную выгоду или прибыль, отказываясь от некоторых мгновенных благ остается в своей

стране, будучи преданным ей, её культуре и её ценностям. Для нашей страны всегда были очень ценны люди, которые посвятили свою жизнь служению отечеству, и сегодня, в XXI в., отечеству очень нужны не только верные и умелые солдаты. России нужны верные программисты, инженеры, математики, физики, химики, квалифицированные управленцы, а также сотни других специальностей.

Университеты ежегодно выпускают тысячи, десятки тысяч специалистов в этих сферах, но в рамках освоения гражданской специальности студенты формируются, в первую очередь, как специалисты в своей области. Перед университетом не стоит задача воспитать из студента образцового гражданина. На текущий момент университет может гарантировать лишь то, что окончивший его студент получит все необходимые технические знания для работы по специальности, которая указана у него в дипломе. Но России сегодня нужны не только высококлассные специалисты. России нужны преданные граждане, которые не оставят страну в трудный час и будут вместе с народом России отвечать вызовам, стоящим перед нашей страной.

По данным Росстата средняя заработная плата в России в 2024 г. составляет 73 тыс. рублей [1]. Среднестатистический молодой человек зарабатывает в среднем 876 тыс. руб. в год. С учетом налоговых отчислений в пенсионный фонд экономическая польза для страны от такого гражданина будет превышать миллион рублей в год. Государство заинтересовано в том, чтобы этот молодой человек трудился на благо страны.

В процессе освоения программы подготовки офицера запаса необходимо уделять значительное внимание тому, какие ценности формируются у курсанта в процессе учебы. Проводить беседы на тему основ российской государственности и обсуждать с курсантами текущее положение дел в стране. При проведении военно-политической работы необходимо также уделять значительное внимание формированию у курсантов устоявшихся в России жизненных ценностей, принципов и идеалов с учетом влияния их не только на военную, но и на гражданскую жизнь курсанта.

Дать понимание важности развития своей страны может только формирование чувства единения с её народом. Это чувство единения можно укрепить с помощью формирования принципов преемственности в рамках военно-политической подготовки в военных учебных центрах.

Результатом правильной военно-политической подготовки в рамках обучения в военном учебном центре должно стать чувство причастности курсанта к будущему своей страны. Ощущение единства курсанта и народа России. В таком случае в своей гражданской жизни курсант будет руководствоваться не только получением сиюминутной выгоды для самого себя, понимая, что его будущее зависит от будущего государства он будет принимать решения, которые будут полезны и ему и всему народу России.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод – достижение цели военно-политической подготовки в рамках обучения в военно-учебном центре, а именно формирование воина-государственника [2], должно осу-

ществляться с помощью формирования у курсанта чувства единения с российским народом и веру в то, что судьбы каждого гражданина России нераздельно связаны с будущим его страны. Формирование жизненных ценностей курсанта и тех принципов, которыми он будет руководствоваться при принятии решений в своей гражданской жизни – не менее важная задача военно-политической подготовки в рамках обучения в военно-учебном центре.

Список источников

1. Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2024).
2. Насосов К., Исаев Д. Для офицеров: тема № 5 // Армейский сборник, 2024. № 2. С. 4–7.

Л. М. Хайремдинов, член редакционной коллегии –
старший редактор секретариата редакции газеты «Красная звезда», майор
ФГБУ «Редакционно-издательский центр «Красная звезда»
Минобороны России, Москва, Россия
khairi@yandex.ru

ПУБЛИКАЦИИ О БОЕВОМ ОПЫТЕ И ПРИМЕНЕНИИ Артиллерии в годы Великой Отечественной войны на страницах газеты «Красная звезда» как средство обучения курсантов артиллерийских училищ на территории Сибирского военного округа

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся использования газетных публикаций в учебном процессе артиллерийских училищ, готовивших кадры для действующей армии в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: артиллерия, боевой опыт, газета, миномёты, подготовка специалистов, тактика действий, училища

Abstract. The article considers the issues of the usage of newspaper publications in the educational process of artillery schools trained personnel for the active army in the Siberian Military District during the Great Patriotic War.

Keywords: artillery, combat experience, newspaper, mortars, training of specialists, tactics of action, schools

Великая Отечественная война стала огромным испытанием для всей нашей страны. Борьба с немецко-фашистскими захватчиками, которая велась на протяжении без малого 47 месяцев, требовала от всего населения Советского Союза полной мобилизации сил и ресурсов. Последовавший сразу после начала войны призыв в действующую армию коснулся гигантского количества военнообязанных. Так, в течение первой недели войны было призвано более пяти миллионов человек, из которых 10 % составляли офицеры запаса [1, п. 30]. Логика военного времени требовала ускоренного обучения и подготовки призванных кадров для участия в боевых действиях. Одной из первых под удар наступавших частей гитлеровцев попала система военного образования. Десятки военных училищ дислоцировались в западных районах страны, принявших на себя основную тяжесть наступления немецкой армии летом 1941 г. Речь в первую очередь шла о крупных городах союзного значения, в которых располагались учебные заведения, – Ленинград и Киев. Касалось это и артиллерийских училищ – в одном только городе на Неве было шесть артиллерийских училищ, эвакуация которых назрела уже к середине июля 1941 г. Основная часть учебных заведений в кратчайшие сроки была эвакуирована на территорию По-

волжья, Урала, Западной и Восточной Сибири и Средней Азии. В таких непростых условиях учебные заведения, в течение нескольких недель поменявшие места дислокаций, должны были сразу приступить к набору и обучению кадров для фронта.

Один из главных вопросов, с которым столкнулись училища, курсы и запасные части во второй половине 1941 г., – как обучать военнотружущих с учётом сокращения учебной программы и сложностями, неминуемо возникшими с учебно-материальными базами в новых городах пребывания.

На территорию Сибирского военного округа до конца 1941 г. перебазировались семь артиллерийских училищ – 1-е Киевское краснотнамянное артиллерийское училище им. С. М. Кирова (Красноярск), Днепротетровское краснотнамянное артиллерийское училище, созданное на базе Днепротетровских артиллерийских курсов усовершенствования командного состава РККА (Томск), Сумское артиллерийское училище (Ачинск, Красноярский край), Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (Томск), Ленинградское зенитно-прожекторное училище (Омск), Лепельское миномётно-артиллерийское училище (Барнаул) и Тульское оружейно-техническое училище (Томск). К началу войны в СибВО штатно располагались только два училища – Томское артиллерийское училище (в последующем – 1-е Томское артиллерийское училище) и Омское училище зенитной артиллерии, передислоцированное за месяц до начала войны из города Черновицы. В июле 1941 г. на базе Томских курсов усовершенствования командного состава повышенного типа было создано 2-е Томское артиллерийское училище. Таким образом, во второй половине 1941 г. в Сибирском военном округе действовало 10 военных артиллерийских училищ [2, л. 99].

Ряд училищ (1-е Киевское КАУ, Сумское АУ, Лепельское МАУ, Днепротетровское КАУ, Тульское ОТУ) прибыли в свои новые города после активного участия в боевых действиях, понеся тяжёлые потери как в личном составе, так и в технике и учебно-материальной базе. Ленинградские училища не участвовали в обороне города, но убывали в спешке, почти из окружённого города и тоже не могли перевезти в Сибирь необходимое имущество и материальные ценности.

Даже в училищах, находившихся к началу войны в СибВО, крайне остро стоял вопрос комплектования учебной литературой, что уж было говорить про эвакуированные учебные заведения [3, л. 228]. Учебники и пособия, имевшиеся в наличии, не могли дать полного представления и понимания складывавшейся картины Отечественной войны. С учётом того, что немецко-фашистские захватчики действовали не по учебникам и многие их приёмы на полях сражений ставили перед нашими войсками порой неразрешимые вопросы, требовались принципиально новые методы и средства обучения. И таковыми выступили публикации на страницах военной периодической печати – в частности, центрального органа Народно-го комиссариата обороны – газеты «Красная звезда».

В отчётах о боевой подготовке и трудах, обобщающих боевой путь училищ уже после войны, встречаются прямые упоминания о публикациях «Красной звезды». Так, в историческом отчёте о Лепельском миномётно-артиллерийском училище рассказывается: «Самым напряжённым годом для строевых офицеров и офицеров-преподавателей был 1942-й. Им приходилось работать по 14–16 часов в сутки, чтобы выпустить грамотных офицеров в такие короткие сроки. Одновременно с этим надо было изыскивать принципы и приёмы использования миномётов в бою, т. к. опыта ещё не было, а материалы к изучению этого вопроса – отдельные статьи газеты «Красной звезды», не исчерпывали данного вопроса» [4, л. 39].

Кроме того, в отчёте Лепельского миномётно-артиллерийского училища за 1943 мы узнаём: «Для отражения опыта Отечественной войны преподаватели при подготовке к занятиям широко используют материалы развед бюллетеней, военных журналов, газеты «Красная звезда». Кроме того, в часы массовой работы для всего офицерского состава проводятся лекции по тактике немецко-фашистской армии и действиям наших войск» [5, л. 60].

Крайне интересным представляется письмо выпускника 1-го Томского артиллерийского училища 1941 г. лейтенанта В. И. Григорьева [6], датированное 23 сентября 1941 г. (находился в госпитале на лечении на ст. Тума Рязанской области) и адресованное начальнику училища полковнику Семёну Наумовичу и личному составу учебного заведения («Тов. Начальник училища, при выпуске нас просили поддерживать связь с училищем, поэтому и решил вам написать...»):

«Можно бы Вам много написать о хитрости врага и боевых эпизодах, но эпизодов много в газетах вы их прочтёте, я же хочу высказать мнение, что очень потребовалось в бою и с чем пришлось самому встретиться.

1. Нужно знать разнообразные системы орудий новые и старые (хотя бы поверхностно), противотанковую пушку, миномёт.

2. Нужно ознакомиться со станковым пулемётом, ППД, с различными системами ручных гранат.

3. Очень часто артиллеристы командуют стрелковыми подразделениями. Нужно знать, как организовать оборону, наступление и как организованно отойти.

4. Нужно знать, как укрыться от обстрела авиации, миномётов, как выйти из окружения, при этом нужно помнить, что не так уж страшны немцы, как о них привыкли думать. Они любят создать видимость окружения, огонь их беспорядочен, не меток, рассчитан на панику. Точно бьют у них только миномёты. Артиллерия бьёт по площадям или с помощью самолётов. Артиллерии нашей больше снарядов наши артиллеристы, когда нужно, не жалеют.

5. Больше всего приходится готовить данные глазомерно, часто без приборов. Много стреляли мы переносом огня. В обороне приняли то-попривязку (1-й бой и под Ельней).

6. Необходимо отлично знать карту, находить точку своего стояния. Хорошо ориентироваться (по часам, деревьям, камням).

7. Если в училище изучают немецкий язык, то нужно знать арт. команды, разговор с военнопленными, звания и знаки различия (мне приходилось стрелять из снайперской винтовки).

8. Усвоить практически топопривязку.

Вот всё, что я хотел написать. Возможно, что-нибудь из написанного поможет в обучении курсантов» [6, л. 109].

Молодой офицер, заставший начало войны в Орловской области вместе со своим полком, спустя три месяца пишет о том, что газеты уже дают представление о действиях как нашей армии, так и германской, и делятся полученным в войсках боевым опытом.

Обратимся к этому чуть подробнее. Уже в номере «Красной звезды» за 1 июля 1941 г. появляется заметка «Меткий огонь миномётчиков» авторства В. Харламова из действующей армии, в которой рассказывалось о героизме подразделения миномётчиков под командованием лейтенанта Галахова.

В номере за 5 июля выходит зарисовка «Артиллерист Евгений Золявин» автора В. Ильенкова, описывающая жаркий бой, в ходе которого лейтенант Евгений Золявин и его подчинённые, прозванные «истребителями танков», остановили натиск фашистов на одном из участков фронта.

В номере за 17 июля передана корреспонденция полковника Б. Чарнявского «Массированный огонь красных артиллеристов». В ней, в частности, рассказывается о том, что «немцы не смогли разгадать систему нашей обороны. Поэтому во время артиллерийской подготовки они вели огонь скачками в 200 метров на глубину до 5 километров. В зоне артиллерийского огня противника находилось подразделение тов. Гладкова. Люди зарылись в землю и сидели в щелях с лёгким перекрытием. Для лошадей и тракторов тоже были вырыты укрытия. Враг израсходовал огромное количество снарядов, но ранил только одного бойца и поразил двух лошадей. Последствия интенсивной авиационной бомбардировки переднего края нашей обороны тоже были незначительны...». Качественная инженерная подготовка, как видим, помогла нашим артиллеристам укрыться от вражеских ударов, а затем выполнить боевую задачу («Атака была полностью отбита»).

О мужественном артиллеристе лейтенанте Николае Хованове мы прочтём в номере за 30 июля. Автор Ник. Богданов рассказывает, как молодой офицер со своей частью оказался у родного села Маковище Новгородской области, и как его батарея отбивала атаку немецко-фашистских захватчиков.

Примечательна публикация от 31 июля «Массированный удар тяжёлых миномётов» авторства командира подразделения лейтенанта А. Тихолоза. Это первая с начала войны публикация о действиях артиллерии, повествование в которой ведётся от лица непосредственного участника боя, описывающего в том числе и тактику, применявшуюся его подчинёнными.

Представляет интерес и тот факт, что, по мнению автора, некоторые пехотные командиры не учитывали особенности тяжёлых миномётов. «Миномётные подразделения дробились вплоть до того, что одиночные тяжёлые миномёты придавались разведывательным подразделениям. Однако вскоре эта ошибка была исправлена. Миномёты стали применяться массированно».

В номере за 3 августа в публикации «Огонь советских батарей» полковник И. Романов подробно рассказывает о тактике действий наших артиллеристов при переправе через реку П., а также о положении немцев: «За последнее время мы видим перед собой всё меньшее количество немецкой артиллерии, но зато сильно возросла количество миномётов. Думается, что это не случайно. Немецкая артиллерия на конной тяге теряет много лошадей из-за отсутствия фуража и истощения. Артиллерия на мехтяге ощущает недостаток горючего. Для борьбы с миномётами мы значительно увеличили количество передовых наблюдательных пунктов, которые обнаруживают как отдельные миномёты, так и районы их расположения. Установив такой район, мы ведём стрельбу по площадям. И это даёт отличный результат».

Спустя четыре дня, 7 августа 1941 г., выходит аналитический материал майора В. Русланова «О тактике немецкой артиллерии в наступлении». Это первая публикация, в которой детально раскрываются особенности действия вражеских артиллерийских подразделений на основе первых недель войны: «За последнее время фашистская артиллерия пытается использовать и такой приём. Определив район обороны, немцы окаймляют его артиллерийским огнём и, последовательно сужая круг, приближают разрывы к центру. Лучший способ противодействия этому методу подавления обороны – решительная борьба с батареями врага средствами авиации и своей тяжёлой артиллерии».

Автор в завершение замечает: «Фашистские артиллеристы храбры тогда, когда им ничто не угрожает. По Западной Европе они самодовольно «скакали» сзади танковых соединений. Но выдержка фашистских артиллеристов стала выглядеть совсем иначе, когда они столкнулись с частями Красной армии. Если к их огневым позициям прорываются даже мелкие подразделения наших бойцов, это действует ошеломляюще. Расчёты оставляют свои орудия, не успевая привести их в негодность. Уже не одна сотня вражеских орудий захвачена нами в боях». Автор приходит к выводу, что несмотря на оснащение орудиями разнообразных систем и значительного количества миномётов, «фашисты далеко не всегда умеют полностью использовать свою артиллерию», что часто объясняет беспорядочный огонь их батарей.

19 августа в рубрике «Заметки о тактике врага» в свет выходит публикация майора П. Коломейцева с Западного направления «Некоторые приёмы немецкой артиллерии», в которых вражеские тактические аспекты рассматриваются ещё более скрупулёзно и детально.

Через пять дней, 24 августа, полковник П. Любимцев рассматривает вопросы тактики действий наших артиллеристов в публикации «Дивизионная артиллерия в подвижной обороне». Резюмируя, автор подчёркивает: «При подвижной обороне повышается вероятность просачивания отдельных вражеских групп в тыл наших войск. Используя момент перехода частей на новый рубеж, враг может выбросить им в тыл парашютные десанты, мотоциклистов, подразделения пехоты и танков. Ясно, что такие группы, оперируя в ближайшем тылу, представляют собой серьёзную опасность для артиллерии. Чтобы угроза внезапного нападения на огневые позиции артиллерии была предотвращена, ни одна батарея не должна оставаться без достаточного прикрытия».

31 августа публикуется материал полковника И. Хитрова «Опыт взаимодействия артиллерии с пехотой». Стоит отметить, что в Барнауле, Омске, Томске, Ачинске и Красноярске артиллерийские училища дислоцировались вместе с пехотными и вопросам взаимодействия артиллеристов и пехотинцев уделялось особое внимание в ходе мероприятий боевой подготовки, в том числе на совместных отрядных учениях. Так, Лепельское миномётное училище за 1942 г. в Барнауле провело 12 таких учений, ночных учений – 9. На этих занятиях курсанты втягивались в походную жизнь в различных условиях: днём и ночью, в непогоду, в условиях плохой видимости, при морозах $-30-35^{\circ}\text{C}$, приучились действовать на незнакомой местности и управлять взводом и батареей в бою [4, л. 38].

В номере за 13 сентября полковник Б. Андреев продолжает начатую полковником П. Любимцевым тему – «Артиллерия при защите водной преграды», вслед за этим 18 сентября подполковник В. Дерман с Северо-Западного направления анализирует опыт использования миномётов в обороне, а полковник И. Кривцов 20 сентября – опыт артиллерийской разведки под Ельней.

До конца 1941 г. на страницах «Красной звезды» публикуются материалы о прожектористах, героических миномётчиках Ленинградского фронта, подвигах артиллерийских расчётов на фронтах, продолжается серия материалов, касающаяся разбора действий наших артиллеристов – «Артиллеристы, уничтожайте миномёты противника!», «Опыт борьбы с кочующими миномётами», «Массирование артиллерийского огня», «Артиллерия против танков» и другие.

В этот самый тяжёлый период Великой Отечественной войны газетные публикации выступали в качестве важного учебно-методического элемента в системе подготовки кадров для действующей армии. Выпуски в первые полтора года войны шли одни за другими [3, л. 229–230]. Материалы на страницах «Красной звезды» позволяли курсантам в максимально сжатые сроки знакомиться с тактическими вопросами, а также особенностями применения и эксплуатации вверенной техники в условиях боевых действий. Не на примере учебников и пособий, материалы которых к тому моменту базировались на наследии предшествующих вооружённых конфликтов, а на примере только что завершившихся реальных боёв

и операций. Таким образом, опыт войны, благодаря таким публикациям, транслировался в максимально оперативном (на тот исторический период времени) режиме. Кроме того, такие публикации мотивировали обучавшихся на свершение подвигов во имя Родины на примере мужественных и доблестных артиллеристов, уже сражавшихся на фронтах с немецко-фашистскими захватчиками.

Публикации продолжили выходить в течение всей войны, отражая изменения в ходе ведения боевых действий, применения новых видов артиллерийского вооружения, продиктованного развитием технической науки, и систематизируя боевой опыт, получаемый советскими артиллеристами.

Список источников

1. Российская газета. 30.04.2015. № 93 (6664).
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). ЦАМО. Ф. 36. О. 11608. Д. 249.
3. ЦАМО. Ф. 36. О. 11608. Д. 13/1.
4. ЦАМО. Ф. 60171. О. 35257. Д. 1.
5. ЦАМО. Ф. 36. О. 11608. Д. 192.
6. ЦАМО. Ф. 36. О. 11608. Д. 16.
7. Архив газеты «Красная звезда».

Научное издание

КРАСНОЯРСКИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

Красноярск, 19 ноября 2024 г.

Корректор *З. В. Малькова*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Сафиной*

Подписано в печать 03.03.2025. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз. Заказ № 23679

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Для заметок